

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Научный журнал

№ 2 (7)

Санкт-Петербург
2018

PUSHKIN LENINGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

Scientific journal

№ 2 (7)

St. Petersburg
2018

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
**ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

2018
№ 2
(7)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи и массовых
коммуникаций
4 марта 2016 г.

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-68612

Журнал издается
с 2016 года
Периодичность 4 раза в год

Учредитель: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Редакционная коллегия:

А. В. Белова, доктор исторических наук, доцент, Россия
В. А. Веремченко, доктор исторических наук, профессор, Россия (главный редактор)
О. Р. Демидова, доктор философских наук, профессор, Россия
А. Дудек, доктор философии (PhD), Республика Польша
Л. П. Заболотная, доктор исторических наук, доцент, Республика Молдова
С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор, Республика Казахстан
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент, Россия (зам. главного редактора)
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, Россия
К. Мацузато, доктор юриспруденции (PhD), Япония
С. М. Назария, доктор политических наук, доцент, Республика Молдова
Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор, Россия
Д. Рансел, доктор истории (PhD), США
М. А. Текуева, доктор исторических наук, Россия
Л. Цзюань, доктор филологии (PhD), Китай
Т. К. Щеглова, доктор исторических наук, профессор, Россия

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией.

Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании.

Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются

Адрес учредителя:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес редакции:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10
Tel. +7(812) 451-93-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

SCIENTIFIC JOURNAL
**HISTORY OF
EVERYDAY LIFE**

2018
№ 2
(7)

The journal is registered by
The Federal Service for
Supervision of Communications, Information
Technology, and Mass Media
March 04, 2016

The certificate
of the mass media registration
ПИ № ФС77-68612

The journal is issued
since 2016
Quarterly, 4 issues per year

Founder: Pushkin Leningrad State University

Editorial Board:

A. V. Belova, Doctor of History, Associate Professor, Russia
V. A. Veremenko, Doctor of History, Full Professor, Russia (chief editor)
O. R. Demidova, Doctor of Philosophy, Full Professor, Russia
A. Dudek, Doctor of Philosophy (PhD), Republic of Poland
L. P. Zabolotnaya, Doctor of History, Associate Professor, Republic of Moldova
S. I. Kovalskaia, Doctor of History, Full Professor, Republic of Kazakhstan
V. O. Levashko, Candidate of History, Associate Professor, Russia (deputy editor)
S. V. Liubichankovskii, Doctor of History, Full Professor, Russia
K. Matsuzato, Doctor of Law (PhD), Professor, Japan
S. M. Nazariia, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Republic of Moldova
N. L. Pushkareva, Doctor of History, Full Professor, Russia
D. Ransel, Doctor of History (PhD), Professor, USA
M. A. Tekueva, Doctor of History, Russia
L. Juan, Doctor of Philology (PhD), China
T. Shcheglova, Doctor of History, Full Professor, Russia

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements for authors established by editorial board.

The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Papers which do not follow the rules are rejected by the editorial board

Founder's address:

196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Editorial board's address:

196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 451-93-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

Содержание

ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

- В.В. Каминский, Д.Ю. Исповедников*
«Если холостой комсостав еще кое-как перебивается,
то с семейным ...дело обстоит гораздо хуже»
(Материальные условия жизни комсостава РККА в 1920-х гг.
по документам Политуправления РККА и военных округов) 9
- Н.В. Кабакова*
Эвакуация в Омск в памяти ленинградских рабочих завода
им. Н.Г. Козицкого 48

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

- А.Н. Зувев*
Роль жилищно-строительной кооперации по разрешению
жилищного кризиса в Советском Союзе во второй половине
20-х гг. XX в. (по материалам областей Верхнего Поволжья) 61

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

- С.Н. Брежнева*
Повседневная жизнь населения Кокандского ханства
в описании русского посла (по книге и рукописи Ф. М. Назарова)..... 72
- Т.Н. Минникова*
Неофициальная повседневность в жизни граждан
Тосненского района по материалам районной газеты
«Ленинское знамя» за 1940 г. 89

ЭТНОГРАФИЯ

- С.Н. Алнаддаф*
Образ Европы в представлении арабов в Средние века:
«Факторы формирования образа» 98

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

- А.Е. Жукова*
С.С. Татищев и его биография императора Александра II 108

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В.Г. Иофе

Крупный ученый, талантливый организатор науки
и образования..... 115

В.Н. Куприянов, А.В. Лосик

Перелет Юрия Гагарина из Куйбышева в Москву
и его триумфальная встреча в столице. В 2-х частях 122

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

С.С. Войтиков

Справочник о российских генштабистах на службе
в Красной армии 139

В.А. Верременко

Каминский В.В. Офицеры Русской Императорской Армии
в Корпусе «красного» Генерального Штаба (персональный состав,
служебная занятость, специфика личных судеб (1918–1945 гг.)).
Биографический справочник. Т. 1. А-Ж. С.-Петербург,
Издательский Центр «Гуманитарная Академия», 2018..... 144

Сведения об авторах 152

Contents

MILITARY EVERYDAY LIFE

- V.V. Kaminsky, D.Yu. Ispovednikov*
"If the single commanding personnel still somehow scrapes by,
then with the family ...things are much worse" (Material conditions
of life of commanding personnel in the 1920-s on materials
of Political Administration of the Red Army and military districts)..... 9
- N.V. Kabakova*
Evacuation to Omsk in memory of the Leningrad workers
of the N.G. Kozitsky plant..... 48

ECONOMIC DAILY LIFE

- A.N. Zuev*
The role of housing-construction cooperation in resolving of the
housing crisis in the Soviet Union in the second half of the 20-s
of the XX century (on materials of the Upper Volga region)..... 61

REGIONAL ASPECTS OF HISTORY OF DAILY LIFE

- S.N. Brezhneva*
Everyday life of the Kokand khanate population
in the description of the Russian Ambassador
(by F. M. Nazarov's book and manuscript)..... 72
- T.N. Minnikova*
Informal everyday life in the lives of Tosnensky district citizens
on the materials of the district newspaper "Leninskoye Znamya"
for 1940 89

ETHNOGRAPHY

- S.N. Alnaddaf*
The image of Europe in the representation of the Arabs
in the Medieval Ages: «Factors of forming the image» 98

SOURCE STUDY AND HISTORIOGRAPHY

- A.E. Zhukova*
S.S. Tatishhev and his biography of Emperor Alexander II..... 108

PERSONALITY IN HISTORY OF EVERYDAY LIFE

- V.G. Iofe*
A great scientist, talented organizer of science and education 115
V.N. Kupriyanov, A.V. Losik
Flight of Yuri Gagarin from Kuibyshev to Moscow
and his triumphal meeting in the capital. In 2 parts. Part one.
Flight of Yuri Gagarin from Kuibyshev to Moscow..... 122

SURVEYS AND REVIEWS

- S.S. Voytikov*
Reference book of Russian General Staffs in the Red Army 139
V.A. Veremenko
Kaminskij V.V. Oficery Russkoj Imperatorskoj Armii v Korpuse
«krasnogo» General'nogo SHtaba: personal'nyj sostav, sluzhebnyaya
zanyatost', specifika lichnyh sudeb (1918–1945 gg.). [Officers of the
Russian Imperial Army in the red General Staff Corps: personnel,
official employment, specifics of personal destinies (1918–1945)].
T. 1. M.: Izdatel'skij Centr «Gumanitarnaya Akademiya», 2018..... 144
- About authors 154

ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК 94(470)"192":355.123

ГРНТИ 03.23.55 История России Новейшего времени

В.В. Каминский, Д.Ю. Исповедников

***«Если холостой комсостав еще кое-как перебивается,
то с семейным ...дело обстоит гораздо хуже»
(Материальные условия жизни комсостава РККА в 1920-х гг.
по документам Политуправления РККА и военных округов)***

С завершением в 1921 г. периода военного коммунизма, когда все лучшее направлялось на благо армии, и переходом основной массы частей на стационарное положение, комсостав приступил к устройству жизни в мирных условиях. Оставив фронт с неотъемлемыми, но оправданными лишениями и страданиями, он вместе со всей страной шагнул в эпоху новой экономической политики, став свидетелем, с одной стороны, торгово-промышленного подъема, а с другой – расслоения советского общества на «богачей-нэпманов» и остальную часть населения, кое-как сводящего концы с концами. И в Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), как в своеобразном слепке общества, отразились те же противоречия. Жена командира взвода могла завидовать жене командира полка за то, что та «ходит в шелковых чулках, а у жены комвзвода ни одной пары приличной...» И если командиры взводов ютились в бараках, то командиры полков жили уже в отдельных домах или квартирах, а военная верхушка окружного уровня даже могла иметь свой транспорт и прислугу. Кроме того, РККА самым прямым образом унаследовала «теневые стороны» Русской Императорской (РИА) армии, как-то: превращение жены краскома в привязанную к кухне домохозяйку и проблемы законных / незаконных детей краскома.

Ключевые слова: РККА, красные командиры (краскомы), жилище, одежда, продпайки.

V.V. Kaminsky, D.Yu. Ispovednikov

***"If the single commanding personnel still somehow scrapes by,
then with the family ...things are much worse" (Material conditions
of life of commanding personnel in the 1920-s on materials
of Political Administration of the Red Army and military districts)***

With the completion in 1921 of the period of military communism, when all the best was for the benefit of the army, and the transition of the bulk of the units to a stationary position, the "red" commander began to organize life in peaceful conditions. Leaving the front with inherent but justifiable hardship and suffering, he, together with the whole country, stepped into the era of the new economic policy,

---

© Каминский В.В., Исповедников Д.Ю., 2018

© Kaminsky V.V., Ispovednikov D.Yu., 2018

witnessing on the one hand the commercial and industrial boom, and on the other – the stratification of Soviet society into "rich Nepmen" and the rest of the population, somehow making ends meet. And the Red Army, as in a peculiar cast of society, reflected the same contradictions. The wife of the platoon commander could envy the wife of the regiment on the fact that she "walks in silk stockings, and the wife of the platoon commander does not have a decent pair ..." And if the platoon commanders huddled in barracks, the regiment commanders already lived in separate houses or apartments, and the military top of the district the level could even have its own exit and servants. In addition, the Red Army most directly inherited the "shadow side" of the RIA, such as the transformation of the wife of *kraskoma* into a housewife bound to the kitchen and the problem of legal / illegal children of *kraskoma*.

Key words: Red Army, red commanders, housing, clothing, rations.

Введение. Краткий историографический обзор. Активное развитие в последние десятилетия проблематики микроистории породило в академической среде такое явление, как исследование самых различных аспектов повседневной жизни человечества (everyday life), которое уже имеет в своем активе не только целый ряд серьезных академических трудов [см. напр. 1–4], но и научно-популярные серии [см. напр. 5–6].

Тема повседневной жизни представителей разных социальных групп российского населения активно разрабатывается среди наших коллег – маститых российских ученых. При этом «гражданские прослойки общества» в рамках повседневной тематики рассматриваются достаточно подробно не только в академической литературе (в научных статьях и в монографиях) [7–17], но и в популярной [18–19].

Между тем научная разработка советской военной повседневности, особенно периода 1920-х гг. сегодня, как и в советские времена, оставляет желать лучшего [20, с. 4]. Подобная разработка представлена, главным образом, серией разрозненных статей, не выходящих за рамки двух основных вопросов – материального снабжения Рабоче-крестьянской Красной армии (далее – РККА) [см. напр.: 21–27] и проблемы подготовки для нее командных кадров [см. напр.: 28–32]. В то же время целый ряд аспектов военной повседневности (офицерский быт, подробности общего и военного образования, равно как и этапы продвижения военного по службе, характеристики его служебного статуса, наконец, семейное положение) вполне можно вычленивать и из историко-биографических материалов, коим авторы настоящей статьи, особенно В.В. Каминский, уделили достаточно пристальное внимание [33, с. 135–798; 34–46].

Настоящей статьей авторы предполагают начать целую серию публикаций по материалам Российского государственного военного архива (далее – РГВА), которые будут касаться самых различных аспектов повседневной жизни комсостава РККА периода 1920-х гг. А именно: подготовка «красных» командиров в системе Главного

управления военно-учебных заведений (ГУВУЗ), статусные прослойки внутри «красного» комсостава, специфика его взаимоотношений как с военными комиссарами и рядовыми красноармейцами, так и с остальным советским обществом, равно как и с правоохранительными и репрессивно-карательными органами, распорядок дня и культурный досуг «красных» командиров, криминал и аномальные явления в среде комсостава РККА (должностные преступления, дезертирство, драки, пьянство, самоубийства и пр.), наконец – «женский вопрос»... Открывает нашу серию *проблема материальных условий жизни комсостава РККА в 1920-е гг.*, в рамках которой представляется возможным рассмотреть целый ряд аспектов.

Прежде всего определим процент семейного комсостава в 1920-е гг., а для этого обратимся к общеармейской статистике, которая по данным социально-демографического учета личного состава РККА (высший, старший и средний списочный состав) на 1 апреля 1925 г. дает нам следующие данные: среди 45 580 чел. высшей, старшей и средней категорий – 15 143 женатых (33,22 %), среди 47 613 чел. младшей категории – 14 229 женатых (29,88 %), в национальных школах из 593 чел. – 164 женатых (27,66 %) [48. Л. 18, 20, 50 об.]. Таким образом, семью имели примерно треть командиров¹, чье положение, в первую очередь финансовое, на протяжении 1920-х гг. оставалось крайне тяжелым.

Материально-бытовое положение начсостава РККА в 1920-е гг., как это отмечалось политорганами той же армии, было далеко неудовлетворительное [47. Л. 92].

1. Денежные оклады красных командиров (далее – краскомы) не обеспечивали им достойного существования.

Как следует из доклада комиссии по обследованию быта начсостава частей Московского гарнизона, на декабрь 1922 г. средний месячный бюджет командирской семьи равнялся 44 800 р. при дефиците 67,7 %. Сумма складывалась из жалования (13 800 р.), на которое можно было приобрести разве что сажень дров, личного вещевого и продуктового довольствия – (10 тыс. р. и 6 тыс. р.), а также пайка из расчета в среднем на 4-х чел. (15 тыс. р.). Для нормального существования не хватало 93 600 р., в т. ч.: на одежду (46,3 %), коммунальные услуги и обустройство жилища (21,7 %), продовольствие (13,3 %), культурные нужды (9,7 %), воспитание детей и медицинскую помощь (9 %) [50. Л. 60–60 об.].

Еще хуже обстояли дела в национальных республиках с неустойчивыми денежными системами, проблемами при переводе со-

---

¹ Однако такое соотношение представляется относительным, ибо оно менялось в разл. войсковых частях и адм. учреждениях РККА. Например, комполитсостав 1-й Грузинской стр. дивизии на начало ноября 1925 г. был наполовину женатый и наполовину холостой (по 50 %) [49. Л. 133].

ветских денежных знаков в местные и отсутствием помощи из центра. К началу 1923 г. в Отдельной Кавказской армии (далее – ОКА) кризис привел к урезанию и без того мизерных окладов. Из-за нехватки грузинских бон они выплачивались с опозданием и при колоссальном подорожании продуктов едва удовлетворяли десятую часть потребностей. По заключению политуправления, оклад комполка по XV разряду строевого тарифа в Грузии (3 млн р. или 6 р. золотом) позволял обеспечить лишь месячную потребность керосина (25–30 тыс. р. за фунт) для освещения и варки пищи [51. Л. 24–25]. На конец мая 1923 г. прожиточный минимум для семьи, состоявшей, кроме командира, еще из жены и ребенка, по ценам Тифлисского рынка определялся в 34 млн р., содержание же командира роты (по апрельским ставкам) равнялось 5 млн 330 тыс. р., командира батальона – 11 600 000 руб., командира полка – 19 335 000 руб. что немногим отличалось от оклада почтальона в 18 млн 456 тыс. р. [52. Л. 46].

С 1 июня 1924 г. в РККА ввели тарифные сетки: 9-разрядную – для срочнотрудовых и 19-разрядную – для командного, политического и медицинско-ветеринарного персонала. Однако начальник Управления РККА В.Н. Левичев явно выдавал желаемое за действительное, когда докладывал зам. председателю РВС СССР М. В. Фрунзе в ноябре 1924 г., что благодаря преобразованию содержание комсостава в среднем увеличилось на 21 % [20, с. 271]. На деле все надбавки и льготы «съедали» инфляция и дороговизна. Так, политотдел 10-й Майкопской кавалерийской дивизии, ссылаясь на данные статистического бюро г. Тамбова, сообщал, что с 1 июля 1925 г. по март 1926 г. цены на продукты выросли в среднем на 87,88 %, тогда как зарплата начсостава – всего на 32,73 %. Таким образом, реальные доходы холостых сократились на 55,15 %, женатых – на 66,63 %, имевших детей – на 72,78 % [53. Л. 77 об.].

Несмотря на оптимистичные заявления начальника снабжений РККА и РККФ И.С. Уншлихта о повышении расходов на зарплату военнослужащим, в военном бюджете на 1924/1925 гг. в сравнении с 1923/1924 гг. ситуация мало улучшилась. При этом увеличение довольствия происходило обратно пропорционально категориям комсостава: у командира взвода (далее – комвзвода) – в 1,7 раза, у командира роты (далее – комроты) – в 1,3, у командира полка (далее – комполка) – в 1,4, у командира дивизии (далее – комдив) – только в 1,1 [20, с. 254–256, 258]. Дальнейшие надбавки в декабре 1926 г. и июне 1927 г., наоборот, облегчили жизнь командиров рот, батальонов (+20 р.) и полков (+40 р.), но не комвзводов (только +10 р.) [54. Л. 14]. По донесению политотдела 3-й кав. дивизии, выражением недовольства из-за разницы в достатке становилась ревность к вышестоящему начальству и его семье: «жена комполка

ходит в шелковых чулках, а у жены комвзвода ни одной пары приличной» [54. Л. 5 об. – 6].

Провести единовременное чистое повышение жалования по всей армии было затруднительным. Оно осуществлялось за счет сокращения отдельных статей дохода комсостава, оказываясь, порой, лишь видимостью. По сообщению политотдела 2-й Кавказской дивизии (Кавказская Краснознаменная армия, далее – ККА) комвзвода в 1925 г. получал оклад 48 р. и 3 р. семейных, бесплатно пользуясь жильем и коммунальными услугами, тогда как в декабре его жалование увеличилось до 70 р. одновременно с отменой этих льгот. В результате, с учетом выросшей квартплаты (10–15 р.) реальная прибавка достигала не более 8–13 р. [55. Л. 130]. Рассмотрим этот вопрос более подробно, обратившись к данным по 10-й Майкопской кав. дивизии.

Таблица 1

*Итоги надбавки жалования комсоставу
10-й Майкопской кав. дивизии в декабре 1925 г.*

Семейное положение комсостава, %	Июльский оклад + пайковые, р.	Декабрьский оклад, р.	Процент увеличения, %
Комвзводы и равные им, 121 чел.			
Холостые, 40,5	49	70	42
Женатые, 33,88	49 + 4		32,07
Женатых с детьми 25,62	49 + 8		22,8
Командиры эскадронов и политруки и равные им, 116 чел.			
Холостые, 24,1	63	80	26,98
Женатые, 31,03	63 + 4		19,3
Женатые с детьми, 44,87	63 + 8		12,6
Помощники командиров полков и равные им, 36 чел.			
Холостые, 8,4	74	95	28,37
Женатые, 33,3	74 + 4		21,8
Женатые с детьми, 58,3	74 + 8		15,8

Продолжение табл. 1

Командиры и комиссары полков и равные им, 13 чел.			
Холостые, 0	100 + 11,50	130	18,5
Женатые, 38,4	100 + 3,50		13
Женатые с детьми, 61,6	100 + 7 + 11,50		9,1

Составлена на основе: 56. Л. 77–77 об.

Кратко проанализируем данные табл. 1.

Во-первых, прослеживается заметное снижение доли холостых с возрастанием командной категории рассматриваемой дивизии: если среди 121 комвзводов и им равных их было почти половина (49 чел.), то среди 116 командиров эскадронов – уже только треть (ок. 28 чел.), среди 36 помощников командиров эскадронов – 3 чел., а среди 13 командиров полков холостых уже не было вовсе, что, в общем-то, выглядит вполне естественно: должности командира полка краском мог достигнуть, как правило, не раньше 25-30 лет, когда многие из красных командиров уже обзаводились семьями (тут уместно отметить, что в дореволюционное время офицеры Русской Императорской армии (далее – РИА) к той же должности полкового командира приближались в более позднем возрасте – к 40–45 годам) [подсчитано по: 33; см. также 57].

Во-вторых, хотя в то время – хронической нехватки продовольствия – определяющим фактором семейного обеспечения продуктами питания являлись пайки (о них еще пойдет разговор ниже), следует отметить факт четкой служебно-социальной градации, когда средний комсостав (комвзводы, уровень подпоручика / поручика в РИА) получали оклад вдвое меньший, нежели командиры полков (уровень полковника в РИА).

В-третьих, табл. 1 ясно демонстрирует картину «уравниловки» в том плане, что размер оклада краскома, как и надбавки к нему (колонки № 1–3), отнюдь не зависели ни от его семейного положения (женат / холост), ни от количества детей в командирской семье.

В-четвертых, процент увеличения денежного оклада в результате надбавки оказался существенным именно для холостых командиров всех категорий; причем процент этот увеличивался в системе обратной пропорциональности: для комвзводов он составил почти половину (42 %), для командиров эскадронов и их помощников – около одной трети, а для командиров полков – не достиг даже четверти (18 %).

Наконец, *в-пятых*, описанные изменения были выгодны также для не учтенного в табл. 1 младшего комсостава (отделкомы, стар-

шины): по общему социально-демографическому учету РККА на 1 апреля 1925 г. среди 48 571 чел. этой категории женатых насчитывалось лишь 16 791 чел. (34,57 %) [58. Л. 749–749 об.].

Итак, видно, что главным заинтересованным субъектом этих изменений стало лишь холостяцкое меньшинство, по крайней мере среди среднего и старшего комсостава.

Тяжелее всего приходилось командирам младшего и среднего звена. В первые послевоенные годы даже в центральных округах (не говоря уже о провинции) регистрировались случаи, когда в поисках средств к существованию малолетние дети комвзводов просили милостыню, а их жены занимались проституцией [59. Л. 140; 60. Л. 203; 61. Л. 22]. Отношение к этому могло быть диаметрально противоположным. Если, например, в ОКА в начале 1923 г. «при влечении нищенского существования» мужья сами посылали супруг «на позорный промысел» [51. Л. 28], то в 4-м полку (Отдельная Дальневосточная армия, далее – ОДВА) летом того же года два краскома, оказавшись в отчаянном положении, убили своих жен, не желая допустить подобного падения [62. Л. 181 об.].

В обзоре от 22 июня 1923 г. прослеживается динамика изменений материального положения комвзводов РККА по общереспубликанскому масштабу: «Январь – 50 руб., февраль – 130 руб., март – 165 руб. 10 коп., апрель – 201 руб. 42 коп., май – 271 руб. 92 коп., июнь – 377 руб. 42 коп.». Эти цифры, несмотря на ежемесячные тарифные прибавки, существенно отставали не только от повышения цен, но и от ставок рабочего средней квалификации [63. Л. 105].

По данным политотдела 27-й стр. дивизии (Сибирский военный округ, далее – СибВО), взводному командиру с женой и ребенком, получавшему до прибавки в июне 1927 г. 60 р. жалования, 10 р. квартирных и паек натурой, месячное питание обходилось в 36 р., баня и стирка – 5 р. 70 к., керосин – 2 р., газеты-журналы – 3 р. 20 к., наконец, 1 р. 80 к. шел на различные отчисления. Посылая кроме того 10 р. матери, комвзвода тратил всего 71 р. 20 к., в связи с чем ему приходилось жить за месяц вперед, перманентно наращивая долги и не имея возможности купить одежду или обувь ни себе, ни супруге [64. Л. 14].

Даже ставка комвзвода в Москве, хотя и была на 50 % выше указанной, вместе с пайком едва достигала прожиточного минимума и стоимости набора продуктов (свыше 900 р.), определявшей величину товарного рубля [63. Л. 105].

Тяжелое материальное положение именно этой средней категории комсостава РККА (комвзвод) нашло свое отражение даже в армейском «народном творчестве»:

*«Отыщи мне такую обитель
Я такого угла не встречал,*

Где бы цвет нашей армии красной

Где б несчастный комвзвод не страдал...» [65. Л. 286 об.].

Доходы рабочих специалистов были значительно выше, нежели зарплаты командиров РККА различного уровня. Для сравнения: в 1929 г. зарплата комвзвода достигала 100 р., командира батальона (далее – комбат) – 130 р., комполка – 185 р., тогда как мастер на предприятии получал 160 р., завцехом – 200 р., а директор – 250–300 р. [66. Л. 76].

2. Жены краскомов мало чем могли им помочь в деле материального обеспечения семьи. К сожалению, обнаруженные в фондах РГВА статистика, анкеты и аналитические обзоры подробно не раскрывают вопроса о том, какой в описанной ситуации была степень трудовой занятости командирских жен. Все же отрывочные сведения дают основания полагать, что в то время как большинство жен (особенно с детьми) занимались домом, другие старались найти любую, пусть и самую низкооплачиваемую работу. Такая возможность существовала в крупных промышленных центрах, но не в отдаленных гарнизонах. К тому же многим из них, прошедшим гражданскую войну наравне с мужчинами, здоровье не позволяло выполнять даже домашние дела. По этой причине, расписывая в анкетах статьи своего семейного бюджета, комсостав упоминал о необходимости найма прислуги [50. Л. 76 об., 79]. Существовали и другие препятствия. В записках о быте частей Московского военного округа (далее – МВО) от 29 сентября 1923 г. специальная комиссия ЦКК РКП(б) отмечала, что супруги военных не могли поступить в местные советские учреждения из-за постоянных перебросок их мужей по службе. Лишь некоторые работали в канцеляриях частей за красноармейский паек. В итоге почти все командиры, выезжая на маневры, брали жен с собой, поскольку не могли оставить их в городе без пропитания [67. Л. 30].

С другой стороны, устраиваясь уборщицей, торговкой, а то и – для стирки белья красноармейцев [50. Л. 53; 68. Л. 119 об.] (последнее, кстати, сразу снижало статус ее мужа в глазах красноармейцев), или, нанимаясь в качестве портнихи, белошвейки, шляпницы и домашней прислуги [52. Л. 45], женщина фактически переставала участвовать в воспитании детей. При этом совокупность окладов обоих супругов совсем не обязательно обеспечивала материальное благополучие семьи¹. Как видно из анкеты слушателя Высшей военной авто-броневой школы (1924 г.) несмотря на то что его жена, занимавшая должность на заводе «Красная Заря», получала 21 р. в

---

¹ Та же проблема волновала российское офицерство в имперский период [См. 69].

месяц, они вместе с двумя детьми испытывали нехватку одежды и обуви [70. Л. 5].

Следует, однако, здесь заметить, что финансовая необеспеченность, приводя к напряжению в семейных отношениях, тем не менее, редко становилась поводом для развода. Подобный пример удалось обнаружить только в донесении Политуправления Белорусского военного округа (далее – БВО) № 18 от 25 апреля 1928 г., сообщавшем о свадьбе бывшей супруги командира с нэпманом [47. Л. 94 об.].

3. На финансовые трудности накладывался масштабный жилищный кризис, который, однако, «задел» различные категории комсостава РККА отнюдь не в равной степени. Юристы Л.М. Пчелинцева и С.В. Пчелинцев всего за период с декабря 1918 г. до августа 1931 г. насчитали порядка 19 нормативных актов, принятых советским правительством в области решения вопроса об обеспечении военнослужащих «квартирным довольствием», которые «...наглядно демонстрируют активную роль государства в решении жилищной проблемы военнослужащих даже при его ограниченных финансовых и материальных ресурсах в 20-х годах XX века» [25. Л. 43].

Однако «активная роль государства» в указанной области, если таковая и имела место в действительности, еще отнюдь не означала кардинального и действенного решения проблемы обеспечения жильем «красного» комсостава. А теперь обратимся непосредственно к архивным материалам, в которые юристы Пчелинцевы, увы, даже не удосужились заглянуть.

В 1920-е гг. «рядовой» (т. е. ниже уровня комполка) женатый комсостав РККА обитал, как правило, в полуразрушенных, тотально уплотненных общежитиях на территории воинских частей, стандартными характеристиками которых было отсутствие уборных и ремонта, грязь и сырость, провоцировавшие у маленьких детей простуду и чахотку. Холостой же – на частных квартирах с достаточной кубатурой и хорошими культурно-бытовыми условиями, но высокой арендой. При этом сотни семей не имели абсолютно никакого пристанища, занимая старые кухни и коридоры по 16–20 кв. аршин, отгораживая места в топках центрального отопления. Другие жили в походных комнатах или в казармах вместе с красноармейцами и даже – «на чердаках казарм» [62. Л. 50–52; 71. Л. 1–2; 72. Л. 1–2; 50. Л. 53; 61. Л. 17–18; 67. Л. 28; 73. Л. 12; 32–32 об.; 111; 74. Л. 9 об., 111; 75. Л. 482–483; 76. Л. 15; 77. Л. 31, 51, 82 об.]. В одном из таких «углов» зимой 1922 г. жена комроты 41-го стр. полка (МВО), студентка медфака, занимаясь при температуре 3–4 градуса, лишилась сознания [50. Л. 59 об.]. В 15-м тяжелом арт. дивизионе (Украинский военный округ, далее – УВО) был случай, когда жена одного комба-

та бросила ребенка в канцелярию со словами «возьмите его или дайте квартиру!» [77. Л. 31]. В крупнейших городах (Москва, Петроград) по несколько семей жили в одной разделенной ширмами комнате, спали в ванной и на полу. Повсюду отмечалась совершенная убогость внутренней обстановки, отсутствие не только декоративных украшений, но и элементарных предметов хозяйственного обихода. Приведем здесь некоторые примеры.

Из обследованной в Смоленске в декабре 1923 г. 31-й семьи комсостава – только три имели самовары, а большинство детей обходилось без топчанов. Случаев благополучного быта по впечатлению работников Политуправления РККА (далее – ПУР) было в городе столь мало, что они не заслуживали серьезного внимания [68. Л. 117 об. – 118].

На 3-й армейской партконференции войсковых частей ККА в июле 1924 г. один из докладчиков, опираясь на результаты различных опросов, подчеркивал, что на приобретение мебели командир тратил лишь 1 % жалования [78. Л. 320; 79. Л. 243].

Из доклада Московской окружной парткомиссии ответственному секретарю конфликтной комиссии ПУРа за январь-март 1925 г.: «Старший комполитсостав живет удовлетворительно, средний недостаточно обеспечен, что можно заметить из ряда семейно-бытовых условий. ...Многие не имеют постели. Квартир с мебелью или совсем не найти, или нужно платить очень дорого» [80. Л. 23 об.].

Из доклада той же Московской окружной парткомиссии ответственному секретарю конфликтной комиссии ПУРа за июль-сентябрь 1925 г.: «Все дивизии жалуются на материальную необеспеченность. Квартирные условия не позволяют запасти часть продуктов в свое время по дешевым ценам, потому негде хранить. Редкие квартиры приспособлены к тому, чтобы готовить пищу дома, на чем можно было бы много сэкономить» [80. Л. 42 об.].

Из сводки Политуправления РККА за № 360 от 23 мая 1927 г.: «В Сызрани начсостав живет в землянках, в Челябинске – в бывших складах без печей. Вновь прибывающие командиры живут неделями на вокзалах» [81. Л. 108].

В докладе инструктора политического отдела 2-й Грузинской стр. дивизии Мамаладзе об изучении среднего и старшего начсостава (1928 г.) отмечалось, что «50 % начсостава вовсе не имеют комнат, а у имеющих [они] – не годны для жилья. У кого имеется комната в ней ничего нет кроме топчана с военным одеялом, одного стула, стол без ног и бутылка со свечкой» [82. Л. 580 об.]. Военком 2-й арт. бригады (Ленинградский военный округ, далее – ЛВО) 30 августа 1930 г. докладывал: «обходя лично квартиры начсостава, я убедился, что вся мебель у ряда командиров состоит лишь из ломаного стола и табуреток» [83. Л. 74].

В отдаленных от «центра» провинциях жизненные условия оставались невыносимыми и к концу 1920-х гг., как например, в Дюшамбинском и Кулябском гарнизонах (Среднеазиатский военный округ, далее – САВО), где на февраль 1928 г. почти весь начсостав ютился в туземных кибитках с земляным полом и крышей без бердан. Отапливали их маленькими железными печками, а рамы из-за дороговизны стекла (15–20 р. за кв. аршинное окно) даже в холода зашивали марлей [84. Л. 45–46]. Инспекция окружного Политуправления САВО в ноябре 1928 г. констатировала: «в 1-м стр. полку 28 чел. начсостава не обеспечены квартирами, некоторые живут в церкви на гауптвахтах и в полковом тире. В Термезе лица начсостава 81-го кав. полка живут в полковом клубе. В гарнизоне Керки под квартиру начсоставу отведен сарай – гостиница. Наблюдаются случаи, когда квартиры убывающих в отпуск занимают другие, а отпускнуки по приезду остаются без квартир. Общежития не устроены, нередко нет уборных, выгребных ям, кухонь...» [85. Л. 5]. 6 апреля 1929 г. РВС САВО докладывал зам. председателя РВС СССР: «Начсостав, как правило, ютится в мазанках, в коих отсутствуют даже минимальные удобства...» [86. Л. 284–285]. При этом по оценке окружного политуправления (САВО), оклад среднего начсостава с женой и ребенком по-прежнему был значительно ниже прожиточного минимума по Таджикистану (194 р. 40 к.), Узбекистану и Туркменистану (146 р. 60 к.) [84. Л. 162 об.].

Правда, следует признать, что постепенно ситуация с «жилищной проблемой» комсостава РККА улучшалась, хотя при распределении жилплощади сохранялась неравномерность. В 68-м и 69-м стр. полках (УВО) в 1927 г. две семьи начсостава имели трех- и двухкомнатные квартиры (видимо, здесь речь идет о полковых командирах и их помощниках), 26 – однокомнатные и 33 располагались в бараках, клубах, классных комнатах или банях [87. Л. 193–194 об.]. В 6-м стр. полку (БВО) на начало 1928 г. лишь у 6 % командирских семей были удовлетворительные квартиры, у 42 % – сносные и у 27 % – ветхие. В 31-м кав. полку пять семей занимали менее 5 кв. м, 18 – 5–10 кв. м, 11 – 10–15 кв. м, 13 – свыше 15 кв. м [47. Л. 93 об.]. Всего на 1 августа 1928 г. в гарнизонах БВО разместилось 5 108 семейств, 332 жилья не имели и 1 572 требовали его немедленной замены [88. Л. 12].

В начале февраля 1929 г. РВС МВО, отмечая работу, «...проделанную Управлением зданиями Наркомата по военным и морским делам по удовлетворению жилищной площадью и улучшению жилищных условий начсостава Московского гарнизона с 16 ноября 1927 г. по 1 февраля 1929 г.», указывал, что «удовлетворено 1 207 семей, улучшены жил[ищные] условия 290 семей, представлено за 2 созыва 1927 г. и 1928 г. 120 комнат для слушателей ака-

демии» [89. Л. 8]. Между тем в том же столичном Московском гарнизоне еще на сентябрь 1928 г. бездомными числились 435 семей начсостава и 536 нуждались в срочном переселении [90. Л. 82]¹. А 15 апреля 1930 г. в своем докладе о жилищном положении начсостава РККА в Московском гарнизоне командующий войсками МВО² прямо заявил, что «положение продолжает оставаться слишком напряженным» и «за время с 1 августа 1929 г. по апрель 1930 г. распределено 1 178 комнат» при общей потребности – 3 165 [92. Л. 12].

Иными словами комсостав не был удовлетворен жильем даже наполовину. Неслучайно в данных «о квартирном положении начсостава московского гарнизона», составленных на исход 1929 г., отмечалось, что «нужда настолько велика и так медленно удовлетворение, что начсостав потерял всякую веру в целесообразность существования Управления Домами. Благодаря целой системе протекционизма в первую очередь удовлетворяются работники центральных учреждений. Имеются случаи, когда комсостав, доведенный до крайности в Управлении Домами берется за револьвер» (сохранен стиль источника. – В. К., Д. И.) [91. Л. 195].

На исход августа 1930 г. «[Политуправление] ЛВО констатируя, что острота квартирного вопроса для начсостава несколько сгладилась, указывало на наличие ряда недочетов: лишь 50–60 % начсостава обеспечено квартирами при частях» [83. Л. 74].

В САВО к концу 1929 г. из 3 250 семейств начсостава около 400 оставались без квартир. Исполнение решения правительства об

---

¹ По некоторым сведениям, сост. на конец 1929 г. (их автор остался неизвестным): «общая потребность в жилплощади по частям московского гарнизона – 430 квартир. Танковый полк – 40 семей, электробат – 12 полк связи – 30» [91. Л. 195]. Вообще, сведения о количестве бездомных семей среди комсостава Московского гарнизона представлены по-разному зачастую даже на разных листах одного и того же дела фонда ПУР в РГВА. По др. данным: «На 1 ноября 1929 г. на учете Управления [зданиями при НКВМ состояло] 1102 семьи начсостава, вовсе не имеющих жилплощади для удовлетворения, которых необходимо 1 352 комнаты. 83 семьи проживающих за городом для коих необходимо 124 комнаты и 434 семьи требующих улучшения жилищных условий для коих необходимо 217 комнат. Всего необходимо 1693 комнаты» [91. Л. 197]. По третьим данным (из доклада командующего войсками МВО о жилищном положении начсостава РККА в Московском гарнизоне, 15 апреля 1930 г.): «на 1 августа 1929 г. заявки частей гарнизона исчислялись в 1 157 комнат» [92. Л. 12].

² На указанный срок командующим войсками МВО являлся Генерального штаба капитан / подполковник А.И. Корк [93; 94, с. 67; 95. Л. 22; 96. Л. 12 об., 14 об.]. Служба А.И. Корка в РККА в период Гражданской войны 1918–1920 гг. частично уже была отражена одним из авторов настоящей статьи в его монографии [33, с. 24, 121, 406, 448, 542]. Более подробная биография А. И. Корка будет изложена тем же автором во 2-м томе его биографического справочника, работа над которым близится к завершению.

освобождении домов военного ведомства от лиц, не имевших отношения к армии, и предоставлении 10 % жилплощади в новостройках тормозилось. Политуправление округа оценивало окончательное разрешение вопроса в 1 млн 200 тыс. р., тогда как отпущено было всего 200 тыс. р. [85. Л. 257].

Как отмечалось в докладе старшего инструктора Коровченко о результатах обследования 24-й стр. дивизии в целях проверки выполнения решений 2-го всеармейского совещания секретарей ячеек и июньских решений РВС СССР (12 ноября 1928 г.): «Жестокий квартирный кризис, теснота размещения, отсутствие всякого благоустройства, отсутствие общественного питания, отдаленность расположения военного городка от центра города вызывает склоки, дразги, сплетни между семьями начсостава» [97. Л. 446–446 об].

В таких условиях неудивительно, что за нормальное жилье шла ожесточенная борьба, и вовлечен в нее оказывался не только командир, но и его жена. Угроза исходила отовсюду: от заведующего складом Азияхлеба, который требовал съехать семье начсостава из соседнего с арендованным им дома, от помполита Киевской объединенной военной школы им. Каменева, который при содействии конвоя занял приглянувшуюся ему квартиру семьи комроты (4 чел. с ребенком) [98. Л. 15–18; 91. Л. 131–132]. Любопытный конфликт на этой почве произошел летом 1923 г. при расселении отданного в аренду коммунально-эксплуатационной службы (КЭС) общежития командующего войсками Северо-Кавказского военного округа (далее – СКВО). Задержка возникла с одним из квартирантов – инструктором некоего политсекретариата Минянкиным, чьей семье из 5 чел. жилотдел смог выделить взамен лишь комнату в 24 кв. аршин. Далее в ситуацию вмешался К.Е. Ворошилов и, со слов Минянкина, после неоднократных угроз «выбросить на улицу» его вместе с женой, приставил к дому часового с приказом не пускать супругов, в результате чего те оказались без вещей, денег и продуктов [75. Л. 482–483].

Проблема «притеснения» представителей нижестоящего «красного» комсостава на «жилищной почве» со стороны комадмсостава, стоящего выше на служебной лестнице, нашла свое отражение и в мемуарах. Так, Нина Александровна, дочь будущего генерала РККА А.А. Коробкова, вспоминала о времени, когда ее отец занимал должность командира полка (середина 1920-х гг.): «Папу после окончания военной академии – а это был всего второй выпуск под началом Тухачевского – перевели служить в Новочеркасск, назначив командиром 25-го стр. полка 9-й Донской дивизии СКВО. Нас поселили в особнячке какого-то казачьего атамана. Там жила только его вдова. И мы втроем. А кроме нас еще начальник штаба папиного полка и семья комиссара Гатина. Потом в Новочеркасск перевели

корпус генерала Ковтюха. Он, конечно, всех нас выселил – в один день. Ведь папа был тогда всего-навсего комполка» [99]¹.

Из-за проблем с жильем комсостав младшей и средней категорий далеко не всегда мог перевезти семью к себе по месту службы и вынужден был жить на два дома. Об этом более 100 молодых краскомов, 1926 г. выпуска, жаловались К.Е. Ворошилову [54. Л. 5 об. – 6; см. также 77. Л. 82 об.]. Те же, кто не хотел расставаться с родными, мог стать жертвой абсолютной бесхозяйственности компетентных органов. Именно это произошло с назначенным в конце 1927 г. в Москву на должность младшего помощника инспектора артиллерии РККА неким Кронбергом. В своем письме начальнику ПУРа А.С. Бубнову он сообщал, что, зная о жилищном кризисе в столице, предварительно поставил вопрос о выделении ему квартиры и получил официальную телеграмму с предложением без всяких сомнений приезжать вместе с семьей, для которой за счет военведа временно предоставлялся номер в гостинице. По прибытии выяснилось, что постановлений по этому вопросу не делалось, срок отвода квартиры неизвестен, и кроме отпущенных сначала 100 р. никаких сумм на оплату номера не предусмотрено. Оказавшемуся в невыносимом положении Кронбергу пришлось занимать деньги у друзей, пока его семья «сидела на одном чае и хлебе». После двух месяцев унижительных для командира РККА мытарств он получил две комнаты на Студенецкой улице с не самыми лучшими бытовыми условиями: «Температура 7–8 градусов, потолок сплошь покрыт крупными каплями воды, со стен свежештукатуренных течет. Уборной нет, с 4 этажа надо спускаться в общую уборную, электричества нет. В итоге дочь (8 лет) заболела, и по заключению врача, вероятно, потребуется отправление ее в диспансер. Несмотря на ряд просьб у Упр[авления] Домами выслать санитарную комиссию, комиссии так и не было». Подобное отношение порождало чувство собственной ненужности. Кронберг писал, что, если смерть отца и матери в годы Гражданской войны никак не повлияли на его настроение, то потеря близких в мирной обстановке резко била по нервам.

По свидетельству Кронберга, в столичных реалиях комсостав обзаводился весьма циничными взглядами на жизнь: «От ряда ответственных товарищей, часто партийцев приходилось слышать: "в Москве надо брать нахрапом", "перестань платить за квартиру – выйдет скандал – получишь квартиру". Вопросы законности, честности взаимоотношений как бы берутся под сомнение» [100. Л. 3–5].

Однако специфика «жилищной проблемы» 1920-х гг. для комсостава РККА заключалась в том, что в то время, как ее младший и

---

¹ Подробная служебная биография Е. И. Ковтюха будет представлена во 2 томе справочника В. В. Каминского, одного из авторов настоящей статьи.

средний комсостав ютился в «солдатских казармах и на чердаках», представители старшего и высшего комсостава РККА (начиная с уровня командира полка и выше) могли себя зачастую чувствовать «новыми хозяевами жизни», нуворишами. Контраст настолько разителен, что удержаться от полного цитирования соответствующих источниковых отрывков просто невозможно. А теперь обратимся к страницам известной монографии украинского историка Я.Ю. Тинченко.

Бывший Генерального штаба генерал-майор РИА Владимир Александрович Ольдерогге, в годы Гражданской войны – победитель Колчака (лето – осень 1919 г. [101, с. 341–344, 584]), а на 12–15 апреля 1921 г. – инспектор пехоты всех вооруженных сил на Украине [102. Л. 24 об.; 103. Л. 6 об.] в начале 1920-х гг. *«в Киеве устроился на широкую ногу. Ему была выделена огромная квартира в центре города и собственный автомобиль.* Кроме того, Ольдерогге привез с фронта двух великолепных скакунов, которых поставил в конюшнях Киевской артиллерийской школы; был у него и собственный экипаж. Вскоре бывшему генералу пришло в голову "арендовать" пустующий киевский ипподром, с этой целью Ольдерогге создал военно-скаковое общество, куда вошли многие бывшие офицеры и коннозаводчики... Дочери Владимира Александровича открыли на ипподроме тотализатор, проводили скачки. Через И.Х. Паука Ольдерогге договорился с представителями кавалерийских корпусов о выезде их лошадей. Также ипподромом пользовалась и киевская конная милиция во главе с бывшим ротмистром Цикалиотти. За выездку лошадей штаб войск Киевского района платил бывшему генералу крупные суммы. Кроме того, ипподром стал главным увеселительным заведением для киевлян, и с этого Ольдерогге также получал большую прибыль. *Мы не ошибемся, если назовем Владимира Александровича крупнейшим киевским нэпманом и дельцом 20-х годов.* Вероятно, прибыль от ипподрома Ольдерогге и Паука делили пополам, что и защищало от неприятностей эту типичную "буржуйскую организацию". И в другом месте: «по вечерам Ольдерогге начал устраивать семейные концерты на дому, приглашая в качестве участницы подругу жены, известную киевскую оперную певицу Абеллитт. Эти салонные вечера приобрели популярность среди недобитой киевской буржуазии и бывших офицеров. На концерты приходили даже польский консул и представители немецкого консульства. А Ольдерогге брал за эти посещения по 2 рубля "с носа"» (курсив наш. – В. К., Д. И.) [104, с. 169–171].

Не хуже В. Ольдерогге в то же самое время обустроил свое жилье другой «генштабист» РККА, Генерального штаба РИА подполковник И.Х. Паука; на 12 января – 4 июня 1922 г. последний занимал должность начштаба Киевского военного округа [102. Л. 11, 17; 103.

Л. 13]; с 4 июня 1922 г. – на 1 марта 1923 г. – начштаба Киевского военного района. Я. Тинченко о жилищных условиях И. Паука в начале 1920-х гг., пишет так: *«Иван Христофорович занял [в Киеве] пустующий губернаторский дом, где устраивал приемы не хуже самого губернатора. ...имел при себе порученцев Захарченко и Тузлукова. Жена Захарченко ведала хозяйством. Помимо казенной машины и порученца, Паука держал корову, верховых и упряжных лошадей, несколько человек прислуги. Роскошная обстановка особняка попечением порученца Захарченко была пополнена мебелью Киевского дворца»*. И далее: *«Иван Христофорович Паука устраивал в своем доме роскошные приемы новой советской знати, на которых присутствовали командующий войсками района [И.Э.] Якир, известные военные деятели из партийных выдвиженцев Гарькавый, Левичев, Губанов, все – с женами»* (курсив наш. – В. К., Д. И.) [104, с. 168–169]¹.

В 1928 г. в Первопрестольной руководство МВО благодушно делило между собой квартиры в роскошном столичном доме. Вот как это описывает современный исследователь творчества М.А. Булгакова: *«...Как рассказывают домашние предания, в начале 1929 года, в Большом Ржевском переулке в Москве, группа военных осматривала только что отремонтированный прекрасный четырехэтажный дом с колоннами, в котором им предстояло поселиться с семьями. Елена Сергеевна Шиловская сразу же облюбовала квартиру № 1 – в первом этаже, окнами на улицу. Е.А. Шиловский, незадолго перед тем назначенный начальником штаба Московского округа, попробовал ее остановить: дескать, неудобно, лучшая квартира в доме, ее, вероятно, займут Уборевичи. Но самоуверенная и хорошенькая Елена Сергеевна стояла на своем. Тридцатидвухлетний командующий округом Иероним Петрович Уборевич засмеялся и предложил так понравившуюся Елене Сергеевне квартиру Шиловским. Уборевичи, впрочем, тоже получили прекрасную и просторную квартиру – правда, в третьем этаже, окнами во двор»* (курсив наш. – В.К., Д.И.) [105, с. 11]. А старший руководитель групповых лекций в Военной академии РККА Генштаба РИА генерал-майор С.Н. Каменский, по крайней мере в 1921 – на 1 марта 1923 г. [106, с. 98] в той же Москве жил *«...в отдельной шестикомнатной квартире в доме № 73 по Тверской улице»* [107, с. 186].

И командиры столичных и околостоличных полков по углам явно не теснились. Например, комполка А.М. Василевский жил в столь

---

¹ Биографию И. Гарькавого [см. 33, с. 396–397]. Биография В. Н. Левичева помещена в текст 2-го тома справочника В. Каминского, работа над которым близится к завершению, а биографии В.А. Ольдерогге и И.Х. Паука будут «жить», по всей видимости, в 3-м томе настоящего справочника.

просторной квартире, что имел в ней возможность в отдельной комнате хранить «...графины с различными настойками и наливками, приготовленными родителями по старым рецептам...» [108, с. 86–87]. А вот вполне откровенное признание самого маршала А.М. Василевского на сей счет, сделанное им в 1976 г. в беседе с известным военным писателем К.М. Симоновым: «К тому времени командирам полков – а я был командиром полка в Твери (речь идет о середине – исходе 1920-х гг., когда будущий маршал А. Василевский командовал полками¹. – В.К., Д.И.) – были созданы хорошие условия. Все мы имели [служебные] машины, ...получали квартиры – в одних случаях отдельные, в других – даже особняки, имели верховую лошадь, имели кроме машины выезд...» [108, с. 96]. И многие представители столичной военной элиты, как-то: преподаватели Военной академии РККА, руководители армейских управлений центрального и окружного уровня на середину 1920-х гг. проживали в благоустроенных московских и ленинградских квартирах [см. 33, с. 135–798].

Резюмируя вышесказанное, можно заключить, что жилищные условия рядового комсостава РККА и аналогичные условия старшего и высшего комсостава (начиная с комполка) отличались друг от друга как небо от земли.

Жилищные условия, в коих пребывал младший и средний комсостав (и прежде всего – комвзвода), никак не способствовали счастливому семейному быту, являясь скорее катализатором конфликтов и неурядиц. С одной стороны, в ожидании получения жилья и постоянных переживаниях за его сохранность жена наравне с мужем ощущала свою бесправность и равнодушие бюрократии. С другой стороны, счастливицы, дождавшиеся заселения попадали в крайне стесненную обстановку, где совершенно отсутствовало личное пространство, а любые разговоры сразу становились достоянием соседей и предметом сплетен. Здесь одновременно готовили еду, стирали, воспитывали детей. Общий, никому не принадлежавший угол, воспринимался как временный, и попытки привнести в убогий интерьер уют предпринимались без энтузиазма. Однако если сам командир проводил большую часть времени на службе, то его супруга вынуждена была находиться в подобной квартире круглосуточно, теряя важный даже на фоне интенсивной эмансипации статус хранительницы домашнего очага [см. 109].

К жилищной проблеме вплотную примыкает **проблема топливного обеспечения**, которая в первой половине 1920-х гг. стояла не менее серьезно. Поскольку дрова командиру не выдавались, он был

---

¹ С 31 декабря 1924 г. А. Василевский занимал должность командира 143-го стр. полка 48-й стр. дивизии, а с декабря 1928 г. – по 1 февраля 1931 г. состоял в той же должности в 144-м стр. полку той же дивизии [108, с. 455].

вынужден приобретать их на собственные скудные средства или красть, разбирая соседские заборы и злоупотребляя служебным положением [110. Л. 198]. Участники анкетирования комсостава 5-го сап. батальона (МВО) в декабре 1922 г., помощник комбата по строевой части и комроты, открыто писали, что воруют дрова в Измайловском зверинце, поскольку на приобретение 1 сажени в месяц требуется 25 тыс. р. сверх жалования [50. Л. 75–76 об., 79–80 об.].

По сообщению политотдела 9-й стр. дивизии (СКВО), в 1923 г. средний и старший комполитсостав, не имевший таких льгот на покупку товаров широкого потребления, как сотрудники гражданских учреждений с более высокой оплатой труда, все средства тратил на топливо. На эту статью расходов выдавали ничтожные 23 р. в месяц при рыночной цене более 200 р. за воз дров и 25 р. за пуд угля [63. Л. 106]. Не помогала и военная кооперация. Согласно опросу семейных командиров пехотных частей Московского, Петроградского и Смоленского гарнизонов, который ответственные работники ПУРа провели в декабре 1923 г., 70 квартир (в том числе 19 – комрот и 11 – комбатов и их помощников) из-за отсутствия дерева отапливали временными печами только во время подготовки пищи [68. Л. 117 об.].

Положение отдельно проживавших командирских семей осложняло произвол гражданских властей. В феврале 1924 г. жена комвзвода 26-го конвойного полка (5-я армия) жаловалась: «служите вы 4 года и заслуживаете свои интересы, которые нам совсем бесполезны и никакого нам не дают пособия. Пошли мы хлопотать за лес, чтобы дали бесплатно билет на дрова, а нам там затвердили, что нет вам никаких документов бесплатных, а, пожалуйста, 5 млрд. Ваших мужей никто там не держит, а служат они по своей воле, так говорит начальство, и где мы не пойдём за хлопотами, и все нам так отвечают. Так нас здесь уважают, этих красноармеек, чем двери запирают, а где я возьму эти 5 млрд., да за подводу 5 млрд. Наверное, мы эту зиму померзнем в хате а источников никаких у нас нет... Я отдала за пахоту 8 аршин самодельного сукна и твою суконную рубашку» (сохранен стиль источника. – В. К., Д. И.) [116. Л. 51].

Если одним из трех «китов» повседневности вслед за Н. Лебиной мы будем считать «жилье», то вторым таким китом было – «питание» [11, с. 14].

4. Продовольственное обеспечение комсостава РККА 1920-х гг. оставляло желать много лучшего, причем особенно страдал именно семейный комсостав. «Продовольственный» аспект в рамках общей «семейной проблемы» «красного» комсостава в материалах ПУРа освещен достаточно подробно. Лейтмотивом этих материалов может служить заявление, сделанное в докладной записке начальника политотдела 9-й стр. дивизии (СКВО), адресованной в СНК СССР в июле 1924 г.: «Если холостой комсостав еще

кое-как перебивается, то с семейным ...дело обстоит гораздо хуже» [72. Л. 141].

А. В 1920-х гг. семьи «красного» комсостава не только зачастую получали продовольствие в недостаточном количестве, но оно, к тому же, не отличалось высоким качеством. Продовольствие поступало к «красным» командирам иногда с задержкой в 2–3 месяца и то – далеко не полностью.

Продовольственные пайки для военнослужащих РККА (далее – продпайки) были установлены постановлением Совета Труда и Оборона от 8 июня 1921 г. 12 октября с. г. Реввоенсовет Республики объявил «Инструкцию о порядке удовлетворения нетрудоспособных членов семей комсостава и курсантов военно-учебных заведений (вуз) продовольствием из фондов Военведа». В соответствии с ней право на получение натурального продпайка имели нетрудоспособные члены семей командиров Красной армии, находившиеся на их полном иждивении и не имевшие других средств существования. Нетрудоспособными считались родители военнослужащего в возрасте старше 60 лет; жена, имеющая детей младше 8 лет; дети, не достигшие 16 лет; родители, жена или дети независимо от возраста, признанные военно-врачебными комиссиями нетрудоспособными по состоянию здоровья. В соответствии с этой же инструкцией члены семей комсостава должны были получать продовольствие из фондов военного ведомства в размере половины фронтового красноармейского пайка на каждого, но не более двух дополнительных фронтовых пайков на всю семью [21, с. 32].

Однако с реальным обеспечением продпайками комсостава РККА сразу же начались проблемы.

Как сообщалось в обзоре аномальных явлений в армии, составленном в октябре 1923 г., малопитательные, нередко некондиционные, с протухшим мясом, натуральные семейные пайки зачастую приходилось продавать на рынке «чтобы потом изо дня в день снова покупать добавочные продукты» [111. Л. 185]. Обзор материального положения и настроений комвзводов РККА, составленный в июне 1923 г. фиксировал следующие объемы выдачи семейных пайков в разных округах: в Приволжском военном округе (далее – ПриВО) – $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ нормы «ввиду неудовлетворения центром полностью заявок на них», в СКВО и МВО – $\frac{1}{2}$, а по 18-й дивизии МВО в марте с. г. – до $\frac{1}{5}$ нормы. В частях Армянской стр. дивизии в конце апреля 1923 г. все еще ожидали пайков за февраль-март. Там же начальник бронесил отмечал, что выдачи производились в 10-х числах следующего месяца, огулом, что вело к быстрой порче продуктов [63. Л. 106; 72. Л. 47].

В 1922–1923 гг. в поступавших с московских складов пайках мясо заменялось воблой или селедкой, наполовину сгнившей и червивой. Вместо муки – толченая рожь, на военном языке – «шрапнель». Табак, спички, мыло и приправы отсутствовали. Прогорклое масло напоминало машинное и даже при незначительных дозах вызывало расстройство желудка. Единственное, что можно было употребить или продать – сахар и хлеб. **Другое дело – красноармейский паек, куда вместо сухих овощей включали доброкачественные рыночные продукты – картофель, лук, а за счет экономии на выпечке хлеба добавлялись приправы** [50. Л. 59]. Счастливым обладателем всего этого, а также тех «деликатесов», что посылала своим сынам деревня, командир мог стать разными способами: получить как взятку за отправку рядового бойца Красной армии в отпуск, выменять «на женские юбки» или просто присвоить. Разница существовала и в 1930 г.: калорийность красноармейского пайка равнялась 3609 кал. при 2001 кал. – на 1 члена семьи комвзвода и 3197 кал. – комроты [66. Л. 74]. С красноармейским пайком мог «соперничать» только курсантский, который на начало июля 1921 г. составлял 4100 калорий [112. Л. 12].

Когда на собрании комсостава 144-го стр. полка (МВО) в июле 1922 г. инспектирующая комиссия попыталась разъяснить, что нормальный стол – это обед из двух блюд, одно – наподобие котлет с картошкой, и одно блюдо на ужин, то в ответ услышала такой смех, какой «едва ли получал Д. Бедный за свою юмористическую басню» [50. Л. 133 об.].

Нижеследующая таблица показывает, каким должен был быть и каким был в реальности в начале 1920-х гг. питательный рацион семьи краскома, состоящей из трех человек.

Таблица 2

*Дневной питательный рацион семьи командира РККА, 1922 г.
[50. Л. 134, 135]*

Продукты	Должна была получать в день на 1 чел.	В реальности получала в 2-х пайках
Хлеб	1¾ ф. – 26 р.	3 ф. – 45 р.
Мясо	1 ф. – 70 р.	½ ф. – 35 р.
Масло	12 зол. – 20 р.	6 зол. – 10 р.
Крупа	¼ ф. – 9 р.	½ ф. – 18 р.
Овощи	2 ф. – 20 р.	¼ фунта – 12 р.
Сахар	8 зол. – 12 р.	10 зол. – 16 р.
Чай	1 зол. – 8 р.	1/23 зол. – 8 р.
Молоко ребенку	1 бут. 15 руб.	–
Итого в день	180 р.	144 р.
Итого в месяц	5400 р.	4328 р.

Как видно, из данных, представленных в табл. 2, семья краскома (жена и ребенок) в относительном достатке получала только хлеб – 3 ф. вместо 3½ и крупу – ½ ф. Наиболее питательные продукты приходилось добывать самостоятельно. Вместо положенных на 2 чел. 2 ф. мяса выдавали ½ ф., вместо 24 зол. масла – 6 зол., т. е. вчетверо меньше; вместо 4 ф. овощей – ¼ ф. – в 16 раз меньше, а молоко список и вовсе не предусматривал. Таким образом, стоимость ежедневной и ежемесячной продуктовой корзины командирской семьи не дотягивала даже до уровня обеспечения 1 чел.

Доплаты к семейному пайку не спасали: в декабре 1923 г. они составляли 15–20 р. или 50–75 % денежного содержания. Гораздо ниже средняя сумма была для столичных городов, где питались хуже, поскольку до 75% жалования уходило на коммунальные услуги. Здесь встречались пары, по несколько дней сидевшие без еды, «не имея ни что сварить, ни на чем» [68. Л. 118; 67. Л. 30]. То же происходило и в «провинции», например, в частях ОКА, где самые младшие члены семей начсостава, неделями остававшихся без горячей пищи, умирали от голода [51. Л. 28].

Особенно плохо обстояло дело с жирами и молоком – обязательным пунктом в меню детей, чье здоровье ослабло за годы гражданской войны. Целый набор болезней, связанных с плохим продовольствием и недоеданием, описал начштаба 138-й отдельной Заволжской стр. бригады, в своем рапорте от 3 ноября 1921 г. к начштабу вооруженных сил Украины и Крыма (ВСУК) в ноябре 1921 г. с просьбой о срочном переводе из Харькова в Казань к своим детям. Один из них болел «после перенесенного в тяжелой форме острого воспаления кишок», другой ожидал «операцию, вследствие воспаления надкостницы», а третий имел «зачатки рахитизма» [113. Л. 3–3 об.]. Для закупки необходимого одного жалования было недостаточно: стоимость трех пудов белой муки и месячной нормы молока для ребенка достигала в Москве в конце 1922 г. 38 тыс. р. при окладе комвзвода в 7 500 р., а осенью 1923 г. – 1200–1300 р. при окладе комроты в 3 716 р. [50. Л. 83–84 об.; 67. Л. 27].

Мучились и взрослые, организм которых также требовал восстановительной диеты. Но раздобыть нужные продукты и к концу 1920-х гг. было сложно: в 1929 г. военком 11-го стр. полка (ЛВО) Беспарайтис, в течение нескольких лет страдавший от язвы желудка, и его смертельно больная туберкулезом жена ежемесячно тратили на молоко 37 р., но этого не хватало. Окружной отдел снабжения удовлетворить их потребность в молоке не мог, предлагая заменить в продпайке 18 фунтов мяса на 1 кг масла, а 10 фунтов круп – на 500 г риса [114. Л. 130].

Вместе с тем, **семейных пайков, катастрофически не хватало.** В докладе начальника Политуправления ОКА о материальном

положении военнослужащих от 15 июня 1923 г. было сказано: «на январь штабом РККА отпущено 2500 пайков при действительной потребности – 7 000...» [52. Л. 44 об.]. Начальник снабжения РККА и Флота Д.П. Оськин, приводя «перечень мероприятий по улучшению быта военнослужащих» отмечал: «Установлено в твердой форме для военведа 8 100 семейных пайков из коих 1000 – морведа. Требуется же фактически 120 000» [55. Л. 159–160].

Б. «Раздельное проживание комсостава с семьей имело главную причину – невозможность ее прокормить» [50. Л. 132]. Свидетельством сказанному стала ситуация в 144 стр. полку, комсостав которого с трудом содержал себя самого. Как результат, один комвзвода вынужден был отослать сына к родственникам в Сибирь и в течение нескольких месяцев ничего не знал о его судьбе. Другой зачислил своего десятилетнего сына в музыкальную команду полка, где тот чистил трубы, наравне с родителями добывая пропитание для младших братьев и сестер. Ввиду мизерности оклада помощника командира полка и отсутствия в Москве подходящих должностей, его супруге приходилось жить и работать акушеркой-фельдшерницей в Могилевской губернии. Жена комбата в поисках куска хлеба разъезжала по полевым работам вместе с 3-летней дочерью. Другой комбат заявил, что, хотя его родители, жившие в голодной Оренбургской губернии, нуждались в помощи, он на них «махнул рукой, ибо сам ходил во френче без подкладки и столовался из ротного котла». Писать письма домой прекратил и более трех лет не был в отпуске, «ведь ехать с пустыми руками и стыдно, и больно, и обидно». Чуть не плакал перед членами комиссии помощник комполка, рассказывая, что два дня питался одним чаем и водой: «от того, что я не ел, мне тяжело, но эта тяжесть становится камнем, когда прихожу домой, а там тоже голодная жена. Чем я могу утешить? Только словами, что, если я так живу, то еще хуже живет комвзвода» [50. Л. 133–133 об.; 134 об., 137].

Семьи, находившиеся на полном иждивении, напротив, оказывались крепко привязаны к единственному кормильцу, который не мог даже воспользоваться необходимым санаторным лечением, рискуя обречь жену и детей на голод [50. Л. 99 об.]. В такой ситуации и перемещение командира по службе ставило благополучие его родных под удар.

Не решили проблему и попытки организовать в середине 1920-х гг. общественное питание. Появлявшиеся в отдельных частях РККА военные кооперативные столовые оказались выгодны только холостому начсоставу, для которого цена одного обеда была вполне приемлемой, тогда как семейные должны были платить в три-четыре раза больше в зависимости от числа порций [115. Л. 9 об.; 84. Л. 46, 162 об. – 163 об.].

Третьим «китом», на котором «зиждется повседневная жизнь человека вне работы и политики...» Н. Б. Лебина называет одежду [11, с. 14].

5. Весьма острую нужду в 1920-е гг. семьи комсостава РККА испытывали в одежде, достать которую было тяжело не только из-за нехватки денег, но и ввиду товарного кризиса в стране. К началу 1921 г. обувные предприятия в результате упадка легкой промышленности производили в 7,5 раз меньше продукции, чем в 1913 г., текстильные фабрики закрывались, а объединенные в комитет Главодежда швейные предприятия были ориентированы на выпуск военной формы. Новая экономическая политика изменила ситуацию в этой сфере, и уже к 1925 г. удалось достигнуть предвоенных объемов производства. Однако к концу 1920-х гг. со свертыванием нэпа население советских городов вновь погрузилось «в эпоху нищенства и оборванства» [11, с. 121, 137–138, 149].

Несмотря на это, комсостав как по долгу службы, так и в силу традиций к своему внешнему облику относился трепетно и всегда старался иметь приличный вид, пусть даже за счет личных сбережений (приходилось, например, перешивать за свой счет служебное обмундирование) [117. Л. 65–66; 118. Л. 99 об., 101 об., 108 об.]. Не меньшие траты требовались и на семью краскома. С одной стороны, стандарты гражданской одежды, особенно в условиях коллективного быта, оставались невысоки. С другой, они отчасти зависели от женских запросов, и если одни стремились добыть простейшие ноские вещи, то другие требовали изысков. На рубеже 1922–1923 гг. месячная стоимость минимального женского туалета равнялась 1 700 р., годовая – 20 500 руб. – весьма недешево. Сюда входили зимнее и летнее пальто (8 тыс. р.), пара верхнего платья (6 тыс. р.), две пары ботинок (4 тыс. р.), четыре пары белья (2 500 р.) [50. Л. 134].

Для пополнения гардероба супруги командир мог использовать подчиненных, заставляя красноармейцев (тех, кто имел профессиональные навыки) шить сапоги и туфли или ловить кротов на шубу – явный намек на возрождение в РККА денщикества [119. Л. 120]¹. Иногда на перешив для домочадцев жертвовали предметы обмундирования, отпущенные сверх комплекта, донашивая старые, потрепанное платья. Позднее заказы стали принимать создававшиеся при частях портняжные и пошивочные мастерские. В 1-й Кавказской стр. дивизии (ККА) в 1928 г. они изготовляли, в том числе дамские туфли (3 р. 50 к. – 4 р.) и детскую обувь (1 р. 30 к.) [120. Л. 75].

---

¹ О явлении «денщикества» в РККА 1920-х гг. авторы настоящей статьи будут говорить более подробно в следующих своих материалах.

Политуправление БВО, признавая материально обеспеченными на апрель 1928 г. лишь 28,6 % всего начсостава округа, преимущественно холостяков, делило малосемейных на тех, кто старался хорошо одеться, экономя на питании и культурных потребностях, и тех, кто весь бюджет тратил на еду, покупая одежду исключительно за счет кредита. В качестве примера политработники приводили таблицу распределения денег в командирских семействах отдельных войсковых частей. Приведем и мы подобную таблицу:

Таблица 3

Бюджет начсостава 6-го конноартиллерийского дивизиона (БВО) на 1928 г. [121. Л. 92]

	Оклад, р.	Членов семьи, чел.	Помощь родным, р.	Питание, р.	Квартплата, коммунальные услуги, р.	Газеты, литература, р.	Театр и кино, р.	Одежда, обувь, р.	Прочие расходы, р.	Долг, р.
Комбат Афанасьев	100	2	5	45	13	5	4	15	15	100
Комбат Маскаленко	100	1	15	51	10	6	4	15		4
Учитель Юрченко	80	4		55	12	2	2	16		15
Зав. библиотекой Воронцов	80	3	25	40	7	2	2		6	35

Исходя из табл. 3, видно, что половина, и даже больше, оклада (от 40 до 55 р.) краскомов (в данном случае – комбатов) уходила на питание, а второй по значимости статьей расходов (15 р.) являлась одежда, траты на которую превосходили оплату коммунальных услуг (10–13 р.). Невозможность уложиться в рамки бюджета способствовала наращиванию долгов, достигавших нередко размера командирского жалования.

В целом, невозможность свободно приобрести нормальную одежду сильно ограничивала повседневную жизнь командирских семей. Если для жены испытанием становился каждый лишний выход в общество, к знакомым и даже на обычную прогулку [68. Л. 119 об.], не говоря о театре или кино, то отсутствие «чистенького костюма» у ребенка ставило под сомнение его возможность посещать школу [67. Л. 27–28]. Речь шла, конечно, не только о желании хорошо выглядеть, но и о необходимости переносить тяжелые погодные условия. Кроме того, проблема отражалась и на службе командира, которому приходилось жертвовать личной опрятностью, а значит

и авторитетом среди красноармейцев, чтобы одеть своих домо-
чадцев¹.

6. Плохие бытовые условия и недостаток питания подрывали здоровье жен и детей командиров, чаще всего страдавших головными заболеваниями, цингой, куриной слепотой, малокровием. Исходя из доклада комиссии по обследованию быта комсостава 144-го стр. полка 48-й стр. дивизии (МВО, июль 1922 г.), при отсутствии доступной и профессиональной медицинской помощи, какую не мог предоставить фельдшерский околоток², начсоставу приходилось обращаться к частным врачам, что сильно било по бюджету. Обычный визит к врачу в 1922 г. стоил 500 р., в исключительных случаях, таких как беременность – 300 р. при снисхождении к бедности пациента. В итоге годовой расход на докторов, которых вызывали не реже раза в месяц, мог достигать 6 тыс. р. [50. Л. 134 об.]. Лекарства стоили еще больше. В декабре 1922 г. комвзвод 5-го сап. батальона (МВО) сообщал в анкете, что при жаловании в 7 500 р. нуждается в 20 тыс. р. ежемесячно для поддержки больной жены [50. Л. 83–84 об.]. Ситуацию усугублял отказ гражданских лечебных заведений предоставлять льготы семьям начсостава, с учетом отсутствия в военных госпиталях многих необходимых препаратов [74. Л. 9 об.].

В отдаленных частях добавлялись затраты на дорогу до больницы. Делопроизводитель Юргинского учебного арт. полигона (СибВО) на совещании комсостава по поводу неудобств деревенской жизни в 1928 г. заявил: «кто-нибудь серьезно заболел – нужно ехать в Томск. Моя жена обожглась примусом, и лечение ее в городе стоило свыше 100 руб.» [122. Л. 216–217].

30 марта 1929 г. на заседании РВС МВО был заслушан доклад о медицинском обслуживании семей начсостава управлений и штабов округа. Исходя из протокола заседания, работа по линии органов здравоохранения в соответствии с циркуляром НКЗ РСФСР № 172 от 1925 г. находилась на низком уровне: нельзя было даже надеяться на приход врача в день вызова. В то же время жильцы общежитий 1-го и 2-го домов РВС СССР проблем не знали, поскольку помимо штатной военной организации лечебной помощи их на дому обслуживали вольнонаемные врачи различных специальностей.

Для решения проблемы на 1929/1930 бюджетный год предлагалось увеличить количество коек для семей начсостава в военных

---

¹ Проблема взаимоотношений комсостава РККА и красноармейцев является достаточно обширной, чтобы быть вынесенной в тематику отдельно взятой статьи, к которой авторы настоящего материала намерены обратиться позднее.

² Околоток – медпункт в военной части.

госпиталях на периферии округа, в лазаретах при воинских частях и военных городках, расширив штаты этих учреждений и усилив их снабжение по линии Военсанведа, а также предоставив помещения и кредиты по линии МВО. Крайне необходимым признавалось срочное открытие отделений 1-го Коммунистического госпиталя для туберкулезных больных (на 100 чел.), для чего перед Моссоветом ставился вопрос о выделении усадьбы в одном из районов Подмосковья, используемых органами Наркомздрава и Мосздрава [89. Л. 26].

Обращает внимание упоминание крупных расходов на аборт в 1920-е гг., хотя платными они стали только в 1930 г. [11, с. 257]. Проблема эта в 1920-е гг. была всероссийской. Как отмечает исследовательница Н.Б. Лебина, из всего количества женщин, пользующихся услугами нелегальных абортистов, «до 50 % женщин заболела[ли] от заражения и до 4 % из них умира[ли]» [123, с. 168].

По сообщению комроты 5-го сап. батальона Верзилова (июль 1922 г.), к этой процедуре из-за бедности жены сослуживцев прибегали сплошь и рядом, одна – даже на шестом месяце беременности, поскольку пришлось копить средства [50. Л. 152, 153]. В СКВО супруги командиров, сделавшие за 1927 г. 3–4 подобных операции, нуждались в постоянном дорогостоящем лечении [64. Л. 14 об.]. Н.Б. Лебина, рассматривая в своей монографии данный аспект на примере населения Ленинграда, связывает рост числа аборт (с 5,5 на тысячу городских жителей в 1924 г. до 14,1 в 1926 г. и до 33,7 в 1930 г.) не столько с нищетой, хотя эту причину указали 70 % опрошенных, сколько с безответственностью потенциальных родителей и с женской покорностью [11, с. 252–253, 255]. Небезынтересно отметить, что в документах политуправлений РККА нет упоминаний об обращении жен комсостава к народной медицине¹, которую по статистике в 1920-е гг. предпочитали две из трех представительниц пролетариата [11, с. 252].

7. Ко всему перечисленному добавлялась **проблема воспитания детей**. В послевоенные годы, ввиду колоссального сокращения мужского населения особенно актуален был вопрос усыновления военнослужащим внебрачного ребенка, который, согласно циркуляру Главного военно-хозяйственного управления РККА от 5 декабря 1923 г., мог получать семейный паек только в том случае, если его родной отец также служил в Красной армии. Данное право соблюдалось при условии подтверждения необходимых фактов по книге записей рождений, что было весьма затруднительным ввиду разорения документохранилищ в ходе боевых действий. Кроме того, по-

---

¹ Приведенный здесь вывод основан на нашем просмотре многих десятков дел не только из фонда ПУР РККА (Ф. 9), но и из фондов 7 военных округов: ЛВО, МВО, ПриВО, САВО, СибВО, СКВО и УВО.

добная трактовка делила детей на законных и незаконных, а все издержки в случае отказа в пособии возлагала на «незаконного» отца-военнослужащего, что, по мнению Политуправления РККА, противоречило духу законодательства СССР [124. Л. 3]. Любопытно отметить, что похожими проблемами власти начали заниматься еще в имперский период. В новом обществе официально, еще с декабря 1917 г. отвергалось наличие такого явления, как «незаконные (внебрачные) дети» [126].

Учитывая, что большое количество советских семей в 1920-е гг. являлись нуклеарными¹ и не могли рассчитывать на помощь старшего поколения, остро вставал вопрос об организации при военных частях детских интернатов с попечительством военного ведомства. Попытки их самостоятельной организации не всегда оказывались удачными из-за обременительности содержания и сложностей с подбором персонала. Эти проблемы были озвучены на собрании командиров 105-го стр. полка в августе 1928 г.: «Надо средства, чтобы ясли были хороши, выкрасить масляной краской. Надо поставить спектакль, лотерею и пр. Дом КА доплачивал яслям за содержание детей, так что все деньги тратили на пищу. Жены у нас занимаются сплетнями, не идут в дом КА, потому что у них дети. Ясли нужны как воздух, женщин надо отпускать на перевоспитание. Лучше яслям платить 5–8 руб., чем держать прислугу, которая стоит 30 руб.» [127. Л. 181–182]².

Наши выводы по вышеизложенному материалу двойственны. *Во-первых*, на «бытовом уровне» РККА восприняла многие «теневые стороны» РИА, как-то: денщикество, превращение жены краскома в привязанную к кухне домохозяйку и проблема законных / незаконных детей краскома. *Во-вторых*, в РККА 1920-х гг. как в слепке отразилась нэповская Россия: если командиры взводов ютились в бараках, то командиры полков жили уже в отдельных домах или квартирах, военная верхушка же окружного уровня даже могла иметь свой выезд и прислугу. Жена комвзвода могла завидовать жене комполка на то, что та «ходит в шелковых чулках, а у жены комвзвода ни одной пары приличной...».

Список литературы

1. Кром М.М. Повседневность как предмет исторического исследования // История повседневности: сб. науч. работ. – СПб., 2003. – С. 7–14.
2. Людтке А. История повседневности в Германии (новые подходы к изучению труда, войны и власти) / под общ. ред. Журавлева С. В.; пер. с англ. и нем. – М.: РОССПЭН; Герман. Ист. ин-т в Москве, 2010.

---

¹ Нуклеарная семья состоит из супругов, которые живут с детьми, не состоящими в браке, или без.

² «Дом КА» – Дом Красной Армии, обычно в документах отображается в виде следующей аббревиатуры – «ДКА».

3. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. – 2-е изд. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, 2008.
4. Попов В. Ж. Повседневная жизнь различных категорий городского населения Украины в 1917–1920 гг. // Вестн. КГУ им. Н. А. Некрасова. 2013. – № 3. – С. 1–4.
5. Руга В., Кокорев А. Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны. – М.: АСТ, Астрель, 2011.
6. Живая история: Повседневная жизнь человечества // [Электронный ресурс]. – URL: http://gvardiya.ru/shop/books/povsednevnyaya_zhizn_chelovechestva
7. Веремеенко В. А. Современная историография истории повседневности в России // Города Центрального Казахстана в 1950–1960-е годы: история и повседневность: моногр. / Сактаганова З. Г., Веремеенко В. А., Абдрахманова К. К., Досова Б. А., Козина В.В., Елеуханова С. В., Карсыбаева Ж. А., Утебаева А. Д.; под общ. ред. З. Г. Сактагановой. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2017. – С. 8–33.
8. Денисова М. А. Повседневная жизнь населения советского провинциального города в 1920-е годы (на материалах города Курска): дис. ... канд. ист. наук. – Курск, 2010.
9. Журавлев С. В., Соколов А. К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история: ежегодник, 1997. – М.: РОССПЭН, 1998. – С. 287–334.
10. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930-е годы. – СПб.: Нева – Летний Сад, 1999.
11. Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии (от военного коммунизма к большому стилю). – М.: Новое лит. обозр., 2015.
12. Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. – М.: Гос. ун-т Высш. шк. экономики, 2008.
13. Осокина Е. А. Предпринимательство и рынок в повседневной жизни первых пятилеток (на примере рынка потребительских товаров). // Социальная история: ежегодник, 1998/99. – М.: РОССПЭН, 1999. – С. 339–365.
14. Поляков Ю. А. Человек в повседневности (исторические аспекты) // Отечественная история. – 2000. – № 3. – С. 125–132.
15. Рожков А. Ю. Молодой человек в советской России 1920-х гг., повседневная жизнь в группах сверстников: дис. по гуманитарным наукам. – URL: <http://cheloveknauka.com/molodoy-chelovek-v-sovetskoy-rossii-1920-h-godov-povsednevnyaya-zhizn-v-gruppah-sverstnikov#ixzz4pC78K5Vh>;
16. Соловьева Т. А. Повседневная жизнь советского провинциального города в 1920–1930-е гг. (на материалах г. Саратова): дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2014.
17. Тяжелыникова В. С. Самоубийства коммунистов в 1920-е годы // Отечественная история. – 1998. – № 6. – С. 158–173.
18. Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху (1920–1930-е гг.). – М.: Молодая Гвардия, 2003.
19. Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху (1930–1940-е гг.). – М.: Молодая Гвардия, 2003.
20. Реформа в Красной Армии. Документы и материалы 1923–1928 гг. – Кн. 1. – М., СПб., 2006.
21. «Тяжелые условия быта, необеспеченность создают подавленное настроение начсостава...» Публикация Бочкова Е.А. // Военно-исторический журнал (далее – ВИЖ). – 2003. – № 6. – С. 32–35.

22. Бочков Е.А. Когда на армии приходилось экономить... Экономические аспекты военного строительства в СССР в 20-е годы // ВИЖ. – 1998. – № 2. – С. 2–7.

23. Бочков Е.А. Обеспечение РККА вещевым и обозным имуществом в первой половине 1920-х годов // ВИЖ. – 2005. – № 6. – С. 49–52.

24. Васильева Л.Ф. Материальное обеспечение и бытовые условия личного состава РККА в период ее перевода на мирное положение (1921–1923). Как составляющая морального духа армии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2009. – Т. 1. – № 6. – С. 129–132.

25. Пчелинцева Л. М., Пчелинцев С. В. Квартирное довольствие командного состава РККА после Гражданской войны // ВИЖ. – 2004. – № 2. – С. 40–43.

26. Судакова А.Н. «Защитники наши задолжались» // Учен. зап. Орловского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 6. – С. 101–105.

27. Судакова А.Н. Материальное положение младшего командного состава Красной Армии в 1924–1930-х гг. // Учен. зап. Орловского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 4. – С. 74–82.

28. Бабаскин О.П. Реорганизация системы военной подготовки после Гражданской войны (на примере Центрально-Черноземного региона) // Известия Алтайского гос. ун-та. – 2009. – № 4. – Т. 3. – С. 19–22.

29. Верижников А. Н. Части особого назначения как центры военного обучения в 1921–1923 гг. (на примере Орловской губернии) // Учен. зап. Орловского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 6. – С. 61–65.

30. Подустов Ф.Н. Численность, материальное положение и условия труда преподавателей военно-учебных заведений Сибирского военного округа в 1919–1921 гг. // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. Сер. Гуманитарные науки (История). Вып. 1 (52). С. 41–46.

31. Фомина Н.В. Система военного профессионального образования на Дальнем Востоке: этапы становления и развития (1922–1941) // Известия Алтайского гос. ун-та. – 2007. – № 4–2. – С. 161–167.

32. Цымбалов И.В. Подготовка военных кадров запаса сухопутных войск РККА (1921– июнь 1941 г.) // Вестн. Военного ун-та. – 2009. – № 4 (20). – С. 151–157.

33. Каминский В.В. Офицеры Русской Императорской Армии в Корпусе «красного» Генерального Штаба (персональный состав, служебная занятость, специфика личных судеб (1918–1945 гг.)). Биографический справочник. – Т. 1. А-Ж. – СПб.: Гуманитарная академия, 2018.

34. Каминский В.В. А.И. Андогский в дни «русской смуты» в 1917–1919 гг. // Вопросы истории. – 2008. – № 11. – С. 91–100.

35. Каминский В.В. Социально-бытовая мотивация в конкретных судьбах: Генерального штаба подполковник Виктор Иванович Оберюхтин – «слуга двух господ» поочередно (1918–1938 гг.) // Новейшая история России (далее – НИР). – 2013. – № 1. – С. 66–80.

36. Каминский В.В. От А.В. Колчака – в Красную армию: служебная занятость и дальнейшие судьбы выпускников младшего класса 4-й очереди ускоренных курсов «белой» Академии Генерального штаба (Томск, апрель 1919 г.) // НИР. – 2014. – № 1. – С. 40–67.

37. Каминский В.В. Генерального штаба генерал-майор М. Е. Солнышкин: от храброго терского казака и «мятежника-корниловца» к добросовестному служаке в провинциальных штабах Красной армии. 1914–1924 гг. // НИР. – 2014. – № 3. – С. 132–144.

38. Каминский В.В. Генерального штаба генерал-лейтенант Н. Н. Стогов – добросовестный военный специалист Красной армии или заведомый «вредитель» в ее рядах? // НИР. – 2015. – № 1. – С. 59–70.

39. Каминский В.В. Продолжая труды А. Г. Кавтарадзе: курсанты 3-й очереди ускоренных курсов Николаевской академии Генерального штаба на службе в Красной армии (1918–1930-е гг.) // НИР. – 2016. – № 2. – С. 138–188.

40. Каминский В.В., Вереме́нко В.А. Дворянская семья Барановских на сломе эпох // НИР. – 2016. – № 3. – С. 64–83.

41. Каминский В. В. Вереме́нко В.А. М.Д.Бонч-Бруевич – один из основателей Красной армии: страницы биографии // НИР. – 2018. – Т. 8. – № 1. – С. 57–69.

42. Мемуары О. М. Меницкой-Зоммар (01.03.1874–31.01.1967) / Публ., коммент. и вступ. ст. – Каминский В.В., Вереме́нко В.А. // История повседневности. – 2017. – № 1. – С. 109–150.

43. «По отношению к Советской власти – лоялен...»: комиссарские характеристики на преподавателей Военной академии РККА середины 1920-х гг. / Публ. В.В. Каминского и Д.Ю. Исповедникова // НИР. – 2017. – № 1. – С. 194–224.

44. Каминский В.В., Петин Д.И. Русский артиллерист А. В. Беклемишев на службе в четырех армиях: опыт историко-биографического исследования // Вестн. архивиста. – 2016. – № 3. – С. 266–299.

45. Петин Д.И., Каминский В.В. Генерал-майор Генштаба Н.Н. Артамонов (1872–1937): Биография сквозь призму новых источников // Вестн. архивиста. – 2017. – № 3. – С. 275–300.

46. Петин Д.И., Каминский В.В. Генерал-лейтенант Л. П. Тимашев (1864–1932): страницы служебной биографии // Гражданская война на Востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Омск, 25–26 окт. 2017 г.). – С. 152–157.

47. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 9. Оп. 18. Д. 273.

48. РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 159.

49. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 791.

50. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 409.

51. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 413.

52. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 199.

53. РГВА. Ф. 25883. Оп. 2. Д. 1216.

54. РГВА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 308.

55. РГВА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 205.

56. РГВА. Ф. 25883. Оп. 2. Д. 1219.

57. Вереме́нко В.А. Семья в обход закона: брачная практика российских офицеров во второй половине XIX – начале XX века // Воен.-ист. журн. – 2006. – № 3. – С. 55–59.

58. РГВА. Ф. 25883. Оп. 2. Д. 1184.

59. РГВА. Ф. 9. Оп. 10. Д. 46.

60. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 191.

61. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 430.

62. РГВА. Ф. 9. Оп. 17. Д. 134.

63. РГВА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 195.

64. РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 397.

65. РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 276.

66. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 161.

67. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 711.
68. РГВА. Ф. 9. Оп. 7. Д. 1.
69. Вереме́нко В.А. «Дура в доме» – женская домашняя прислуга в дворянских семьях России второй половины XIX – начала XX вв. // Альманах гендерной истории «Адам и Ева». – 2013. (21). – С. 241–273.
70. РГВА. Ф. 25888. Оп. 2. Д. 1252.
71. РГВА. Ф. 9. Оп. 18. Д. 112.
72. РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 111.
73. РГВА. Ф. 25883. Оп. 2. Д. 1200.
74. РГВА. Ф. 25896. Оп. 2. Д. 51.
75. РГВА. Ф. 25896. Оп. 3. Д. 21.
76. РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 46.
77. РГВД, Ф. 25899. Оп. 2. Д. 425.
78. РГВА. Ф. 9. Оп. 17. Д. 218.
79. РГВД. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 278.
80. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 1264.
81. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 1200.
82. РГВА. Ф. 9. Оп. 17. Д. 270.
83. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 160.
84. РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 261.
85. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 133.
86. РГВА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 393.
87. РГВА. Ф. 9 Оп. 18. Д. 223.
88. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 600.
89. РГВА. Ф. 25883. Оп. 1. Д. 189.
90. РГВА. Ф. 25883. Оп. 1. Д. 186.
91. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 91.
92. РГВА. Ф. 33989. Оп. 1. Д. 87.
93. Корк Август Иванович // Хронос. – URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_k/kork.php.
94. Василевский А.М. Дело всей жизни. – М.: Политиздат, 1978.
95. РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 90.
96. РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 118.
97. РГВА. Ф. 9. Оп. 18. Д. 308.
98. РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 47.
99. Черкашин Н. «Хоть кто-то вспомнил...» // Столетие. – URL: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/khot_kto-to_vspomnil__2010-06-22.htm
100. РГВА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 362.
101. Каминский В.В. Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. – СПб.: Алетейя, 2011.
102. РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 916.
103. РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 8.
104. Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. – М.: Московский общественный научный фонд, 2000.
105. Яновская Л. (от редакции). Дневник Елены Булгаковой. – М.: Книжная палата, 1990.
106. Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в Рабоче-Крестьянской Красной Армии (составлен по данным к 1 марта 1923 г.). – М., 1923.
107. Варламов А.Н. Михаил Булгаков. – М.: Молодая гвардия, 2008.
108. Великанов Н.Т. Василевский. – М.: Молодая гвардия, 2014.

109. Вереме́нко В.А. Хозяйка на кухне: адаптационные практики в жизни российской дворянской семьи во второй половине XIX – начале XX в. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.): материалы междунар. науч. конф., 16–18 марта 2017 г. / отв. ред. В.А. Вереме́нко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. – С. 315–323.
110. РГВА. Ф. 25883. Оп. 5. Д. 2274.
111. РГВА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 139.
112. РГВА. Ф. 25888. Оп. 7. Д. 19.
113. РГВА. Ф. 25899. Оп. 3. Д. 886.
114. РГВА. Ф. 25888. Оп. 1. Д. 207.
115. РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 261.
116. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 432.
117. РГВА. Ф. 25888. Оп. 2. Д. 58.
118. РГВА. Ф. 25889. Оп. 2. Д. 87.
119. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 85.
120. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 55.
121. РГВА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 273.
122. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 53.
123. Лебина Н.Б. «...В обстановке советских больниц...» (Новые документы о советской абортной политике первой половины 1930-х гг.) // НИР. 2014. № 2.
124. РГВА. Ф. 9. Оп. 18. Д. 15.
125. Вереме́нко В.А. Проблемы внебрачных семей офицеров и запасных в России начала XX века // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны): материалы междунар. науч. конф., 14–16 марта 2014 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Вереме́нко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. – С. 157–164.
126. Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния от 18 декабря 1917 г. Дилетант. – URL: <http://diletant.media/articles/37825446/>
127. РГВА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 291.

References

1. Krom M.M. *Povsednevnost' kak predmet istoricheskogo issledovaniya* [Everyday life as a subject of historical research] // *Istoriya povsednevnosti. Sbornik nauchnykh rabot* [The History of everyday life. Collection of scientific works]. SPb., 2003. S. 7–14.
2. Lyudtke A. *Istoriya povsednevnosti v Germanii (novye podkhody k izucheniyu truda, vojny i vlasti)* [The History of everyday life in Germany (new approaches to the study of labour, war and power)] / pod obshh. Red. ZHuravleva S.V.; per. s angl. i nem. M.: ROSSPEHN; German. Ist. In-t v Moskve, 2010.
3. *Fitspatrik SH. Povsednevnyj stalinizm. Sotsial'naya istoriya Sovetskoj Rossii v 30-e gody: gorod. 2-e izd.* [Everyday Stalinism. Social history of Soviet Russia in the 30s: the city]. M.: Rossijskaya politicheskaya ehntsiklopediya (ROSSPEHN); Fond Pervogo Prezidenta Rossii B.N.El'tsina, 2008.
4. Popov V. ZH. *Povsednevnyaya zhizn' razlichnykh kategorij gorodskogo naseleniya Ukrainy v 1917–1920 gg.* [Daily life of different categories of urban population of Ukraine in 1917–1920] // *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova* [Vestnik KSU im. H. A. Nekrasova]. 2013. № 3. S. 1–4.

5. Ruga V., Kokorev A. *Povsednevnyaya zhizn' Moskvy. Ocherki gorodskogo byta v period Pervoj mirovoj vojny* [Everyday life in Moscow. Essays of urban life during the First world war] M.: AST, Astrel', 2011.

6. *ZHivaya istoriya: Povsednevnyaya zhizn' chelovechestva* [Living history: the Daily life of mankind] // EHlektronnyj resurs izdatel'stva «Molodaya Gvardiya». URL: http://gvardiya.ru/shop/books/povsednevnyaya_zhizn_chelovechestva

7. Veremenko V.A. *Sovremennaya istoriografiya istorii povsednevnosti v Rossii // Goroda Tsentral'nogo Kazakhstana v 1950–1960-e gody: istoriya i povsednevnost'. Monografiya* [Modern historiography of the history of everyday life in Russia // cities of Central Kazakhstan in the 1950s-1960s: history and everyday life. Monograph] / Saktaganova Z.G., Veremenko V.A., Abdrakhmanova K.K., Dosova B.A., Kozina V.V., Eleukhanova S.V., Karsybaeva ZH.A., Utebaeva A.D. Pod obshh. red. Z.G. Saktaganovoj. Karaganda: Izd-vo KarGU, 2017. S. 8–33.

8. Denisova M.A. *Povsednevnyaya zhizn' naseleniya sovetskogo provintsial'nogo goroda v 1920-e gody (na materialakh goroda Kurska): dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk* [Daily life of the population of the Soviet provincial town in the 1920s (on the materials of Kursk): thesis ... candidate of history]. Kursk, 2010.

9. ZHuravlev S.V., Sokolov A.K. *Povsednevnyaya zhizn' sovetskikh lyudej v 1920e gody* [Everyday life of Soviet people in 1920s] // *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik*, 1997 [Social history. Yearbook]. M.:ROSSPEHN, 1998. S. 287–334.

10. Leбина N.B. *Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo goroda: normy i anomalii. 1920-1930-e gody* [Everyday life of the Soviet city: norms and anomalies. 1920-1930s]. SPb.: ZHurnal "Neva" - ID "Letnij Sad", 1999.

11. Leбина N.B. *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii (ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilyu)* [Soviet daily life: norms and anomalies (from military communism to the great style)]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015.

12. Orlov I.B. *Sovetskaya povsednevnost': istoricheskij i sotsiologicheskij aspekty stanovleniya* [Soviet everyday life: historical and sociological aspects of formation]. M.: Gos. un-t Vyssh. shk. ehkonomiki, 2008.

13. Osokina E.A. *Predprinimatel'stvo i rynek v povsednevnoj zhizni pervykh pyatiletok (na primere rynka potrebitel'skikh tovarov)* [Entrepreneurship and the market in the daily life of the first five years (by the example of the consumer goods market)] // *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik*, 1998/99 [Social history. Yearbook]. M.: ROSSPEHN, 1999. S. 339–365.

14. Polyakov YU. A. *CHelovek v povsednevnosti (istoricheskie aspekty)* [Man in everyday life (historical aspects)] // *Otechestvennaya istoriya* [National history]. 2000. №3. S. 125–132.

15. Rozhkov A. YU. *Molodoj chelovek v sovetskoj Rossii 1920-kh gg., povsednevnyaya zhizn' v gruppakh sverstnikov. Dissertatsii po gumanitarnym naukam* [A young man in Soviet Russia of the 1920s, daily life in peer groups. Dissertations in the Humanities] - <http://cheloveknauka.com/molodoy-chelovek-v-sovetskoy-rossii-1920-h-godov-povsednevnyaya-zhizn-v-gruppah-sverstnikov#ixzz4pC78K5Vh>.

16. Solov'eva T.A. *Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo provintsial'nogo goroda v 1920-1930-e gg. (na materialakh g. Saratova). Dis. ... kan. ist. nauk* [Everyday life of a Soviet provincial town in the 1920-1930s (on the materials of Saratov). Dis. ... kan. east. sciences']. Saratov, 2014.

17. Tyazhel'nikova V.S. *Samoubijstva kommunistov v 1920-e gody* [Suicide Communists in the 1920s] // *Otechestvennaya istoriya* [National history]. 1998. № 6. S. 158–173.

18. *Andreevskij G.V. Povsednevnaya zhizn' Moskvy v stalinskuyu ehpokhu (1920–1930-e gg.)* [Everyday life of Moscow in the Stalin era (1920s-1930s)]. M.: Molodaya Gvardiya, 2003;

19. *Andreevskij G.V. Povsednevnaya zhizn' Moskvy v stalinskuyu ehpokhu (1930–1940-e gg.)* [Everyday life of Moscow in the Stalin era (1930s and 1940s)]. M.: Molodaya Gvardiya, 2003.

20. *Reforma v Krasnoj Armii. Dokumenty i materialy 1923–1928 gg.* [Reform in the red Army. Documents and materials 1923–1928 gg.]. Kn. 1. M., SPb., 2006.

21. «*Tyazhelye usloviya byta, neobespechennost' sozdayut podavlennoe nastroyenie nachsostava...*» *Publikatsiya Bochkova E.A.* [Heavy living conditions, and insecurity create a depressed mood of course not...] Publication Bochkova, E.A.] // *Voенно-istoricheskij zhurnal (dalee – VIZH)* [Military history journal (hereinafter – VIZH)]. 2003. № 6. S. 32–35.

22. *Bochkov E.A. Kogda na armii prikhodilos' ehkonomit'... EHkonomicheskie aspekty voennogo stroitel'stva v SSSR v 20-e gody* [When on army accounted for save. Economic aspects of military construction in the USSR in 20's years] // *VIZH*. 1998. № 2. S. 2–7.

23. *Bochkov E.A. Obespechenie RKKA veshhevym i oboznym imushhestvom v pervoj polovine 1920-kh godov* [Ensuring the red army duffel and draft assets in the first half of 1920-ies] // *VIZH*. 2005. № 6. S. 49–52.

24. *Vasil'eva L.F. Material'noe obespechenie i bytovye usloviya lichnogo sostava RKKA v period ee perevoda na mirnoe polozhenie (1921–1923). Kak sostavlyayushhaya moral'nogo dukha armii* [Material support and living conditions of the personnel of the red army during its transfer to a peaceful situation (1921–1923). As a component of the morale of the army] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossijskoj akademii nauk* [Proceedings of the Samara scientific center, Russian Academy of Sciences]. 2009. T. 1. № 6. S. 129–132.

25. *Pchelintseva L.M., Pchelintsev S.V. Kvartirnoe dovol'stvie komandnogo sostava RKKA posle Grazhdanskoj vojny* [Housing allowance command staff of the red army after the Civil war] // *VIZH*. 2004. № 2. S. 40–43.

26. *Sudakova A.N. «Zashhitniki nashi zadolzhalis'»* ["Our defenders owed"] // *Uchenye zapiski Orlovskogo Gosuniversiteta. Seriya «Gumanitarnye i sotsial'nye nauki»* [Scientific notes of Orel state University. Series "Humanities and social Sciences"]. 2011. № 6. S. 101–105.

27. *Sudakova A.N. Material'noe polozhenie mladshego komandnogo sostava Krasnoj Armii v 1924–1930-kh gg.* [Financial position of the Junior officers of the red Army in 1924–1930-s.] // *Uchenye zapiski Orlovskogo Gosuniversiteta. Seriya «Gumanitarnye i sotsial'nye nauki»* [Scientific notes of Orel state University. Series "Humanities and social Sciences"]. 2012. № 4. S. 74–82.

28. *Babaskin O.P. Reorganizatsiya sistemy voennoj podgotovki posle Grazhdanskoj vojny (na primere TSentral'no-CHernozemnogo regiona)* [Reorganization of the military training system after the Civil war (on the example of the Central Chernozem region)] // *Izvestiya Altajskogo Gosuniversiteta* [Proceedings of the Altai state University]. 2009. Vestnik № 4. T. 3. S. 19–22.

29. *Verizhnikov A.N. CHasti osobogo naznacheniya kak tsentry voennogo obucheniya v 1921–1923 gg. (na primere Orlovskoj gubernii)* [Special forces as centers of military training in 1921–1923. (on the example of the Oryol province)] // *Uchenye zapiski Orlovskogo Gosuniversiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Scientific notes of Orel state University. Series "Humanities and social Sciences"]. 2011. № 6. S. 61–65.

30. Podustov F.N. *CHislennost', material'noe polozenie i usloviya truda prepodavatelej voenno-uchebnykh zavedenij Sibirskogo voennogo okruga v 1919–1921 gg.* [Number, financial status and working conditions of teachers of military educational institutions of the Siberian military district in 1919–1921] // *Vestnik Tomskij gosudarstvennyj pedagogicheskiy universitet. Seriya: Gumanitarnye nauki (Istoriya)* [Bulletin of the Tomsk state pedagogical University. Series: Humanities (History)]. Vyp. 1 (52). S. 41–46.

31. Fomina N.V. *Sistema voennogo professional'nogo obrazovaniya na Dal'nem Vostoke: ehtapy stanovleniya i razvitiya (1922-1941)* [Military vocational education system in the far East: stages of formation and development (1922–1941)] // *Izvestiya Altajskogo gosuniversiteta* [Proceedings of the Altai state University]. 2007. № 4–2. S. 161–167.

32. TSymbolov I.V. *Podgotovka voennykh kadrov zapasa sukhoputnykh vojsk RKKA (1921–iyun' 1941 g.)* [The training of military personnel of the reserve land forces of the red army (1921–June 1941)] // *Vestnik Voennogo universiteta* [Vestnik of the Military University]. 2009. № 4 (20). S. 151–157.

33. Kaminskij V.V. *Ofitsery Russkoj Imperatorskoj Armii v Korpuse «krasnogo» General'nogo Shtaba (personal'nyj sostav, sluzhebnyaya zanyatost', spetsifika lichnykh sudeb (1918–1945 gg.)). Biograficheskiy spravocnik* [Officers Of the Russian Imperial Army in the Corps of the "red" General Staff (personnel, employment, the specifics of personal lives (1918–1945)). Biographical reference]. T. 1. A-ZH. SPb.: Izdatel'skiy TSentr «Gumanitarnaya Akademiya», 2018.

34. Kaminskij V.V. *A.I. Andogskij v dni «russoj smuty» v 1917–1919 gg.* [A. I. Andovski in the days of the "Russian troubles" in 1917-1919] // *Voprosy istorii* [Questions of history]. 2008. № 11. S. 91–100.

35. Kaminskij V.V. *Sotsial'no-bytovaya motivatsiya v konkretnykh sud'bakh: General'nogo shtaba podpolkovnik Viktor Ivanovich Oberyukhtin – «sluga dvukh gospod» poocheredno (1918–1938 gg.)* [Social motivation in a particular destinies: the General staff Lieutenant Colonel Viktor Ivanovich Everyhtin – "the servant of two masters" interchangeably (1918–1938 gg.)] // *Novejshaya istoriya Rossii (dalee – NIR)* [Modern history of Russia (hereinafter – NIR)]. 2013. № 1. S. 66–80.

36. Kaminskij V.V. *Ot A.V. Kolchaka – v Krasnyu armiyu: sluzhebnyaya zanyatost' i dal'nejshie sud'by vypusnikov mladshogo klassa 4-j ocheredi uskorennykh kursov «beloj» Akademii General'nogo shtaba (Tomsk, aprel' 1919 g.)* [From A. V. Kolchak – to the Red army: official employment and further destinies of graduates of the Junior class of the 4th turn of the accelerated courses of "white" Academy of the General staff (Tomsk, April, 1919)] // *NIR*. 2014. № 1. S. 40–67.

37. Kaminskij V.V. *General'nogo shtaba general-major M.E. Solnyshkin: ot khrabrogo terskogo kazaka i «myatezhnika-kornilovtza» k dobrosovestnomu sluzhake v provintsial'nykh shtabakh Krasnoj armii. 1914–1924 gg.* [General staff major General M.E. Solnyshkin: from the brave Terek Cossack and "rebel-kornilovtza" to a conscientious servant in the provincial headquarters of the red army. 1914-1924] // *NIR*. 2014. № 3. S. 132–144.

38. Kaminskij V.V. *General'nogo shtaba general-lejtenant N. N. Stogov – dobrosovestnyj voennyj spetsialist Krasnoj armii ili zavedomyj «vreditel'» v ee ryadakh?* [The General staff, Lieutenant-General N. N. Stacks – a bona fide military expert of the red army or the notorious "pest" in its ranks?] // *NIR*. 2015. № 1. S. 59–70.

39. Kaminskij V.V. *Prodolzhaya trudy A. G. Kavtaradze: kursanty 3-j ocheredi uskorennykh kursov Nikolaevskoj akademii General'nogo shtaba na sluzhbe v Kras-*

noj armii (1918–1930-e gg.) [Continuing works of A. G. Kavtaradze: cadets of the 3rd turn of the accelerated courses of the Nikolaev Academy of General staff on service in red army (1918-1930-ies.)] // *NIR*. 2016. № 2. S. 138–188.

40. *Kaminskij V.V., Veremenko V.A. Dvoryanskaya sem'ya Baranovskikh na slome ehpokh* [Noble family Baranovsky at the turn of epochs] // *NIR*. 2016. № 3. S. 64–83.

41. *Kaminskij V.V., Veremenko V.A. M.D. Bonch-Bruevich – odin iz osnovatelej Krasnoj armii: stranitsy biografii* [M. D. Bonch-Bruevich – one of the founders of the red army: biography pages] // *NIR*. 2018. T. 8. № 1. S. 57–69.

42. *Memuary O.M. Menitskoj-Zommar (01.03.1874–31.01.1967) / Publikatsiya, kommentarii i vstupitel'naya stat'ya – Kaminskij V.V., Veremenko V.A.* [Memoirs of O. M. Minicoy-Sommar (01.03.1874–31.01.1967) / Publication, comments and introduction – Kaminsky V.V., Veremenko V.A.] // *Istoriya Povsednevnosti* [The History of Everyday life]. 2017. № 1. S. 109–150.

43. «*Po otnosheniyu k Sovetskoj vlasti – loyalen...*»: *komissarskie kharakteristiki na prepodavatelej Voennoj akademii RKKA serediny 1920-kh gg.* / *Publikatsiya V.V. Kaminskogo i D.YU. Ispovednikova* ["Relative to Soviet power-loyal...": Commissar characteristics of teachers of The military Academy of the red army in the mid-1920s. / Publication of V. Kaminsky And D.Yu. Ispovednikov] // *NIR*. 2017. № 1. S. 194–224.

44. *Kaminskij V.V., Petin D.I. Russkij artillerist A.V. Beklemishev na sluzhbe v chetyrekh armiyakh: opyt istoriko-biograficheskogo issledovaniya* [Russian gunner AV Beklemishev in the service of four armies: the experience of historical and biographical research] // *Vestnik arkhivista* [Bulletin of the archivist]. 2016. № 3. S. 266–299.

45. *Petin D.I., Kaminskij V.V. General-major Genshtaba N.N. Artamonov (1872–1937): Biografiya skvoz' prizmu novykh istochnikov* [Major General of the General staff N. H. Artamonov (1872–1937): Biography through the prism of new sources] // *Vestnik arkhivista* [Bulletin of the archivist]. 2017. № 3. S. 275–300.

46. *Petin D.I., Kaminskij V.V. General-lejtenant L.P. Timashev (1864–1932): stranitsy sluzhebnoj biografii* // *Grazhdanskaya vojna na Vostoke Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie. Mater. II Vserossijskoj nauch.-prak. konferentsii s mezhdunar. uchastiem (Omsk, 25–26 oktyabrya 2017 g.)* [Lieutenant General L. p. Timashev (1864–1932): service biography pages // Civil war in Eastern Russia: a view through the documentary heritage. Matera. II all-Russian science. – Prak. international conferences. participation (Omsk, 25–26 October 2017)]. S. 152–157.

47. *Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arkhiv (dalee – RGVA)* [The Russian state military archive (further – RGVA)]. F. 9. Op. 18. D. 273.

48. RGVA. F. 9. Op. 26. D. 159.

49. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 791.

50. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 409.

51. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 413.

52. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 199.

53. RGVA. F. 25883. Op. 2. D. 1216.

54. RGVA. F. 9. Op. 3. D. 308.

55. RGVA. F. 9. Op. 3. D. 205.

56. RGVA. F. 25883. Op. 2. D. 1219.

57. *Veremenko V.A. Sem'ya v obkhod zakona: brachnaya praktika rossijskikh ofitserov vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka* [Family bypassing the law: mar-

riage practice of Russian officers in the second half of the XIX – early XX century] // *Voenno-istoricheskij zhurnal* [Military historical magazine]. 2006. № 3. S. 55–59.

58. RGVA. F. 25883. Op. 2. D. 1184.

59. RGVA. F. 9. Op. 10. D. 46.

60. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 191.

61. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 430.

62. RGVA. F. 9. Op. 17. D. 134.

63. RGVA. F. 9. Op. 3. D. 195.

64. RGVA. F. 9. Op. 26. D. 397.

65. RGVA. F. 25893. Op. 1. D. 276.

66. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 161.

67. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 711.

68. RGVA. F. 9. Op. 7. D. 1.

69. Veremenko V.A. «*Dura v dome*» – *zhenskaya domashnyaya prisluga v dvoryanskikh sem'yakh Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv.* [The fool in the house – female domestic help in noble families of Russia of the second half of XIX – the beginning of XX centuries] // *Al'manakh gendernoj istorii «Adam i Eva»* [Almanac of gender history "Adam and Eve"]. 2013. (21). S. 241–273.

70. RGVA. F. 25888. Op. 2. D. 1252.

71. RGVA. F. 9. Op. 18. D. 112.

72. RGVA. F. 9. Op. 26. D. 111.

73. RGVA. F. 25883. Op. 2. D. 1200.

74. RGVA. F. 25896. Op. 2. D. 51.

75. RGVA. F. 25896. Op. 3. D. 21.

76. RGVA. F. 25896. Op. 9. D. 46.

77. RGVA. F. 25899. Op. 2. D. 425.

78. RGVA. F. 9. Op. 17. D. 218.

79. RGVA. F. 25893. Op. 1. D. 278.

80. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 1264.

81. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 1200.

82. RGVA. F. 9. Op. 17. D. 270.

83. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 160.

84. RGVA. F. 25895. Op. 1. D. 261.

85. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 133.

86. RGVA. F. 9. Op. 3. D. 393.

87. RGVA. F. 9 Op. 18. D. 223.

88. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 600.

89. RGVA. F. 25883. Op. 1. D. 189.

90. RGVA. F. 25883. Op. 1. D. 186.

91. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 91.

92. RGVA. F. 33989. Op. 1. D. 87.

93. *Kork Avgust Ivanovich* // *KHronos*. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_k/kork.php.

94. *Vasilevskij A.M. Delo vsej zhizni* [It's a matter of life]. M.: Politizdat, 1978.

95. RGVA. F. 37976. Op. 1. D. 90.

96. RGVA. F. 37976. Op. 1. D. 118.

97. RGVA. F. 9. Op. 18. D. 308.

98. RGVA. F. 25895. Op. 1. D. 47.

99. *CHerkashin N. "KHot' kto-to vspomnil..."* [At least someone remembered...] // *Stoletie* [Century]. URL: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/khot_kto-to_vspomnil__2010-06-22.htm
100. RGVA. F. 9. Op. 3. D. 362.
101. *Kaminskij V.V. Vypuskniki Nikolaevskoj Akademii General'nogo SHtaba na sluzhbe v Krasnoj Armii* [Graduates of the Nikolaev Academy of the General Staff on service in red Army]. SPb.: Aletejya, 2011.
102. RGVA. F. 6. Op. 4. D. 916.
103. RGVA. F. 7. Op. 2. D. 8.
104. *Tinchenko YA. YU. Golgofa russkogo ofitserstva v SSSR* [Calvary of the Russian officers in the USSR]. M.: Moskovskij obshhestvennyj nauchnyj fond, 2000.
105. *YAnovskaya L. (ot redaktsii). Dnevnik Eleny Bulgakovoj* [The Diary Of Elena Bulgakova]. M.: Izdatel'stvo «Knizhnaya palata», 1990.
106. *Spisok lits s vysshim obshhim voennym obrazovaniem, sostoyashhikh na sluzhbe v Raboche-Krest'yanskoj Krasnoj Armii (sostavlen po dannym k 1 marta 1923g.)* [The list of people with the highest General military education in the service in the worker-Peasant red Army (drawn up according to the March 1, 1923.)] [M., 1923].
107. *Varlamov A.N. Mikhail Bulgakov*. M.: Molodaya gvardiya, 2008.
108. *Velikanov N.T. Vasilevskij*. M.: Molodaya gvardiya, 2014.
109. *Veremenko V.A. KHozyajka na kukhne: adaptatsionnye praktiki v zhizni rossijskoj dvoryanskoj sem'i vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* [Hostess in the kitchen: adaptation practices in the life of the Russian noble family in the second half of XIX – early XX century. / /] // *EHkstremal'noe v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (k 100-letiyu russkoj revolyutsii 1917 g.): materialy mezhdunar. nauch. konf., 16–18 marta 2017 g. / otv. red. V.A. Veremenko* [Extreme in everyday life of the Russian population: history and modernity (to the 100th anniversary of the Russian revolution of 1917): materials international. science. Conf., 16-18 March 2017 / resp. edited by V.A. Veremenko]. SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2017. S. 315–323.
110. RGVA. F. 25883. Op. 5. D. 2274.
111. RGVA. F. 9. Op. 3. D. 139.
112. RGVA. F. 25888. Op. 7. D. 19.
113. RGVA. F. 25899. Op. 3. D. 886.
114. RGVA. F. 25888. Op. 1. D. 207.
115. RGVA. F. 25895. Op. 1. D. 261.
116. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 432.
117. RGVA. F. 25888. Op. 2. D. 58.
118. RGVA. F. 25889. Op. 2. D. 87.
119. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 85.
120. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 55.
121. RGVA. F. 9. Op. 3. D. 273.
122. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 53.
123. *Lebina N.B. «...V obstanovke sovetskikh bol'nits...» (Novye dokumenty o sovetskoj abortnoj politike pervoj poloviny 1930-kh gg.)* ["...In the situation of Soviet hospitals..."(New documents on Soviet abortion policy of the first half of the 1930s)] // *NIR*. 2014. № 2.
124. RGVA. F. 9. Op. 18. D. 15.

125. Veremenko V.A. *Problemy vnebrachnykh semej ofitserov i zapasnykh v Rossii nachala XX veka* [Problems in non-marital families of officers and replacement in Russia of the early twentieth century] // *Vojna i povsednevnyaya zhizn' naseleniya Rossii XVII – XX vv. (k stoletiyu nachala Pervoj mirovoj vojny): materialy mezhdunar. nauch. konf., 14–16 marta 2014 g. / pod obshh. red. prof. V.N. Skvortsova; otv. red. V.A. Veremenko* [War and everyday life of the population of Russia XVII – XX centuries (to the centenary of the First world war): proceedings of the international. science. Conf. From 14 to 16 March, 2014 / under the General editorship of Professor V.N. Skvortsova; resp. edited by V.A. Veremenko]. SPb: LGU im. A.S. Pushkina, 2014. S. 157–164.

126. *Dekret o grazhdanskom brake, o detyakh i o vedenii knig aktov grazhdanskogo sostoyaniya ot 18 dekabrya 1917 g.* [Decree on civil marriage, children and the maintenance of books of civil status of 18 December 1917]. Diletant // <http://diletant.media/articles/37825446/>

127. RGVA. F. 9. Op. 3. D. 291.

Н.В. Кабакова

Эвакуация в Омск в памяти ленинградских рабочих завода им. Н.Г. Козицкого*

В исследовании раскрывается процесс эвакуации и дальнейшей адаптации ленинградских рабочих завода им. Н.Г. Козицкого в Омске в годы Великой Отечественной войны. Описываются условия труда и жизни в обстановке тылового быта: сложности, с которыми столкнулись вновь прибывшие, связанные с необходимостью скорейшего пуска предприятия, поиском рабочей силы на новом месте, проблемы жилищного и бытового обустройства. Отмечается, что наличие многочисленных трудностей, с которыми столкнулись эвакуированные, не привели ни к ожесточению, ни к возникновению противостояния «свои»-«чужие» с местным населением, поскольку главным девизом ленинградцев в период экстремальной повседневности стало сконцентрировать собственные усилия для скорейшего разгрома ненавистного врага. В статье отмечается, что находившиеся в Омске заводчане в условиях острой нехватки рабочей силы восполняли ее недостатком местными жителями – подростками, женщинами, преимущественно преклонного возраста. Оценивается их вклад в налаживание производства, обеспечение выполнения трудовых заданий на предприятии, в деятельность разного характера, связанную с сельскохозяйственными работами и пр. Исследование построено на основе архивных материалов и не использованных ранее воспоминаний очевидцев излагаемых событий – тружеников завода им. Н.Г. Козицкого на омской земле об экстремальном периоде Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: повседневность, тыл, эвакуация, рабочие, Ленинград, Омск, завод им. Н.Г. Козицкого.

N.V. Kabakova

Evacuation to Omsk in memory of the Leningrad workers of the N.G. Kozitsky plant

The study reveals the process of evacuation and further adaptation of the Leningrad workers of the N.G. Kozitsky plant in Omsk during the Great Patriotic War. The conditions of work and life are described in the situation of the rear life: the difficulties encountered by newcomers associated with the need for early start-up of the

---

© Кабакова Н.В., 2018

© Kabakova N.V., 2018

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования Омской области в рамках научного проекта № 17–11–55006 «Повседневная жизнь в Западной Сибири накануне и во время Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.)».

enterprise, the search for a labor force in a new place, the problems of housing and home improvement. It is noted that the presence of numerous difficulties faced by the evacuees did not lead to bitter or self-contradiction between «one's» and «others» with the local population, since the main motto of the Leningraders in the period of extreme daily routine was to concentrate their own efforts for the speedy destruction of the hated enemy. The article notes that the factory workers in Omsk in the conditions of acute shortage of labor compensated for its shortage by local residents – adolescents, women, mostly elderly. Their contribution to the establishment of production, ensuring the fulfillment of work assignments at the enterprise, to activities of a different nature related to agricultural work, etc. is evaluated. The study is based on archival materials and unused memories of eyewitnesses of the events described – workers of the N.G. Kozitsky plant on the Omsk land about the extreme period of the Great Patriotic War.

Key words: daily routine, rear, evacuation, workers, Leningrad, Omsk, N.G. Kozitsky plant.

11 июля 1941 г. Постановлением ГКО № 99-сс был определен список предприятий, расположенных в западных районах СССР, подлежащих эвакуации в глубокий тыл – на Урал и в Сибирь, в котором среди прочих числился ленинградский завод им. Н.Г. Козицкого (№ 210). Устанавливался общий срок эвакуации в 5–7 дней, исключавший производства, выполнявшие неотложные текущие военные заказы.

Возможность скорого перебазирования на восток на заводе им. Н.Г. Козицкого предвидели, но не знали точного места новой дислокации. Так, в начале июля ходили слухи об эвакуации в Тобольск. С.А. Касаткин, инженер-конструктор отдела главного архитектора вспоминал, что очень хотелось попасть на Волгу, а не в Сибирь, где, как предполагалось, «не будет хватать материальных и людских ресурсов» [1. Л. 12 об.]. После обнародования известия об эвакуации многие заводчане выражали тревогу: с одной стороны, многие волновались в связи с неизбежностью покинуть в страшное время город, пуститься в далекий путь, с другой – с необходимостью перебазирования предприятия («срывать станки с обжитых мест, грузить их на трамвайные платформы и двигать куда-то дальше по железной дороге»). Многие квалифицированные специалисты наотрез отказывались уезжать, мотивируя это тем, что не могут оставить в столь суровый час родной Ленинград. Тем не менее, оглашение приказа стало стартом подготовки к отправке оборудования, которое требовалось разместить в 18 эшелонах. Всего для перебазирования завода предназначались 800 вагонов первой очереди и 230 вагонов второй очереди. В короткие сроки был произведен демонтаж оборудования для подготовки его к эвакуации: «Все делалось нами обстоятельно, толково, без излишней спешки и суматохи – так, как и подобает работать ленинградцам» [2. Л. 1]. Од-

нако загрузить успели только десять эшелонов, и в ночь с 20 на 21 июля первый из них отбыл из Ленинграда. Всего же удалось отправить из-за надвигавшейся блокады восемь эшелонов. В Омск прибыли семь из них, поскольку один спасти не удалось: он был разбомблен под Тихвиным. Данное исследование, построенное на основе архивных материалов и воспоминаний очевидцев излагаемых событий, раскрывает историю повседневной жизни заводчан в Омске, в условиях эвакуации в период Великой Отечественной войны.

В эшелонах вместе с ценными станками и оборудованием в Омск ехали руководители завода им. Н.Г. Козицкого, представители инженерно-технических кадров, рабочие с семьями, поэтому составы комплектовались из товарных вагонов с тремя ярусами нар и с печками, чтобы можно было разогреть пищу. В пути ленинградцы наблюдали следы бомбежек – громадные воронки, повреждения леса. Случалось и самим спастись от вражеских самолетов, выскакивая в поисках укрытия из поезда. Потому общее состояние тревоги, испытанное ленинградцами в связи с вторжением врага, расставанием с городом, домом, родными и друзьями, дополнилось пережитым шоком видимых картин обрушившейся войны, трудной и долгой дороги.

Первый эшелон прибыл в Омск в ночь с 3 на 4 августа, последний – в середине сентября. Всего было эвакуировано 1 079 чел. (из них – 847 квалифицированных работников). Город, куда приехали ленинградцы, произвел на них тягостное впечатление, хотя они изначально осознавали, что едут в глубокую провинцию. Обобщенные подробности впечатлений от увиденного на новом месте содержали такие оценки: «Омск, когда мы приехали, выглядел как большая деревня. Домики маленькие, частные, со ставнями. Собаки лают. Улицы грязные, не заасфальтированные»; « ... к началу становления завода ни одна из прилегающих к зданиям, выделенным для завода (а это был тогда центр города – Н.К.) не была ни заасфальтирована, ни даже замощена (за исключением улицы Герцена на участке от Интернациональной до 8 Северной)»; « ... осенью было настолько грязно, что на завод трудно было попасть. Улица Гусарова была разбита и представляла собой сплошное месиво из грязи. Были случаи, что посреди неё, прямо против завода опрокидывались развозки с хлебом. Лошади были в грязи по брюхо, а иногда людям приходилось вытаскивать и повозку, и лошадь» [3. Л. 24–25].

В подобных изображениях новой действительности, с которой столкнулись в тылу эвакуированные, содержится противопоставление двух миров – «провинциального» и «столичного». Экстремальное время принудило жителей Ленинграда помимо их воли внезапно окунуться в незнакомую и непривычную обстановку далекой периферии. В освещении ряда исследователей отмечается,

что подобные погружения нередко приводили к многочисленным негативным проявлениям, возникновению противостояния между эвакуированными и местными жителями [4; 5]. Воспоминания ленинградцев, оказавшихся в Омске под влиянием суровой неизбежности военной эпохи, свидетельствуют о том, что сам факт необходимости переезда вызывал у них опасения. Несомненными являются волнение, тревога, испытанные людьми перед страшной угрозой захвата их родного города, оставлявшими дом, родных и друзей. Нежелание отрываться от корней в подобных условиях становится очевидным в понимании того напряжения, которое чувствовали многие люди, оказавшись далеко от дома. Вполне объясним потому общий настрой, сложное восприятие новой обстановки, непривычных условий жизни, бытового дискомфорта. По-видимому, подобные впечатления и первые ощущения такого рода присутствовали и у ленинградцев. Однако воспоминания о последовавших неделях, месяцах и годах, проведенных ими в Омске, свидетельствуют о безусловном отсутствии противостояния «свои»-«чужие». Многие побывавшие в эвакуации спустя десятилетия оценивали встречу, организованную им городскими властями, теплый прием со стороны простых горожан, помощь и понимание, которые они повсеместно встречали. Конечно, на первом плане воспоминаний ленинградцев об Омске выступали суровые условия военной повседневности – труда и быта, необходимость обретения идентичности в непривычной обстановке. Но ни перечисленные обстоятельства, ни отношения с местными жителями, ни отсутствие привычного комфорта столичной жизни в области культуры не оказались для них приоритетными даже спустя годы. Лейтмотивом рассказов представителей коллектива завода им. Н.Г. Козицкого о войне были слова: «Мы хотели, чтобы побыстрее закончилась ненавистная война, и делали для этого всё, что зависело от нас».

Первую партию прибывших эвакуированных погрузили на полуторку и отвезли в здание строившегося пединститута, где впоследствии начали монтировать заводское оборудование. Поскольку электричество еще не было подключено, в темноте, при свечах подобрали несколько помещений с наиболее чистым полом, где заводчане с семьями, прямо на полу, провели первую ночь. Измученные дорогой, усталые и голодные люди с утра устремились за продуктами: «Приехали мы в Омск ночью, а утром бросились все в магазин и, как сейчас помню, там была очень вкусная брынза» [6. Л. 13]. После этого мужчины отправились разгружать оборудование, которое требовалось снять с платформ и перевезти на выделенную для завода территорию, рассредоточенную по всему городу: слесарный участок – в кинотеатре «Луч», инструментальный, энергети-

ческий, штамповочный, механический и др. – в помещении складов автотракторсбыта на ул. Тарской, сборочно-узловой, кварцевый и малярный – в учебном корпусе педагогического института, деревообделочный – на ул. Краснофлотской, литейный и кузница – на 5 Северной, заводоуправление и технические отделы – в общежитии пединститута. Специальной техники для установки тяжелых станков не было, потому приходилось «поднимать под «дубинушку», кольями» [7. Л. 2 об.–3]. К тому же, корпус пединститута был не достроен: на третьем и четвертом этажах отсутствовал пол, не оборудованы лестницы, не подведена канализация, подвал затоплен водой. Руководители завода отмечали, что объекты, предназначенные городом для предприятия, не соответствовали никаким нормам, но выбирать не приходилось, требовалось скорейшим образом наладить военное производство на новом месте: «Размышлять времени не было. Объем предстоящих работ казался огромным. Но никаких других перспектив не было. Надо было начинать. И начали» [8. Л. 2–3].

Всего в Омск было перебазировано 746 единиц оборудования, но зачастую оно было изношенным, «второстепенным», поскольку и заводчане, остававшиеся в Ленинграде, сохранили значительную часть станков, не собираясь останавливать выпуск продукции для фронта. Поэтому в Омске приходилось искать оснащение на других предприятиях, добывать на железной дороге, изготавливать самим. Порой происходили курьезные случаи, об одном из которых вспоминал инженер-теплотехник С.А. Стукалов, с марта 1945 г. ставший главным энергетиком завода: «Приходилось много ходить по складам, учреждениям, разыскивая оборудование и материалы. Однажды, проходя по ул. Гусарова, во дворе общежития студентов автотракторного института, увидел большой железный бак. Такой нужен был для конденсата в котельную. Быстро организовав бригаду, мы увезли бак на завод. Сколько же я получил после за него проклятий от хозяйки! Оказывается, в том баке жила коза, а я лишил ее крова» [9. Л. 21–22].

Для того чтобы осуществить запуск предприятия, ленинградцам потребовалось решить большое количество проблем. Производственные помещения не отапливались, а железных труб в городе не нашлось, к тому же деревянные перекрытия в основном корпусе не позволяли устанавливать там печи. Проявив смекалку, заводчане проложили деревянные короба, по которым теплый воздух нагнетался в цеха. Температура приблизилась к норме и составляла в дальнейшем 12–15°. Люди смогли снять телогрейки.

На заводе необходимо было обеспечить пожарную безопасность. Работавшие на постройке подземного водоема, необходимого в противопожарных целях, вспоминали, что когда рыли котлован,

наткнулись на могилу какого-то генерала: «Сохранились истлевшие останки мундира и лаковые сапоги. Лак выглядел хорошо, но когда сапоги тронули, они рассыпались. Очевидно, это была могила знаменитого русского металлурга Аносова» [10. Л. 9]. Действительно, главный корпус завода оказался на территории, где в XIX в. располагалось Бутырское кладбище, на котором похоронили П.П. Аносова (ныне ему установлена мемориальная доска с барельефом). Все подготовительные работы производились в течение первой военной осени, но уже 9 сентября завод № 210 дал свою первую продукцию на омской земле.

Одним из важнейших мероприятий по приему эвакуированного населения для омских властей стало обеспечение вновь прибывших жильем, тем более что в город перебазировались десятки оборонных предприятий из Москвы, Ленинграда, Запорожья и пр. С этой целью стали строиться насыпные бараки, освобождались помещения, принадлежавшие государственным учреждениям – гостиницы, парикмахерские, столовые, выселялись в сельскую местность люди, не задействованные в военном производстве или неблагонадежные граждане. Уплотняли омичей, подселая к ним по 2–3 семьи. Если до июня 1941 г. минимальная жилая норма на одного человека в городе составляла 3,2 кв. м, то с начала войны, когда численность населения Омска выросла на 30 %, это требование было отменено.

Прием, устройство и обслуживание эвакуированного населения явилось одной из определяющих задач для города, администрация которого требовала четко организовать эту работу. Критике подверглись директора предприятий (среди них оказался и руководитель завода № 210), не проявивших должной заботы в решении жилищного вопроса, положившись полностью на местные органы власти, понадеявшись на существующий городской фонд. 14 августа 1941 г. в ходе заседания бюро омского обкома ВКП (б) было принято решение о развертывании строительства временных жилых построек – бараков, на которые имелись в наличии ассигнования, строительные материалы. Рабочую же силу из числа не занятых на разгрузке оборудования и монтажа обязывалось предоставить руководство эвакуированных заводов [11. Л. 24].

Первоначально же прибывавших ленинградцев размещали в лекционном зале бывшего пединститута. Первую партию встретил представитель Центрального райкома ВКП (б) товарищ Гинц «культурно, без лишних слов, без уверений, что мы приехали "к теще на блины", что нам будет хорошо», пообещавший, что город обеспечит их жильем [12. Л. 2]. Уже на следующий день многие семейные получили ордера на квартиры (всего их было выделено 500), другие определились с жильем позже. Вот как вспоминали об этом рабо-

чие: «Когда приехали, нас разместили в лекционном зале. Мы жили там, спали вповалку. Но в течение недели разместились. Большинство приехали семьями (Г.А. Смирнов)» [13. Л. 15]; «... поселили нас в помещении пединститута. Через 3 дня распределили по квартирам. Мне досталась 5 Северная, дом № 30. Я сам изготовил трубы, печь, так и жил (В.И. Котиков)» [14. Л. 8]; «... наш цех был на 3 этаже учебного корпуса. И здесь мы жили целый месяц с ребятами, а потом уже нас по квартирам разместили (Ф.Г. Хоминская)» [15. Л. 5]; «... на второй день устроились все люди из первого эшелона. Кто – лучше, кто – хуже. Кому как повезло (С.А. Стукалов)» [16. Л. 3]. Действительно, условия бытования в Омске у ленинградцев были разные. «Одно название – квартира... Многие, как мы, жили на кухнях. Без дров. Моя трехлетняя дочь заболела туберкулезом» [17. Л. 5]. «Я с семьей из четырех человек жил в комнате в частном доме на восьми квадратных метрах» [18. Л. 10 об.]. «После приезда в Омск нам предложили в микрорайоне, где был завод, искать жилье. По улице Октябрьская, 174 оказались добрые отзывчивые люди, которые дали согласие уступить нам небольшую комнату. Нас было трое – я, брат и коллега Беляева Наталья Васильевна» [19. Л. 1]. «Жили мы в бараке. Летом пылью все покрывалось, а зимою – льдом. Бывало, приносили ведро воды вечером, а утром лед долбили, чтобы умыться. Кровати сдвигали, плотно укладывались и матрацами укрывались, чтобы согреться» [20. Л. 1 об.]. Однако общим мотивом подобных коллективных воспоминаний ленинградцев являлось то, что, невзирая на многочисленные неудобства, они стремились не падать духом, побыстрее включиться в работу, чтобы запустить завод. Эвакуированные отмечали, что в Омске их встретили очень хорошо, «не так как украинцев или москвичей», оказывали всемерную помощь. Г.Н. Перельман рассказывала, что приехала в Омск с маленькой дочерью, которая недавно перенесла воспаление легких, очень нуждалась в поправке. Их поместили на 8 Ремесленной, в дом, где жили семидесятилетние старик со старушкой, на кухне. Хозяева занимали комнату, но они уступили ее ленинградцам и бесплатно давали им козье молоко для ребенка [21. Л. 22].

Городское руководство предпринимало необходимые меры для обеспечения эвакуированных питанием, предметами домашнего обихода, одеждой и обувью, керосином, медицинским обслуживанием. Нужды вновь прибывших постоянно оставались в поле зрения властей, о чем свидетельствует перечень подобных вопросов, обсуждавшихся на заседаниях омского обкома ВКП (б) в течение всего экстремального периода Великой Отечественной войны [22. Л. 24; 23. Л. 15–20]. Приехавшие в тыл издалека, поднявшись по тревоге, сумевшие взять с собой лишь необходимое, люди испытывали по-

требности в разных вещах, которые, в числе прочего, им приходилось производить самим. Так, в первые месяцы после запуска завода № 210 для обеспечения собственных нужд его рабочие изготовили 1 800 стаканов, 3 700 мисок, 2 000 тарелок, 8 000 гребенок, 80 000 пуговиц, 6 000 ложек, 75 кроватей, 150 тазов, 150 ведер, 300 кастрюль, столы и табуреты, лопаты и сковороды, даже зажигалки и мундштуки [24. Л. 64].

Различные сложности приходилось преодолевать всем работникам завода им. Н.Г. Козицкого – и «старой» гвардии, вынужденной в сложнейших условиях налаживания труда и жизни выступать в роли наставников и инструкторов, и вновь прибывшим – на фоне освоения ранее неизвестных для них профессий – многие из которых являлись жителями сельской местности. В эвакуацию из Ленинграда отправилось 16 % кадрового состава, потому на новом месте срочно потребовалось подбирать рабочих, специалистов различных областей производства. В воспоминаниях руководителей завода о первых месяцах в Омске акцентировалось внимание на том, что людей, обладавших необходимой квалификацией, не доставало. Приходилось осуществлять принудительные трудовые мобилизации. К примеру, на завод призывались все имевшиеся в городе часовщики. Главным образом, это были пожилые люди, которых в силу возраста не брали на фронт. По всей Омской области мобилизовывались юноши допризывного возраста, женщины и девушки. Встречались среди вновь принятых такие, кто негативно отнёсся к необходимости трудиться на предприятии, шли на завод неохотно, и первое время некоторые выполняли задания недобросовестно, а порой халатно: «Работа для них была незнакома, необычна, не давала достаточного прожиточного минимума, к которому они привыкли. Выгоднее было заниматься подсобным хозяйством на кусках земли около домов и в ближайших районах. Ленинградские кадры, оказавшись в глубоком тылу, работая сами, обучали молодежь и старались, помимо основных навыков, привить людям любовь к профессии и цеху, к заводу, научить добросовестному отношению к работе и нетерпимости к нарушениям. Это было нелегко. Сколько материала перепортили, сколько было поломок оборудования! Но деваться было некуда. Надо было осилить, и осилили» [25. Л. 29–30]. Для обеспечения завода рабочей силой при нем открылась школа ФЗО, в каждом цехе создавался кружок техминимума. Один из мастеров, занимавшийся обучением подростков, Г.А. Смирнов, рассказывал: «Ученики были на государственном обеспечении: им выдавалось обмундирование, организовывалось питание. Учили теории и практике в течение полугода, в ночную смену. В 5–6 групп набирали по 35 чел. Что это были за кадры? Молодые мальчики и

девочки. Большинство из них не хотело работать. Занимались в ночное время: час-два поработают, а потом надо их отыскивать спящих» [26. Л. 16].

Наряду с воспоминаниями представителей гвардии ленинградцев, сохранились рассказы о своей работе в годы войны и тех, кто подростком оказался на заводе № 210. В.Д. Свинцова пришла на предприятие ученицей шлифовщика в 1941 г., прямо со школьной скамьи, в 15-летнем возрасте: «Завода еще не было, только здание, да упакованное оборудование. Мы, подростки, в холоде протирали станки от смазки, устанавливали их. Сутками работали в цехах, иной раз тут же засыпали, голодные и уставшие. Мы не считались ни с чем, так как знали, что тем, кто на фронте, еще хуже. В помещениях было холодно, мерзли руки, работали все в телогрейках. Многих девчат едва было видно из-за станков. Закончив 12-часовую дневную смену, ночью шли разгружать картофель, вагоны с капустой, морковь, баржи с дровами, дежурили в госпитале, ездили в колхозы» [27. Л. 1–3]. З.И. Горголь, жившая до войны в Одессе, вместе с другими детьми эвакуировалась в Тобольск, куда прибыл представитель завода им. Н.Г. Козицкого. Своим рассказом о производстве он сумел заинтересовать подростков, изъявивших желание уехать в Омск: «Меня направили в цех револьверщицей ... Сделали нам специальные подставки у станков и стали мы рабочими. Никто не считался с отработанным временем, ни у кого не было в мыслях уйти, не выполнив фронтового задания. Цех был темный, грязный. Зимой даже эмульсия замерзала. Работали в телогрейках, одеты были так, что лучше не вспоминать» [28. Л. 1–1 об.]. Трудившемуся на заводе им. Н.Г. Козицкого А. Лопатину едва исполнилось 17 лет. Его отца, минометчика, убили под Великими Луками. Приехавший в Омск из Ленинграда, подросток создал бригаду из таких же мальчишек, где самому младшему было 14 лет: «Не уходили из цеха, не выполнив задания. План наш составлял 150 %» [29. Л. 33].

Сопоставляя воспоминания ветеранов завода им. Н.Г. Козицкого о военном времени, обратим внимание на их неодинаковое восприятие происходившего. Так, оценка труда подростков со стороны кадровых рабочих-ленинградцев и самих представителей молодежи, трудившихся во время войны на заводе, не идентична. Если профессионалы отмечали леность, попытки уклониться от обязанностей, нежелание подростков работать, то последние спустя десятилетия, описывали свой большой вклад в общее дело, стремление всеми силами помочь фронту. В подобных несхожих в их оценках воспоминаниях одних и тех же ситуаций усматривается как их неодинаковое восприятие разными людьми,

так и специфика отложения данных событий возрастного порядка, своеобразного психологического конфликта миров поколений.

Экстремальные обстоятельства военного времени обусловили необходимость работы фактически на казарменном положении, когда трудились по 16–18 часов, в редком случае имея один–два выходных дня в месяц, часто оставались ночевать прямо в цехах. Спустя годы, оценивавшие свою жизнь в военный период в эвакуации, ленинградцы подчеркивали собственное понимание того, что только неустанным трудом они способны помочь бойцам, сражавшимся на фронтах. Отмечали ветераны также изменения качественного состава работников: увеличилась численность женщин, среди которых наблюдалось множество прибывших из деревень области и омичек-домохозяек, часто преклонного возраста. По словам мастера В.И. Беляева, пришедшие на предприятие пожилые женщины были материально обеспечены, но стремились «внести свой гражданский вклад в дело обороны страны. Работали они с энтузиазмом, не считаясь со временем, являлись образцом-примером для других» [30. Л. 3 об.]. О своем труде сами женщины говорили впоследствии, используя эпитеты «непосильный», «тяжелый», подчеркивая, что, несмотря на утомление, все они «впряглись», проявляли энтузиазм, брались за любое дело. Характеризуя деятельность работниц на заводе в годы войны, контролер Ф.Г. Хоминская подчеркивала их незаменимость: «... помогали в упаковке, транспортировке деталей. Лошадку нам давали один раз в месяц, а дальше носили всё на себе. Кроме того, занимались разгрузкой овощей, работали в столовой – везде, где нужны были женские руки. Со всем управлялись: на распиловке, на керосине, по локоть руки покрывались коростой ...» [31. Л. 5]. Повествования мужчин, трудившихся на заводе им. Н.Г. Козицкого, также содержали немало слов, включавших высокую оценку женского вклада в производство в условиях войны, понимание того, что женщины «полуголодные», «плохо одетые», «в лютые зимние дни и ночи» работали на пределе человеческих возможностей: «Сколько раз, проснувшись среди ночи и вспомнив, что истомленная женщина-кочегар может заснуть и сжечь котел, приходилось вставать и брести на завод! Сколько раз самому приходилось вставать у топки, подвозить уголь с улицы, дрова колоть – делать то, что женщинам было не под силу!» [32. Л. 21].

Воспроизведенные коллажи воспоминаний подтверждают наличие качеств, свойственных советским гражданам периода Великой Отечественной войны и неоднократно отраженным в отечественной историографии [33] – способности переносить невзгоды и жизненного аскетизма, стойкости и героизма, беззаветной любви к Родине.

Это не были надуманные образы, сформированные советской пропагандой и имплантированные в наше сознание. Обладавшие иным опытом, радикально отличавшимся от нынешнего, испытавшие сложности строительства социалистического общества в 1920-е и 1930-е гг., простые люди 1940-х гг. искренне верили в свою страну, готовы были приложить все усилия для Победы над захватчиками своей земли. Позволяя воссоздать антураж эпохи, выстраивая достойные монументальные фигуры, ленинградцы – рабочие завода им. Н.Г. Козицкого – как очевидцы событий в воспоминаниях о суровом времени передают патетику экстремальных лет в описаниях условий своих труда и жизни в тылу. Их сохраненная память, позволившая реконструировать военную повседневность тыла в повествованиях о собственном опыте эвакуации из Ленинграда в Омск, содержит свидетельства о том, каковы были настроения, поведение и отношения людей. Несомненно, воспоминаниям как историческим источникам присущи свойства забывания отдельных событий, фрагментарность, акцентирование на неординарные обстоятельства и факты. В то же время записанные позже подобные материалы концентрируют внимание исследователя на самом важном, отложившемся в памяти современников прошлого, тем самым дополняя по крупицам полновесную историческую картину.

Список литературы

1. Государственный исторический архив Омской области (далее – ГИАОО). Ф. 2816. Оп. 1. Д. 31.
2. ГИАОО. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 38.
3. ГИАОО. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 31.
4. Потемкина М.И. Эваконаселение в уральском тылу: опыт выживания // Отечественная история. – 2005. – № 2. – С. 86–97.
5. Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. Интеллигенция в эвакуации: настроения, труд и быт (по источникам личного происхождения) // Культурное наследие Сибири. Электронное научное издание. – URL: <http://sibnasledie.omsu.ru/page.php?id=58> (дата обращения: 17.04.2018).
6. ГИАОО. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 27.
7. ГИАОО. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 29.
8. ГИАОО. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 38.
9. ГИАОО. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 38.
10. ГИАОО. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 38.
11. ГИАОО. Ф. 701. Оп. 1. Д. 2615.
12. ГИАОО. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 38.
13. ГИАОО. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 27.
14. ГИАОО. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 33.
15. ГИАОО. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 32.
16. ГИАОО. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 38.
17. ГИАОО. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 32.
18. ГИАОО. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 44.

19. ГИАОО. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 39.
20. ГИАОО. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 40.
21. ГИАОО. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 27.
22. ГИАОО. Ф. 701. Оп. 1. Д. 2615.
23. ГИАОО. Ф. 701. Оп. 1. Д. 2659.
24. ГИАОО. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 19.
25. ГИАОО. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 38.
26. ГИАОО. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 27.
27. ГИАОО. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 23.
28. ГИАОО. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 40.
29. ГИАОО. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 19.
30. ГИАОО. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 25.
31. ГИАОО. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 32.
32. ГИАОО. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 38.

33. Козлов Н.Д. Повседневная жизнь в советском тылу в годы Великой Отечественной войны в отечественной историографии начала XXI в. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2014. – Т. 4. – № 2. – С. 30–45.

References

1. *Gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Omskoj oblasti* (dalee – GIAOO) [State historical archive of Omsk region]. F. 2816. Op. 1. D. 31.
2. GIAOO. F. 2816. Op. 1. D. 38.
3. GIAOO. F. 2816. Op. 1. D. 31.
4. *Potemkina M.I. Jevakonaselenie v ural'skom tylu: opyt vyzhivaniya* [Makanalina the rear in the Urals: the experience of survival] // *Otechestvennaja istorija* [National history]. 2005. № 2. S. 86–97.
5. *Ryzhenko V.G., Nazimova V.Sh. Intelligencija v jevakuacii: nastroenija, trud i byt (po istochnikam lichnogo proishozhdenija)* [Intelligentsia in evacuation: moods, work and life (according to sources of personal origin)] // *Kul'turnoe nasledie Sibiri* [Cultural heritage of Siberia]. Jelektronnoe nauchnoe izdanie. URL: <http://sibnasledie.omsu.ru/page.php?id=58> (data obrashhenija: 17.04.2018).
6. GIAOO. F. 2816. Op. 1. D. 27.
7. GIAOO. F. 2816. Op. 1. D. 29.
8. GIAOO. F. 2816. Op. 1. D. 38.
9. GIAOO. F. 2816. Op. 1. D. 38.
10. GIAOO. F. 2816. Op. 1. D. 38.
11. GIAOO. F. 701. Op. 1. D. 2615.
12. GIAOO. F. 2816. Op. 1. D. 38.
13. GIAOO. F. 2816. Op. 1. D. 27.
14. GIAOO. F. 2816. Op. 1. D. 33.
15. GIAOO. F. 2816. Op. 1. D. 32.
16. GIAOO. F. 2816. Op. 1. D. 38.
17. GIAOO. F. 2816. Op. 1. D. 32.
18. GIAOO. F. 2816. Op. 1. D. 44.
19. GIAOO. F. 2816. Op. 1. D. 39.
20. GIAOO. F. 2816. Op. 1. D. 40.
21. GIAOO. F. 2816. Op. 1. D. 27.
22. GIAOO. F. 701. Op. 1. D. 2615.
23. GIAOO. F. 701. Op. 1. D. 2659.
24. GIAOO. F. 2816. Op. 1. D. 19.

25. GIAOO. F. 2816. Op. 1. D. 38.
26. GIAOO. F. 2816. Op. 1. D. 27.
27. GIAOO. F. 2816. Op. 1. D. 23.
28. GIAOO. F. 2816. Op. 1. D. 40.
29. GIAOO. F. 2816. Op. 1. D. 19.
30. GIAOO. F. 2816. Op. 1. D. 25.
31. GIAOO. F. 2816. Op. 1. D. 32.
32. GIAOO. F. 2816. Op. 1. D. 38.

33. *Kozlov N.D. Povsednevnaja zhizn' v sovetskom tylu v gody Velikoj Otechestvennoj vojny v otechestvennoj istoriografii nachala XXI v.* [Everyday life in the Soviet rear during the great Patriotic war in the national historiography of the beginning of the XXI century] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Vestnik Pushkin Leningrad State University]. 2014. T. 4. № 2. S. 30–45.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК 94(470.314/317)"192":332.871

ГРНТИ 03.23.55 История России Новейшего времени

А.Н. Зуев

Роль жилищно-строительной кооперации по разрешению жилищного кризиса в Советском Союзе во второй половине 20-х гг. XX в. (по материалам областей Верхнего Поволжья)

В статье рассматривается производственно-хозяйственная деятельность губжилстройсоюзов по восстановлению разрушенного и строительству нового жилья в областях Верхнего Поволжья России во второй половине 20-х гг. XX в. Раскрыта роль верхневолжских строительных артелей в решении жилищного вопроса в данный период. Приведены статистические данные по наличию жилых площадей в указанном регионе. Освещены трудности и противоречия обеспечения строящихся объектов стройматериалами; решения кадровых проблем. Проанализирован порядок финансирования жилищного строительства и роль в нём жилищной строительной кооперации.

Ключевые слова: дом, строительство, губжилстройсоюз, строительная артель, жилищно-строительный кооператив, строители, стройматериалы, вложения, застройщик, «Яркоопстройсоюз».

A.N. Zuev

The role of housing-construction cooperation in resolving of the housing crisis in the Soviet Union in the second half of the 20-s of the XX century (on materials of the Upper Volga region)

The article covers production and administrative activities of provincial house building unions on restoration of ruined and building of the new housing in the area of the Upper Volga Region of Russia in the second half of 20-s of XX-th century. The role of the Upper Volga Region building artels towards the housing problem at the given historical time is revealed. Statistical data on residential area availability in the given region is shown. Problems and contradictions are highlighted towards building material supply of the projects under construction and manpower allocation. The order of residential building financing and the role of housing building cooperation in it is described.

© Зуев А.Н., 2018

© Zuev A.N., 2018

Key words: house, building, provincial house building union, building artel, co-operative housing society, builders, building materials, investments, builder, «Yar-koopstroysoyuz».

Создание комфортных жилищных условий для любого человека всегда являлось одним из приоритетов его жизни. В современной России за последние годы президентом страны и правительством этому вопросу уделялось и уделяется должное внимание. В Послании Федеральному собранию 1 марта 2018 г. президент Российской Федерации В.В. Путин перед правительством страны, перед соответствующими министерствами и ведомствами поставил ответственную задачу – ежегодное улучшение жилищных условий не 3,1, а 5 млн семей. Как подчеркнул президент, это не простая задача, но мы с ней обязаны справиться, люди хотят получить новое жилье, и мы обязаны решить эту задачу [1]. Понятно, что речь идет не только об активизации работы по строительству жилья государственными, частными фирмами и организациями, но и кооперативными организациями и артелями. Речь идет и о решении задачи доступных для населения ипотечных кредитах, чтобы процентная ставка по ним не превышала сегодня 7% годовых. Проблема доступности жилья была животрепещущей всегда. Она была актуальна в первой половине XX века и особенно в 20–30-е гг. Возникший жилищный кризис был обусловлен последствиями, как Первой мировой, так и Гражданской войн.

В царской России жилищное строительство практически прекратилось с момента вступления России в Мировую войну. Восстановление жилищного строительства более или менее началось после окончания Гражданской войны. До Первой мировой войны в России ежегодно строилось жилья примерно на 500 млн золотых рублей (в ценах 1924 г.). В условиях начавшейся войны и разрухи миллионы людей не смогли улучшить свои жилищные условия, а страна недополучила в пределах 4,5 млрд золотых рублей [2, с. 9]. Следует также подчеркнуть, что с началом войны фактически прекратился и капитальный ремонт жилищ, что вело к обветшанию имеющегося фонда. И лишь в 1923/24 гг. начались восстановительные и ремонтные работы.

Развернувшееся жилищное строительство после окончания Гражданской войны начало приносить и первые результаты. Только в 1925/26 гг. было введено в строй 3,2 млн кв. м жилья при износе и выводе из строя 1,4 млн кв. м ветхого жилья, т.е. мы здесь наблюдаем определенный рост жилищного фонда страны. Если посмотреть соотношение государственного и частного сектора, то он в 1925/26 г. выглядел следующим образом: в стране имелось – 67,02 млн кв. м обобщественного жилья и – 73,54 млн кв. м частного; итого – 140,6 млн кв. м жилья [7, с. 19]. Активизация жилищного строительства, подключение потенциала жилстройкооперации поз-

волили на начало 1928 г. выйти уже на рубеж 156,8 млн кв. м жилплощади, и на этот год планировалось ввести еще 5 млн кв. м [2, с. 8]. Следует также подчеркнуть, что принятое 4 января 1928 г. Постановление ЦИК и СНК СССР «О жилищной политике» было нацелено на повышение социально-производственной роли жилищно-строительной кооперации в строительстве жилья и возможно больший охват населения жилищно-строительной кооперацией, вовлечения таким путем в это дело собственных средств рабочих и служащих [5, с. 696–698].

Анализ кооперативного жилищного строительства в СССР в 1920-е гг. показывает, что эти процессы более активно стали развиваться после принятия Постановления ЦИК и СНК СССР «О жилищной политике», о чем свидетельствуют следующие статистические данные. Если в 1923–1927 гг. кооперативными союзами и артелями было построено 1,2 млн кв. м жилой площади, то в 1928–1932 гг. – 3,4 млн кв. м [6, с. 89]. Однако вскоре возникли и определенные трудности и противоречия. Это было обусловлено тем, что Госплан определил на 1927/28-й г. понижение стоимости жилищного строительства в среднем на 10 %, т. е. со 152 р. средней стоимости постройки одного квадратного метра жилой площади в 1926/27 г. до 137 р. в 1927/28 г. [7, с. 11]. Это были общесоюзные установки. В республиках и областях они определялись местными органами власти. Местные органы не имели права переступить этот «порог» снижения.

Быстрые темпы развертывания жилищного строительства планировалось как путем увеличения источников финансирования строительства, так и в значительной мере за счет обязательного удешевления строительства. Однако возрождение жилищного строительства привело и к подорожанию основных компонентов строительства. С 1924 по 1931 г. железо и цемент подорожали гораздо меньше, чем кирпич, известь, глина, песок, гравий, добыча и доставка которых не требует особых промышленных или технологических затрат. Не менее сложными были и транспортные проблемы.

Если говорить о жилищном строительстве в целом, то здесь следует учитывать, что государственное, кооперативное и муниципальное строительство в эти годы было включено в обобществленный сектор, а частное строительство шло по отдельному плану. Важно и то, что износ (выход из строя) за один год составлял 1,4–1,5 млн кв. м, а новое строительство составило 1,8 млн кв. м. Следовательно, 1924-й год можно считать переломным в восстановлении и сохранении жилья, а также пополнении жилищного фонда.

В то же время по оценкам экспертов в стране жилищное строительство в эти годы шло медленно. В сложившейся ситуации одной из причин медленного роста государственного и кооперативного сектора была дороговизна строительства. Так, например, стоимость

площади в общественном секторе в 1927/28 г., в среднем была равна 152 р. за 1 кв. м в частном секторе она не превышала 47 р. за 1 кв. м [7, с. 20]. Следовательно, планировать на местах в 1927/28 г. среднюю стоимость 1 кв. м в общественном секторе в 137 р. (снижение на 10 % по сравнению с 1926/27 г.), не могли ни государственные, ни кооперативные строительные предприятия. В частном секторе эта стоимость оставалась прежней – 47 р. к 1927/28 г. При всех сложностях и трудностях в промышленном и кооперативном секторе шел рост вложений в жилищное строительство, особенно активно осуществлялись вложения в индивидуальном строительстве, что отражено в табл. 1.

Таблица 1

Сумма вложений в жилищное строительство по категориям застройщиков по СССР [7, с. 20]

№ п/п	По видам застройщиков	Всего, тыс. р.			
		1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
1	Промышленные предприятия	63,716	87,520	110,170	111,550
2	Транспортные предприятия	9,300	22,500	33,160	38,441
3	Исполкомы, в том числе Москва	26,600 18,000	63,200 39,400	101,100 44,100	128,900 50,000
4	Кооперация	5,900	26,500	38,700	57,000
5	Индивидуальное строительство	51,000	87,000	110,000	120,000
	Итого:	156,516	286,720	393,000	455,891

Из таблицы видно, что если в промышленности это увеличение за четыре года произошло в два раза, в транспорте – более чем в четыре раза, муниципальные вложения превысили более чем в пять раз. Значительно возросли вложения в индивидуальное строительство и особенно значительно – в кооперативном строительстве. Если же в 1923/24 г. сумму вложений в жилищное строительство по всем организациям застройщиков взять за 100 %, то 1924/25 г. к предыдущему предоставляло 172 %, 1925/26 г. – соответственно – 183,3 %, 1926/27 г. – 136,9 %, и 1927/28 год к 1926/27 г. составил 116 %. Если же в среднем по всем видам застройщиков финансовые вложения за пять лет в стране увеличились в четыре раза, то по линии жилстройкооперации они возросли почти в десять раз – с 5,9 тыс. р. до 57 тыс. р. В то время как в 1923/24 г. вложение средств в новое строительство жилстройкооперации составило всего 3,8 млн р. [7, с. 21].

Наряду с бюджетными вложениями застройщики вкладывали и серьезные собственные средства, о чем свидетельствуют данные табл. 2.

Таблица 2

Вложения собственных средств застройщиками всех видов [7, с. 23]

№ п/п	По видам застройщиков	Всего, тыс. р.			
		1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
1	Промышленные предприятия	42,116	36,020	45,000	33,300
2	Транспортные предприятия	-	-	-	1,441
3	Исполкомы, в том числе Москва	10,605 8,300	21,163 17,806	70,600 41,544	92,900 50,000
4	Кооперация	3,500	6,500	7,500	9,000
5	Индивидуальное строительство	51,000	87,000	108,000	117,500
	Итого	107,225	150,683	231,100	254,141

Из табл. 2 видно, что наибольшие вложения собственных средств в жилищное строительство осуществляли в 1924–1928 гг. исполкомы местных Советов, в том числе Москвы. Значительно возросли в эти годы и вложения Союзов жилстройкооперации: они увеличились с 3,5 тыс. р. до 9 тыс. р. Активно развивалось и индивидуальное строительство.

Наиболее организованным порядком финансирования жилищного строительства в 1924–1928 гг. следует считать строительство по кредитам Центрального коммунального банка, возраставшее с каждым годом.

Таблица 3

Затраты на строительство в 1925–1928 гг. [7, с. 31]

№ п/п	По видам застройщиков	Всего, тыс. р.			
		1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
1	Промышленные предприятия	11,100	35,000	62,570	73,000
2	Транспортные предприятия	5,200	13,000	19,860	25,000
3	Исполкомы, в том числе Москва	15,995 8,000	42,037 21,594	30,370 2,656	36,000 50,000
4	Кооперация	2,400	20,000	31,200	48,000
5	Индивидуальное строительство	–	–	2,000	2,500
	Итого:	34,695	110,037	146,000	184,500

Из табл. 3 видно, что если в 1924/25 г. жилстройкооперация на жилищное строительство затратила в среднем 2,5 млн р., то в 1927/28 г. эта сумма достигла 48 млн р., превысив первоначальную более чем в 19 раз.

В 1928 г. в СССР планировалось: довести по общественному сектору жилплощади на 1 чел. – 6 кв. м, из расчета того, в 1928 г. во вновь отстроенные дома промышленности, транспорта, исполкомов и кооперации будет заселено 420–425 тыс. человек. По частному сектору по той же норме жилплощади будет удовлетворено 450–460 тыс. чел., всего же планировалось обеспечить жильем во вновь выстроенных домах около 870–885 тыс. чел. [7, с. 31]. Но это все-таки было несколько меньше общего прироста городского населения.

Анализ строительства жилья в областях Верхнего Поволжья позволяет более детально выявить сложности в деятельности жилстройкооперации. Из материалов Иваново-Вознесенского союза стройкооперации за 1928 г. видно, что губжилстройсоюз надеялся в первую очередь на улучшение финансового положения. Планировалось увеличить и свои собственные средства с 377 тыс. р. до 640 тыс. р. [8, с. 33]. Но, как отмечал в своем докладе председатель Ивгубстройсоюза, без обеспечения системы кредитами дальнейшая планомерная деятельность системы, особенно имея в виду увеличение объема работ, затруднена.

В 1928 г. Ивгубстройсоюз вел работы более чем на 20 объектах, многие из которых в течение года были завершены. Это строительство здания Ивсельбанка, электроподстанций № 2 в Иваново-Вознесенске, в Кохме и Лежневе, а также электростанций на фабриках им. Д. Бедного и «Красная ветка». На предприятии Пароэлектроцентральной выполнялись работы по размещению и укреплению внутреннего оборудования. Кроме того, большая работа велась по строительству коммунальных объектов: бань в городах Шуе, Кинешме, Юрьевце, на Горько-Павловской фабрике в Лодыгине. В системе строящихся объектов Ивгубстройсоюза находилось строительство пожарных депо в Родниках и Вичуге, а также целая группа жилых домов. Это 41-квартирный дом для профессоров, строящийся по заказу Наркомпроса, 40-квартирный жилой дом для фабрики «Пролетарский текстиль», 40-квартирный и 18-квартирный жилые дома на Томнее, 18-квартирный дом для рабочих фабрики им. Д. Бедного и 12-квартирный дом в Шуе. Несколько строительных бригад трудились на отдельных ремонтных работах мостов, перекрытий и т. д. [8, с. 11].

В промышленном строительстве было занято примерно 32 % основного состава рабочих Ивгубстройсоюза, в торгово-промышленном строительстве 12, в жилищном строительстве 25, в

строительстве общественных зданий: клубов, народных домов, бань и т. д. – 18, искусственных инженерных сооружений: мостов, плотин и т. д. – 5 % [8, с. 10].

Не менее разнообразен был круг выполняемых работ и губжилстройсоюзом Ярославля. Артели стройкооперации строили бани, мосты и другие объекты для предприятий города, выполняли строительные заказы муниципалитета. Наряду с шестью объектами, которые уже выполнялись губжилстройсоюзом по договорам с акционерным обществом Шведская электроконцессия в СССР «ASEA», 30 мая 1929 г. Ярkoopстрой заключил с ним очередной договор. Он предусматривал разработку и передачу артели обществом «ASEA» проекта деревянного двухэтажного дома. Место строительства определили на Некрасовской улице, дом 49. Рабочими фирмы «ASEA» закладывались фундаменты под сам дом и под печи. Согласно договору весь лесной и дефицитный материал, как то: гвозди, цемент, кровельное железо и пр., предоставляла фирма «ASEA», так как имела свой завод стройматериалов [9. Л. 17].

Наряду со строительством жилья артелью «Яркоопстрой» проводилась большая работа по ремонту жилья, различных социальных учреждений, а также дымоходов. Так, в июне 1928 г. бригадами каменщиков «Яркоопстроя» был проведен ремонт дымоходов и кирпичной стены хлебопекарных печек в доме № 10 по улице Линия Социализма. 1 июля 1928 г. комиссия в составе заместителя губинженера И.А. Брылева, строительного техника городского коммунального отдела И.П. Смирнова, председателя губернской пожарной охраны В.М. Чистякова, техника Центрального рабочего кооператива «Единение сила» Н.В. Россинского произвела технический осмотр проведенных работ артелью «Яркоопстрой» и выполненную работу оценила удовлетворительно [10. Л. 12]. Кроме того, летом 1929 г. бригады артели «Яркоопстроя» выполняли ремонтные работы в торговом центре дома № 19 по улице Свободы. Смета, составленная по объемам работы, насчитывала 1 706 р. 30 к. [10. Л. 65]. В ноябре того же года был сдан объект по Большой Пролетарской улице, 63 и улице Свободы 19, затраты на которые составили 2 292 р. 57 к. [10. Л. 71]. Значительные затраты на эти объекты были обусловлены следующими причинами: на объекте по улице Свободы 19 был выполнен большой объем земельных работ, проведена обшивка двух наружных стен, ремонт тамбура и полов балкона, крыши, заменены на крыше 5 венцов (вместо старых, врублены новые), обшиты фронтоны новыми досками, подшит карниз по свесу. Кроме того, заново были постланы полы в подсобном помещении, сделаны в нем косяки, как дверные, так и оконные, лестница на чердак. Комиссия, принимавшая работу артели, оценила ее удовлетворительно [11. Л. 1–4].

В Ивановской промышленной области в 1920-е гг. наиболее остро жилищный вопрос стоял в Иваново-Вознесенске, а также в Кинешме и Шуе. Кроме того, в области на первое пятилетие, т. е. до 1933 г., на все города устанавливался план удовлетворения жилплощадью в среднем на одного человека до 6,2 кв. м. Это была трудная задача, поскольку в целом по Ивановской промышленной области средняя норма на одного человека в 1929 г. по сравнению с 1926-м не только не возросла, а даже снизилась. Это было продиктовано тем, что местные органы власти стремились выполнить решения облсовета по максимальному переселению людей из ветхого жилья. В связи с этим в Иваново-Вознесенском и Александровском округах произошло только частичное увеличение общего объема жилья, соответственно и небольшое расширение жилплощади на одного человека, о чем свидетельствуют данные табл. 4.

Таблица 4

Наличие жилплощади в населенных пунктах области и ее количество в среднем на одного человека [2, с. 13]

Наименование (округов) районов	1926 г.		1929 г.	
	Общая (в тыс. кв. м)	Средняя на 1 чел.	Общая (в тыс. кв. м)	Средняя на 1 чел.
Иваново-Вознесенск	485,10	4,3	662,28	4,4
Александровский	368,50	5,5	425,55	5,6
Владимирский	800,30	5,7	904,45	5,5
Кинешемский	417,20	4,8	482,66	4,6
Костромской	586,00	5,4	608,75	5,0
Рыбинский	448,00	5,8	469,94	5,4
Шуйский	641,70	4,9	779,43	4,5
Ярославский	874,90	5,0	982,86	4,9

Из табл. 4 видно, что, несмотря на определенный рост общего строительства жилья, увеличить количество метража на одного человека к 1929 г. еще не удалось. Это было обусловлено тем, что местные органы власти в первую очередь пытались решить вопрос переселения людей из подвальных помещений, где ютились рабочие со своими семьями, а также из ветхого и практически разрушенного жилья.

Каковы же были планы по расширению жилищного строительства по Ивановской промышленной области на 1929–1933 гг. по системе жилстройкооперации? В целом по области планировалось увеличить жилищную площадь за пятилетие на 3,3 млн кв. м, что требовало 334 млн р. вложений в это плановое жилищное строи-

тельство. На 1929 г. планировалось ввести в строй 282 тыс. кв. м жилья и вложить в строительство 31 млн р., на 1930 г. – соответственно – 271 тыс. кв. м и вложить 44 млн р. На 1931 г. – 568 тыс. кв. м и 62 млн р.; в 1932 г. – 840 тыс. кв. м и 84 млн р., и в 1933 г. – 1242 тыс. кв. м и вложить 111 млн р. [2, с. 13]. Это увеличение должно было составить к 1933 г. 67,5 % от общего жилищного строительства в области, в то время как в 1928 г. эта доля была лишь 26,6 %. Таким образом, жилищно-строительная кооперация ИПО должна была занять лидирующие позиции в жилищном строительстве в первой пятилетке.

В соответствии с пятилетним планом значительно увеличивалась доля жилищно-строительной кооперации Ивановской промышленной области и в обобщественном секторе строительства. Если государственным строительным организациям на эти цели выделялось всего лишь 35,7 млн р., то жилстройкооперации – 196 млн. р. Более 20 млн р. выделяли на эти же цели предприятиям, а также предприятиям транспорта. Даже при этих условиях доля жилищно-строительной кооперации составляла 55 %.

В первую очередь средства отводились на завершение каменного жилищного строительства в Ивановской промышленной области, начатого еще в 1929 г. На эти цели планировалось выделить 3 млн 255 тыс. р., на новое деревянное строительство – 2 млн 231 тыс. р. На 1930 г. планировалось строительства каменного жилья – на 3 млн 466 тыс. р. На каменное жилищное строительство в 1930–1931 г. планировалось выделить 8 млн 433 тыс. р. [2, с. 14]. В целом же на строительство непосредственно жилой площади планировалось, например, затратить жилищно-строительной кооперацией в 1930 г. 29 млн 587 тыс. р. При этом обращалось внимание на то, что 90,4 % от суммы выделяемых на жилищное строительство, шло на новое каменное, укрупненное строительство, и только 9,6 % – на деревянное.

Союзами жилищно-строительной кооперации ИПО за 1930 г. удалось сдать жилья 83 254 кв. м. В 1931 г. эта цифра достигла 119 902 кв. м. На жилищное строительство на 1930–1931 год союзом ЖСКТ ИПО было выделено г. Иваново-Вознесенску – 4 323 тыс. р. Соответственно районам: Александровскому – 1 178 тыс. р., Владимирскому – 3 438 тыс. р., Кинешемскому – 2 219 тыс. р., Костромскому – 930 тыс. р., Рыбинскому – 664 тыс. р., Шуйскому – 2 606 тыс. р., Ярославскому – 2 030 тыс. р. Всего же планировалось выделить 17 млн 287 тыс. р. [2, с. 15].

Таким образом, активное развертывание жилищного строительства союзами и артелями жилищно-строительной кооперации Ивановской промышленной области в 20-е гг. XX столетия позволило частично снизить напряженность в области жилищных проблем ре-

гиона. Анализ работы ЖСК и ЖАКТов показывает, что качественный скачок в системном наращивании жилищного строительства произошёл в 1925/26 г., когда кооперативное строительство увеличилось по сравнению с 1924/25 г. в восемь р. В целом же региональное кооперативное строительство даже опередило традиционных лидеров – московских строителей. В эти годы у союзов жилстройкооперации более чем в три раза увеличились и свои собственные средства, которые также были задействованы на жилищное строительство. Если в 1924/25 г. собственных средств ЖСКТами было вложено более 3,5 млн р., то в 1927/28 г. – более 9 млн р. [7, с. 23].

Список литературы

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018 г. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/ (дата обращения: 13.03.2018).
2. Жилищная кооперация ИПО теперь и в пятилетке: Материалы к пере-выборной кампании 1930 г. – Иваново-Вознесенск: Облиздат, 1930. – 27 с.
3. Вельман В.И. Одиннадцатый год диктатуры пролетариата по контрольным цифрам Госплана СССР на 1927(28) гг. – М., 1928. – 206 с.
4. Алексеев С.А. Экономика жилищно-коммунального хозяйства. – М.: Стройиздат, 1966. – 154 с.
5. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – М.: Политиздат, 1967. – Т. 1. – 784 с.
6. Шилов М.А. Жилищный вопрос при капитализме и социализме. – М., 1964. – 194 с.
7. Некрасов В. Жилищное строительство: К контрольным цифрам Госплана на 1927–28 гг. – М.-Л.: Госиздат, 1928. – 58 с.
8. Обзор работы системы строительной кооперации Иваново-Вознесенской губернии за 1928 г. – Иваново-Вознесенск, 1929. – 72 с.
9. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. Р. 550. Оп. 1. Д. 1.
10. ГАЯО. Ф. Р. 550. Оп. 1. Д. 2.
11. ГАЯО. Ф. Р. 550. Оп. 1. Д. 3.

References

1. *RF President's message to the Federal Assembly as of 01.03.2018*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/ (date of address: 13.03.2018).
2. *Zhilishnaya kooperatsiya IPO teper i v pyatiletke: Materialy k perevybornoy kompanii 1930 g* [Housing cooperative society of IPO is on the five-year plan: Materials to the reelection campaign of 1930]. – Ivanovo-Voznesensk, Oblizdat, 1930. – 27 p.
3. *Vel'man V.I. Odinadtsatyi god diktatury proletariata po kontrol'nym tsyfram Gosplana SSSR na 1927(28) gg.* [The eleventh year of proletariat dictatorship according to USSR State Plan numbers for 1927(28) years]. – M., 1928. – 206 p.
4. *Alekseev S.A. Ekonomika zhilishno-kommunal'nogo khozyaystva* [Economics of housing and utilities sector]. – M.: Stroyizdat, 1966. – 154 p.

5. *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam* [Party and government decisions on economic matters]. – M.: Politizdat, 1967. – T. 1. – 784 p.
6. *Shilov M.A. Zhilishnyi vopros pri kapitalizme i sotsializme* [Housing matter at capitalism and socialism]. – M., 1964. – 194 p.
7. *Nekrasov V. Zhilishnoe stroitel'stvo: K kontrol'nym tsifram Gosplana na 1927–28 gg* [Nekrasov V. Residential building: To the scheduled figures of State Plan for 1927–28]. – M.-L.: Gosizdat, 1928. – 58 p.
8. *Obzor raboty systemy stroitel'noi kooperatsii Ivanovo-Voznesenskoy gubernii za 1928 g* [Review of building cooperation system operation of Ivanovo-Voznesensk province for 1928]. – Ivanovo-Voznesensk, 1929. – 72 p.
9. *Gosudarstvenniy arkhiv Yaroslavskoy oblasti (GAYAO)* [Public record office of the Yaroslavl Region]. F. R. 550. Op. 1. D. 1.
10. GAYAO. F. R. 550. Op. 1. D. 2.
11. GAYAO. F. R. 550. Op. 1. D. 3.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 94 (574/575):930
ГРНТИ 03.23 История России

С.Н. Брежнева

Повседневная жизнь населения Кокандского ханства в описании русского посла (по книге и рукописи Ф. М. Назарова)

В статье речь идет о наблюдениях русского посла Ф.М. Назарова за повседневной жизнью населения Кокандского ханства в начале XIX в. В течение полутора лет нахождения в Кокандском ханстве переводчик Назаров сумел составить представление о народах как кочевых, так и оседлых, населяющих самое молодое из государственных образований Средней Азии. Быт и нравы далекой и малоизвестной страны существенным образом отличались от жизни в России. Многие детали повседневной жизни кокандского населения удивляли и шокировали русских подданных. Результатом наблюдений Ф. Назарова стала сначала рукопись, а затем публикация его «Записок», переизданных уже в советское время в 1968 г. Это было одно из первых описаний незнакомых в России народов, которым предстояло через полвека войти в состав Российской империи.

Ключевые слова: Средняя Азия, Российская империя, дипломатические связи, Кокандское ханство, русское посольство, повседневная жизнь населения.

S.N. Brezhneva

Everyday life of the Kokand khanate population in the description of the Russian Ambassador (by F. M. Nazarov's book and manuscript)

The article deals with the observations of the Russian Ambassador F. M. Nazarov on the daily life of the Kokand khanate population in the early XIX century. During one and a half years of stay in Kokand khanate translator Nazarov managed to get an idea of the people, both nomadic and settled, inhabiting the youngest of the state formations of Central Asia. Life and mores of a distant and little-known country differed significantly from life in Russia. Many details of everyday life of Kokand population surprised and shocked Russian nationals. The result of observations of F. Nazarov was at first the manuscript, and then the publication of his "Notes", reprinted in Soviet times in 1968. It was one of the first descriptions of unfamiliar in Russia peoples, which had half a century to become a part of the Russian Empire.

© Брежнева С.Н., 2018
© Brezhneva S.N., 2018

Key words: Central Asia, Russian Empire, diplomatic relations, Kokand khanate, Russian Embassy, daily life of the population.

Исторические связи между Россией и азиатскими территориями насчитывают несколько сот лет до начала планомерного наступления России на среднеазиатские ханства в XIX в. Они существовали еще в IX в., хотя у историков есть основания полагать, что начались они гораздо раньше. Средняя Азия (Центральная Азия) всегда интересовала Россию, маня ее своей загадочностью и неповторимостью, суля новые торговые контакты и расширение территорий.

В XVIII в. в Средней Азии окончательно сложились три основных государственных объединения – Хивинское и Кокандское ханства и Бухарский эмират. Российское правительство было уверено в прочности своих торговых связей со Средней Азией, поскольку не было конкуренции со стороны других государств. Но во второй половине XVIII в. положение изменилось. Вытеснение к 1764 г. из Индии Франции и утверждение там Англии встревожило российское правительство.

Опасаясь английской конкуренции, русское правительство усилило внимание к Средней Азии, где в 1770–1780 гг. возникли благоприятные условия для торговли. Заинтересованное в торговле со Средней Азией правительство Екатерины II в 1780 г. направило в Бухару переводчика Бекчурина, а в 90-х гг. XVIII в. в Хиву – майора Бланкеннагеля. Им предстояло выяснить возможность торговли и открытие торговых контор. Бекчуриным была составлена записка «Известие о Большой Бухарии», содержащая подробные сведения о развитии Бухарского эмирата [1. Л. 1–9].

За период 1796–1797 гг. российскими властями было отправлено несколько грамот, в которых говорилось об установлении между Россией и Хивой торговых связей, о размерах взимаемых пошлин и т. д. [2].

Что же касается взаимоотношений России с самым молодым из среднеазиатских ханств – Кокандским (1709–1876), то они были развиты слабо. Положение изменилась после завоевания Кокандом Ташкентского владения в 1808 г. Ташкент в разное время находился в зависимости от Бухары, Коканда или государственных объединений, существовавших в казахской Степи. В бытность существования Ташкентского независимого государства (1784–1807) его правитель Юнус-ходжа в 1892 г. отправил письмо императрице Екатерине II, сообщив о союзе, заключенном им с рядом казахских племен, и просил ее направить русских купцов в Ташкент, а также специалистов горного дела для разработки рудных месторождений близ Ташкента [3. Л. 2 об.]. После смерти императрицы Юнус-ходжа обратился с аналогичной просьбой к ее преемнику Павлу I. Русский канцлер

А.А. Безбородко вскоре письмом уведомил ташкентского правителя о согласии императора Павла I оказать ему покровительство и прислать опытных специалистов для исследования открытых там рудников [4. Л. 7–7 об.].

Вскоре налачился широкий обмен товарами между Ташкентом и русскими городами. В 1796 г. в Ташкент прибыло первое русское посольство во главе с подпоручиком Дмитрием Телятниковым. В рапорте командующего сибирскими войсками генерала Г.Г. Шtrandмана императору Павлу I и генеральному прокурору А. Самойлову о целях посольства говорилось: «...для ознакомления с месторасположением Ташкента, с населением, образом правления, торговлей, ископаемыми» [5. Л. 2].

Посольство положило начало дипломатическим отношениям Ташкентского владения с Российской империей. Характер этих отношений свидетельствовал о зарождении новых тенденций в развитии связей между среднеазиатскими народами и Россией. В ответ в Петербург были отправлены ташкентские посланники Мулла Джан Ахун и Ашур Али Бахадур. В 1800 г. была удовлетворена просьба Юнус-ходжи. В Ташкент были отправлены горные инженеры М. Поспелов и Т. Бурнашев [3. Л. 18–18 об.]. Это было начало нового периода, особенностью которого стало установление более тесных отношений Средней Азии с Россией.

Однако в 1808 г. кокандский правитель Алим-хан (1800–1809) завоевал западную половину Ферганской долины, и подчинил себе Ташкент и Чимкент. Завоевав Ташкент, он сделал его наместником сына Юнус-ходжи Хамид-ходжу. Но стремление последнего к независимости послужило поводом для нового похода Алим-хана на Ташкент. Поскольку Алим-хан стал употреблять ханский титул, то со времени его правления Кокандское государство стало именоваться ханством. На одной из своих печатей Алим назвал ханом не только себя, но и своего отца Нарбуту-бия [6, с. 286, 287], хотя тот таковым не являлся. У кочевников Центральной Азии слово «бий» в прошлом являлось дополнением к имени и присуждалось лишь судьям.

Чтобы утвердить свое государство, Алим-хан устранил своих соперников, а затем жестокостью стремился усилить свою власть, за что его прозвали «залим» (тиран) и «шир-гаран» (лютый тигр). Следствием его суровой политики стал заговор против него. Первая попытка его убийства закончилась тяжелым ранением. Но во время похода против казахов в 1809 г. он был убит заговорщиками в 7–8 км от Коканда. Престол занял его брат Омар-хан (Умар-хан), принимавший участие в заговоре.

В противоположность своему брату Омар-хан (1809–1821) изображается историками как государь благочестивый и справедливый. Он пришел к власти при активной поддержке военно-

феодалной знати и духовенства и в продолжение своего царствования проводил политику, защищавшую интересы этих слоев, сохраняя прочный союз с ними. Поэт в душе и покровитель поэтов и учёных, он, по-видимому, был более склонен к мирной, чем к военной жизни; по крайней мере, он не желал ссориться с Бухарой. Он заключил союз с бухарским эмиром Хайдаром. Однако позже все же пошел походом на Туркестан, принадлежащий Бухаре, и присоединил к Кокандскому ханству земли казахов до устья Сырдарьи. На пересечении дорог из Ташкента, Бухары и Хивы Омар-хан построил укрепление Ак-Мечеть, завоеванное в 1853 г. оренбургским и самарским генерал-губернатором В.А. Перовским и переименованное в Перовск.

Омар-хан проводил крупное ирригационное строительство. При нем был сооружен большой канал Янги-арык [7, с. 198]. Чтобы обеспечить поддержку представителей знати, Омар-хан жаловал нужным ему людям пожизненно селения.

Усиление Кокандского ханства обусловило необходимость оформления власти хана как главы независимого государства. Омар-хан потребовал от духовенства фетвы на право называться владыкой правоверных («эмир ул-муслимин»). Кокандские законоведы разъяснили, что этот титул имеет право носить владыка, у которого на иждивении находилось не менее 12 тыс. человек. Хан приказал по книге записей посчитать, сколько у него таких лиц. Их оказалось как будто около 40 тысяч. Таким образом, титул был закреплён за ним. Теперь он имел право чеканить монету со своим именем и упоминаться на пятничной молитве [8, с. 68]. Была введена административная система, аналогичная существовавшей в Бухарском эмирате, и вскоре Кокандское ханство было оформлено юридически.

Ташкент, находящийся теперь на территории Кокандского ханства, был крупным торговым городом, через него шла быстроразвивавшаяся торговля России со Средней Азией. Возникла необходимость закрепить отношения с Российской империей. С этой целью в 1812 г. Омар-хан направил посольство в Санкт-Петербург.

На обратном пути из Петербурга ханский посланник со свитой в ожидании попутного каравана задержался в Петропавловской крепости на Сибирской линии. Она представляла собой часть укрепленных линий, возведенных в XVIII–XIX вв. для обеспечения защиты южных границ от набегов кочевников. Здесь и начинается главная интрига, приведшая к отправке русского посольства в Кокандское ханство, благодаря чему мы и имеем возможность познакомиться с повседневной жизнью населения данного государства.

Вот как описывал само событие автор «Записок о некоторых народах и землях средней части Азии» Ф.М. Назаров: «Возвращавшиеся в 1812 году от высочайшего двора его императорского величества коканские посланники остановились в крепости Петропавловской; один из них в сем месте умер от болезни, а развратная жизнь другого среди распутных женщин завела его в сообщество сосланного на поселение солдата, который, заманив его в баню, убил в надежде воспользоваться его деньгами и кинул в реку» [9, с. 18–19].

Во избежание разрастания международного конфликта начальник Сибирской линии генерал-лейтенант Г.И. Глазенап принял решение отправить в Коканд вместе с оставшимися в живых спутниками погибших своего личного посланника, в «отвращение различных толков, могущих дойти до Коканского владения» [9, с. 19].

Григорий Иванович Глазенап (1751–1819), кавалерийский генерал, будущий сибирский генерал-губернатор (с 1815 г.), прибыл в Омск с Кавказа, где он участвовал в военных действиях. В Сибири деятельность Глазенапа была направлена на мирное развитие края и благоустройство Сибирского казачьего войска. В то же время он принимал меры к поощрению сибирского купечества и развитию караванной торговли с Востоком. С этой целью им был отправлен купеческий караван в Ташкент. В Кокандское же ханство для улаживания возникшего инцидента, «для объяснений по поводу случившегося в Петропавловске убийства кокандского посланника, возвращавшегося из Петербурга» им решено было направить переводчика Ф. Назарова, о чем отмечено в «Памятной книжке Западной Сибири» [10, с. 91]. Как следует из записок Назарова, он сам предложил свою кандидатуру, так как хорошо знал тюркские языки.

О жизни Филиппа Назарова имеются очень скудные сведения. Советский историк В.А. Ромодин в предисловии ко второму изданию «Записок» Ф. Назарова в 1968 г. сообщает самые краткие данные, найденные им в некоторых источниках. Назаров служил по Министерству иностранных дел и в 1812 г. занимал должность переводчика восточных языков отдельного Сибирского корпуса. Неизвестными остаются даты рождения и смерти [9, с. 7].

Некоторые биографические данные сообщает о себе сам Ф. Назаров. Они содержатся в его рукописи «Записка о Кокане», которая с них и начинается: «По выпуске из Азиатского училища поступил я в 1804-м году переводчиком Тобольской губернии Иртышской линии Железинской дистанции в форпост Чарлаковской, откуда, будучи переводим в разные пограничные места и неоднократно командирован за границу, искал всегда случая показать ревность свою и усердие к службе его императорского величества,

долгое время я просил неотступно корпусного командира генерал-лейтенанта Глазенапа поручить мне особенную экспедицию, и к щастию (сохранена орфография автора – С.Б.) в 1813-м году представился удобный случай к исполнению моих желаний» [11. Л. 1].

В.А. Ромодин со ссылкой на «Памятную книжку Западной Сибири» сообщает, что Азиатское училище (или «Азиатская школа») было основано в Омске в 1789 г. В этом учебном заведении, готовившем (главным образом из детей привилегированных слоев казахского населения) переводчиков и писарей для местной администрации, кроме общеобразовательных дисциплин преподавалось несколько восточных языков. В 1828 г. «Азиатская школа» была соединена с открывшимся в 1813 г. в Омске Казачьим войсковым училищем, в дальнейшем в 1846–1847 гг. преобразованном в Сибирский кадетский корпус [9, с. 7].

Рукопись Ф. Назарова «Записка о Кокане» находится в отделе рукописей Российской Национальной библиотеки. При сопоставлении рукописи, датированной 8 июня 1820 г. и изданной в 1821 г. книги «Записки о некоторых народах и землях средней части Азии Филиппа Назарова, Отдельного Сибирского Корпуса переводчика, посланного в Кокант в 1813 и 1814 годах» [12], обнаруживается некоторое несоответствие. В частности, книга существенным образом дополнена деталями и уточнениями. В рукописи отсутствует обзор природных условий, описание Туркестанского и Ташкентского владений. Цель некоторых литературных вставок явно направлена на то, чтобы придать большую эмоциональность повествованию. В.А. Ромодиным сделан вывод о том, что в издание были внесены дополнения и поправки, вероятно, с учетом пожеланий издателя. «Записки» Назарова были изданы на средства Н.П. Румянцева, старшего сына знаменитого фельдмаршала П.А. Румянцева, которому Назаров и посвятил свой труд, назвав его в посвящении «достойным сыном героя Задунайского».

16 мая 1813 г. Ф. Назаров отправился из Омска в Петропавловскую крепость, а оттуда с русским купеческим караваном из 100 верблюдов, нагруженных ценными товарами купцов и подарками хану, вместе с остатками свиты кокандского посланника и сотней казаков пустился в путь в далекую «Кокандию через Киргиз-Кайсацкую степь». В конце сентября он прибыл в Сузак, затем через Чимкент проследовал к Ташкенту, где торговый караван был задержан, а Ф. Назаров с сопровождавшим его казачьим отрядом продолжал свой путь и в первых числах октября приехал в Коканд. Во второй половине октября казачий отряд по приказу кокандского правителя был отправлен в Россию, а Ф. Назаров с пятью казаками вынужден был остаться. Здесь, в Ферганской долине он прожил около года, посетив ряд городов и селений, а затем через Ура-Тюбе и

Ходжент проехал в Ташкент, откуда в августе 1814 г. отправился в Россию с двумя кокандскими посланниками и 15 октября прибыл в крепость Петропавловскую.

Составленное в хронологическом порядке описание этого путешествия и послужило основой для книги Ф. Назарова. В издательстве Румянцевской библиотеки под присмотром автора и самого канцлера труд был переведен на французский и немецкий языки, историки и географы получили возможность изучать загадочную, даже для них страну. Преимуществом Ф. Назарова перед многими другими путешественниками было полученная им в Азиатском училище специальная подготовка и практическое знание восточных (во всяком случае тюркских) языков. Сам он писал об этом так: «...знание тамошнего языка как своего собственного доставило мне те средства, кои редко находят путешественники» [9, с. 17].

Поездка предстояла опасная и рискованная, о чем Назаров был предупрежден Глазенапом с самого начала. Однако, согласно рукописи, Назаров заявил, что готов пожертвовать своей жизнью «с охотой ...по данной мною присяге государю императору и желая отличить себя» [11. Л. 1]. Простившись с близкими, Назаров начал свое путешествие из Омска через Петропавловскую крепость в Киргиз-Кайсацкую степь.

Филипп Назаров оказался наблюдательным и объективным исследователем. Он отдавал себе отчет в том, что народы, обитающие в этой части Азии, малоизвестны у него на родине, поэтому, по его словам он «старался замечать нравы, обычаи, положение мест и укрепления городов сих народов» [9, с. 18].

В труде Назарова содержатся сведения о казахах-кочевниках, которых он называет «киргизами». Данные эти основаны не только на путевых наблюдениях автора, но и на знакомстве с их жизнью, приобретенным за время многолетней службы его переводчиком.

«Киргизы» – собирательный образ всего казахского населения. Данный этноним был принят в Российской империи. Наиболее полно этот народ описан в труде историка и дипломата периода императорской России А.И. Левшина «Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей» [13] в 1832 г. Ученый обратил внимание на то, что сами киргизы так себя не называют. Слово «киргиз-казак» («киргиз-кайсак») состоит из двух частей, вторая из которых является подлинным именем, первая дана русскими, чтобы отличить их от южнороссийских казаков. Настоящие же киргизы – это народ, враждующий с киргиз-кайсаками, и в источниках они известны как «кара-киргизы» («черные киргизы»), «закаменные» (т. е. горные) киргизы и «буруты».

Как же случилось, что казахов стали именовать киргизами не только в Российской империи, но и в Западной Европе? Ведущий

сотрудник Института истории и этнологии Министерства образования и науки Республики Казахстан И.В. Ерофеева объясняет это следующим образом. Во время приезда в Петербург в 1734 г. казахской делегации для закрепления условий подданства понадобилась рекламная публикация. Для этого корреспонденты «Санкт-Петербургских ведомостей» спешно перевели кусок произведения амстердамского купца и бургомистра Николая Корнелиуссона Витзена, находящегося в конце XVII в. по приглашению Петра I в России, «Северная и Восточная Тартария». Поскольку сами корреспонденты имели весьма туманное представление о местоположении казахских жузов и казахах вообще, то для перевода они взяли описание енисейских киргизов (будущих хакасов). Получалось, что казахи произошли от енисейских киргизов, хотя такой гипотезы у самого Витзена не было. Поскольку данная информация появилась в официальном органе царского правительства, она была воспринята как закон для употребления. И фактически с этого времени чиновники во всех официальных документах стали именовать казахов киргизами [14].

К концу XVIII в. гипотеза о енисейских киргизах, как предках казахов стала господствующей в русской и европейской научной литературе. Термины «киргиз», «киргиз-казак» или «киргиз-кайсак» надолго вошли в этнографический лексикон русских и европейских чиновников. Употребляет их и Ф. Назаров. Настоящих же киргизов, упоминания о которых неоднократно встречаются в «Записках», автор называет «черными киргизами», так же, как позже А.И. Левшин. В рукописи Назарова, а также в тексте первого издания встречается написание «закамененные». Ромодин отмечает, что именно на таком написании настаивал автор, судя по его правкам, в рукописи вместо обычного «закаменные киргизы», что понималось, как киргизы, живущие «за камнем», т.е. горным хребтом Заилийского Алатау. По предположению исследователя, возможно, Ф. Назаров употреблял название «закаменные» для передачи термина «горные киргизы».

Автор «Записок» внимательно всматривался в жизнь степняков: «Кочующие в сих степях киргизы по большей части среднего роста, смуглы, постоянный климат их делает здоровыми. Живучи целый век на воздухе и ведя кочевую жизнь, они способны переносить жару и холод; имеют грубую пищу, состоящую летом из кумыса и молока, а зимой из лошадиного мяса с разболтанной мукою. Занимаясь скотоводством, они пренебрегают хлебопашеством» [9, с. 20]. Назаров описывает киргизов, как славных наездников, приучающих своих детей с 4-летнего возраста к седлу. Он называет их честными, но чрезвычайно вспыльчивыми и мстительными. Отмечает, что они считают себя потомками некогда могучих монголов.

Описывая государственное устройство кочевых народов, Назаров подчеркивает разделение их на три орды (жузы) – большую, среднюю и малую. «Каждая орда разделяется на волости, заключающие в себе каждая от 3 до 5 тысяч юрт, под управлением султанов, а волость разделяется на аулы, имеющие каждый от 30 до 70 юрт, под управлением почетных биев, или старшин» [9, с. 20]. Далее он пишет о том, что они не платят никакой дани, так как кочующая жизнь избавляет их от какой-либо подчиненности. Ромодин считает это ошибкой [9, с. 13].

«Народ сей исповедует магометанскую веру, которая позволяет им иметь столько жен, сколько кто в состоянии прокормить», пишет Назаров [9, с. 21]. Здесь, вероятно, автор также ошибается, так как А.И. Левшин, описывая в своем труде быт кочевников-киргизов как патриархальный, отмечал, что они лишь считались мусульманами из-за настойчивых посещений их кочевий муллами из Бухары, Хивы и Коканда. Это подтверждается сведениями, содержащимися в записке чиновника при оренбургском и самарском генерал-губернаторе М.Н. Галкина, написанной в 50-х гг. XIX в. «Некоторые замечания о киргизах, в отношении их к России»: «Киргизы не имеют никакой религии, но они считают себя мусульманами, однако, большая их часть не имеет представления об этой религии» [15. Л. 4].

Интересны замечания автора о киргизских (казахских) женщинах. Они статны, пригожи, сильны и здоровы и самым большим бесчестием для себя считают бесплодие. В то же время они прекрасные наездницы и сражаются вооруженными, наравне с мужчинами.

Интересен в описании автора обычай сватовства. Родители договариваются о свадьбе, еще когда жених с невестой находятся в младенческом возрасте. Отец мальчика посылает сватов к родителям невесты, обещая калым, состоящий из нескольких калмыков, лошадей и рогатого скота. Будущий тесть, дав согласие, ежегодно получает часть калыма. Когда будущие новобрачные подрастают, их знакомят друг с другом, а потом жених ездит гостить на неделю или на две к невесте.

Будущий тесть ставит для жениха отдельную юрту. «Женщины на каждую ночь приводят к нему невесту и оставляют с ним наедине, но скромность, можно сказать взлелеянная между сими грубыми дикарями, не позволяет жениху употребить и самонадеянную дерзость против невесты» [9, с. 21].

В день свадьбы собираются родственники; невеста, находясь внутри юрты с поднятыми полами, протягивает жениху руку через отверстие ячейки каркаса. Мулла спрашивает их о согласии и затем, соединяя их руки, читает молитву. После чего они становятся супру-

гами. В случае если становится известно о неверности невесты, что, как отмечает Назаров, встречается крайне редко, то сваты «убивают убранную женихову лошадь, раздирают в лоскутки его платье и осыпают невестиного отца ругательствами» [9, с. 21].

Ф. Назаров замечает, что по состоянию юрт можно судить о состоятельности хозяина: у богатых хозяев юрты внутри украшены пестрыми шелковыми материалами. Женщины-казашки все время заняты: готовят пищу, доят, выделывают кожи, ткут, валяют войлок, а мужчины следят за скотом. К вечеру степняки собираются вместе. Молодежь устраивает спортивные состязания – борются, бегают взапуски, стреляют из луков в цель, а потом играют на своих музыкальных инструментах. Молодые девушки, сидя в ряд у решеток юрт, под незатейливую музыку поют песни. «Разговаривая с ними и вникая в их характеры, – писал Назаров, – мне казалось, что грабительство и жестокость сих народов отнести можно более к необузданному образу жизни и стремлению к мщению, нежели к чувствам природного их побуждения» [9, с. 22].

Подробно описывает автор «Записок» охоту, особенно с беркутом («беркутов сих они столь дорого ценят, что за одного отдают по несколько лошадей и даже пленных калмыков»), добычу соли местными жителями на озере Яман-Туз.

Назаров оставил описания погребения и поминок у степных киргизов-кочевников. Над могилами они строят деревянные четырехугольные надгробные памятники; у некоторых курганов были воткнуты копья и сидели вырезанные из дерева ястребы, что означает славного наездника, а ястреб-птицелова. Могилы они роют неглубокие, но зато сверху наваливают груды земли и камней. Путешественники столкнулись и с совсем необычными картинами. В морозные дни в некоторых южных селениях они увидели висящие на деревьях тела умерших, плотно завернутые в белую ткань и в кошму. Оказалось, их везли в Туркестан, чтобы похоронить рядом с родственниками в священной для мусульман земле, но помешали морозы, и траурные мероприятия отложены до потепления, когда оттаает земля.

Назаров оставил и описание поминок у казахов-кочевников, которые он наблюдал в Средней орде Туртаульской волости. За два дня до прибытия группы Назарова был похоронен старший бий. Богатые родственники в память умершего устроили празднество, на которое приглашены были почетные люди поблизости кочующих волостей. Было расставлено 15 юрт, гости пили кумыс, «а жены покойника завывали, драли на себе волосы и царапали лицо, прославляя его храбрость, любовь к ним и верность» [9, с. 25]. Для поминок было зарезано 80 лошадей и 60 баранов. К вечеру началось конное состязание. Автор с ужасом описывает, как в результа-

те состязания многие лошади издыхали, другие с поломанными ногами лежали вместе со своими всадниками. По окончании состязания гости ели приготовленные кушанья, шумели, веселились и разошлись уже почти на другой день утром, «получа на память лоскутки разрезанного платья покойника» [9, с. 25–26].

По свидетельству Назарова, законов никаких казахи не соблюдают, опираясь на естественное право адата. Вот как он описывает степной суд: «Собранные по повелению хана старые бии, сидя с важностью на разостланных по траве коврах, приговорили преступника к смерти. Приговор исполнен был в одну минуту: на шею несчастного накинули аркан, привязали конец одного к лошадиному хвосту, и всадник скакал по степи, влача его за собою до тех пор, пока он не испустил дух в ужаснейших мучениях» [9, с. 24–25]. Назаров был очень удивлен, когда узнал, что несчастного казнили за кражу всего двух баранов, в то время, когда «самые же киргизы по поводу частной ссоры с соседями ездят по ночам в чужие волости и отгоняют целые стада рогатого скота и табуны лошадей, возвращая оные не иначе как через выкупы посредством нарочно собираемых на тот случай с обеих сторон биев» [9, с. 25]. Описываемый автором обычай барымты (принудительный коллективный угон чужого скота, являющийся нормой адата) был очень распространен у казахов-кочевников.

Страшные последствия барымты тоже встречались путешественникам. У реки Кузукуч, там, где Нура соединяется с Ишимом (между нынешней Астаной и Карагандой), караван встретился с группой пеших казахов в разодранных рубищах, которые несли на себе детей. Это были едва живые жертвы барымты. У них угнали скот и оставили без пищи и крова. Живут они ловлей рыбы. Большая часть из них находится у кочующих поблизости киргизов в услужении. Несчастные люди вынуждены продавать проходящим караванам своих детей под видом пленных калмыков.

В конце сентября 1813 г. отряд Ф. Назарова подошел к городу Сузаку, принадлежащему Туркестанскому владению, недавно завоеванному Кокандским ханством. Назаров отмечает лучшие климатические условия по сравнению с казахской степью. Население отличается от казахов-кочевников. «Туркистанца видишь уже не таким свободным, вскормленным природою среди степей человеком, каков киргиз, – пишет Назаров, – он сжат, скрытен, надменен и уже знает различные ухищрения и обманы, к несчастию столь тесно соединенные с гражданскою жизнью» [9, с. 32]. Жители являются мусульманами, в супружество они берут по большей части киргизок из соседней, и каждую из жен своих помещают в особый дом.

Сузак, по свидетельству Назарова, включает до 500 каменных домов, «выстроенных столь плотно один к другому, что, войдя в

улицу, думаешь видеть ее огороженную каменным забором; окна в домах выстроены на двор, во всем городе одна токмо круглая улица, сделанная наподобие лабиринта» [9, с. 32]. Город стоит на возвышенном месте, обнесен высокою каменною стеною. Его охраняет гарнизон в 200 человек. В предместье его находятся пашни, поля, и юрты бедных казахов. Жители трудолюбивы, занимаются хлебопашеством и производят мену товаров с кочующими на реках Сарысу и Чу киргизами. Интересно следующее замечание автора: «Женщины их весьма ласковы и столь знакомиты (т.е. общительны – С.Б.), что приходили многие из них в караван наш» [9, с. 32]. Для бесправных мусульманских женщин – это довольно смело.

Владелец Сузака взял в виде пошлины сороковую часть товаров каравана и посоветовал идти наиболее безопасным путем. Через Киргиз-Кайсацкую степь, жители которой не причинили никакого вреда путешественникам, они прибыли в город Чимкент. Этот город выстроен на возвышенном месте и обнесен высокой стеной. Въезд в город со стороны реки по узкой дороге, на которой может поместиться только одна лошадь. «Вода, пущенная из реки чрез сделанные в стене окошки, наполняет ископанные в городе каналы, на коих построены мельницы» [9, с. 34]. Дома выстроены из нежженого кирпича, наподобие китайских, без окон, поэтому все двери растворены на улицу. «Женщины их довольно пригожи, обходительны и не скрываются от мужчин» [9, с. 34].

Через трое суток путешественники были в Ташкенте. «В сем месте самый лучший климат и, можно сказать, почти вечное лето. Земля производит все то, что может удовлетворять вкусу и взору самого роскошнейшего человека. Проезжая владение сие, везде видишь виноградники и фруктовые сады, в коих гранатовые, апельсиновые, персиковые и фиговые деревья сгибаются под тяжестью плодов своих, а безпрестанно встречаемые ключи, речки и искусственные водопроводы, осеняемые высокими тополями, кажется, призывают путешественника к прохладным струям своим» [9, с. 35]. Поэтому, считает автор, и жителей этого города отличает здоровье, беспечность, роскошь, веселье. Они любят музыку, «ласковы и страстны к женщинам». Жители безпрестанно веселятся, пляшут у ворот, или в своих садах наслаждаются музыкой. Ташкент предстал перед усталыми русскими путниками как «город-праздник». Назаров даже ошибочно полагал, что жители не платят никаких податей. О многочисленных податях и повинностях населения Кокандского ханства обстоятельно рассказывает в своей монографии «Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XIX в.)» [7, с. 187–189] советский историк П.П. Иванов, скончавшийся в блокадном Ленинграде в 1942 г.

Поскольку через Ташкент проходили торговые пути, то там всегда было большое скопление различных народностей. Ташкентцы – мусульмане. Женщин запрещается видеть под строжайшим наказанием, даже родные не имеют права входить в комнату родственниц. «Я женщин видел токмо на базарах, но под покрывалом; они стройны и одеваются весьма богато, накидывают на себя халаты, на головах носят чалмы, а на лицо спускают волосяную сетку, которая пришивается к халату», – писал Назаров [9, с. 35]. Он не знал, что сетка эта имеет название – чачван.

В Ташкенте торговый караван был задержан, а Ф. Назаров с сопровождавшим его казачьим отрядом продолжал свой путь в Коканд. Путь проходил через горы, и здесь путешественники познакомились с народом, который Назаров называет «гольчами, т. е. горскими народами, которые занимаются хлебопашеством и разведением фруктовых садов, лошадей не имеют и употребляют в работу одних верблюдов» [9, с. 37]. Это – горные ираноязычные (таджикские) народности Памира и Припамирья. В других местах своего описания Ф. Назаров называет их «горские персиане», или «восточные персиане». «Жители сии весьма свирепы, обходились с нами очень грубо. Они весьма равнодушны к женщинам и, не подражая обыкновениям ташкентским, позволяют им ходить с открытыми лицами», – писал о них Назаров [9, с. 37].

Далее, переправившись через реку Сырдарью, путешественники продолжили свой путь к Коканду через песчаные горы, где ничего не растет, через селения (кишлаки), жизнь обитателей которых также не осталась без внимания Ф. Назарова. Так, он подробно описывает селение Караполясан, жители которого занимаются хлебопашеством, разведением садов, шелковичных червей и посевом хлопка. В деревне до тысячи домов из глины, без полов, окон и печей, «в коих для холодного времени сделаны каминны». В кокандских деревнях женщины от мужчин не скрывают лиц. Поселяне живут без нужды, рекрутских наборов не знают и идут в службу единственно по доброй воле. Земля у них, хотя глинистая и солонцеватая, но весьма хлебородная.

Наконец, отряд подошел к месту назначения – к Коканду. «В сем месте климат жаркий и, по мере приближения на восток, делается столь нестерпимым, что даже птицы, не будучи в состоянии переносить зноя, улетают далеко от сих мест» [9, с. 38]. Жители во многом были бы похожи с ташкентцами, но победы сделали их весьма надменными. «Роскошь, нега и удовольствия, основанные на сластолюбивом свойстве, заставляют их изобретать различные способы к чувственным наслаждениям, и я не знаю, должно ли приписать скромности женщин их или чему другому, что во всем Кокан-

ском государстве нет ни одного публичного дома, ни одной женщины, торгующей своими прелестями» [9, с. 40].

Встречи с ханом пришлось ожидать одиннадцать дней. Все это время «мы не имели покоя ни на минуту», – сетовал Ф. Назаров. «Стечение народа было столь велико, что все возвышенные места, дома, кровли, стены и заборы усеяны были любопытными зрителями... Все хотели увидеть белых людей» [9, с. 41].

Наконец, состоялась долгожданная встреча с Омар-ханом. Назаров был удивлен его молодостью: «Владелец был не более 25 лет от роду, имел на себе китайского штофа на золоте блестящий халат, а на голове шаль с золотыми бахромами и кистями» [9, с. 42]. По свидетельству В.А. Ромодина, кокандскому правителю Омар-хану осенью 1813 г., когда его впервые увидел Ф. Назаров, было около 28 лет. Последовали красочные церемонии встречи посланника из далекого северного края, царские подарки эмиру, обмен халатами и по-восточному пышные речи. Однако хан решил точно узнать, что произошло в Петропавловской крепости, приказал вернуть отряд казаков домой, а на Сибирскую линию отправить своих посланцев. Филипп Назаров и четверо его казаков оставались заложниками у кокандского хана.

Потянулись тоскливые дни плена. Чиновники эмира не раз допрашивали Назарова, как он намерен расплатиться за убитого кокандского посланника: откупиться прибывшим в Ташкент караваном или принять их веру? Если примет их веру, то эмир обещает дать ему трех жен и трех аргамаков, а за убитого посланника с родственниками он расплатится из своей казны. Назаров смело отвечал, что караван принадлежит не ему, а российскому купечеству, и что изменять вере и своему государю он не собирается, и смерти не боится. В конце концов, чиновники смирились и отправили посланцев России вглубь страны, к персидской границе, чтобы не вздумали отважные русские убежать. Так началось непредвиденное путешествие Филиппа Назарова «по Кокандии».

Постепенно, сменив гнев на милость, кокандский хан разрешил показать гостю города Кокандского ханства. Назаров побывал во многих городах ханства – Маргилане, Андижане, Янакургане, Намангане, Урутюпа, Ходженте и др. Гораздо позже, в 60-х гг. XIX в. русский исследователь А.П. Хорошхин, описывая в «Очерках Кокандского ханства», включил в его состав узбеков, кипчаков, киргизов, кара-киргизов и каракалпаков. Вероятно, Назаров наблюдал жизнь всех этих народностей, не подозревая об их названиях.

Вначале у Назарова сложилось впечатление о полном благополучии населения ханства: «Жители совершенно ни в чем не нуждаются и ведут жизнь, можно сказать, щастливую, имея у себя

большие фруктовые сады и пашни» [9, с. 49]. Но вскоре Ф. Назаров убедился, что нравы в Коканде еще суровее, чем в казахской степи. «Чиновников, хотя бы и первейших, за измену, лихоимство, заговоры и тому подобное наказывают смертной казнью, имущества их описывают в казну, а жен и взрослых дочерей (отдают) в замужество простым солдатам; за воровство рубят руки и оставляют по-прежнему жить в обществе. Я видел, что за кражу 30 баранов отрубили у одного мечом кисть правой руки, обмакнули для остановки крови в горячее масло и потом отпустили на волю. За смертоубийство отдают преступника в распоряжение родственников убитого, они могут его продать или взять выкуп за голову. Однажды, ходя по базару, я был очевидцем, что родные убиенного привели отданного им убийцу и требовали его смерти, ему тут же отрубили голову» [9, с. 53].

Ф. Назаров описал, как по улицам кокандских городков гоняют и бьют плетками голых торговцев, пойманных на обмане или обвесе покупателей, как на площадь набегают толпы правоверных кокандцев, чтобы побить камнями русских «кафаров» [9, с. 50] или забить насмерть девушку, отвергнувшую нелюбимого жениха [9, с. 54]. Блюстители порядка не очень церемонятся, разгоняя толпы, и бьют по спинам и головам кого попало и чем попало. Оказалось, мужья держат жен в одной половине дома, а в другой – лошадей. Женщины носят паранджу, но и в суровом Кокандском ханстве (г. Маргилане) они, когда не видели мужья, приподнимали сетки и, нахваливая русский закон, запрещающий многоженство, кокетничали с принаряженными по такому случаю казаками, а те поправляли амуницию и закручивали рукою свои длинные усы, гремя саблюю [9, с. 50].

Сам Коканд автор описывает как большой и многолюдный город, что согласуется со свидетельствами более поздних авторов (Н.И. Потанина, В.В. Вельяминова-Зернова, А. Вамбери, А.Л. Куна и др.). Наиболее распространенным занятием жителей является выращивание шелковичных червей и хлопка, и шелкопрядение.

Только в марте 1814 г., почти через год после отъезда из родных краев, Филиппу Назарову удалось вернуться в Коканд. Он стал добиваться ответного письма хана императору России и возвращения на родину. В августе 1814 г. пленники с попутным семипалатинским караваном отправились в обратный путь. 15 октября 1814 г. – «через полтора лет странствий» – Филипп Михайлович Назаров в сопровождении кокандских стражей, пяти казаков и трех русских, освобожденных им из плена, прибыл в Петропавловскую крепость.

«Записки» Ф.М. Назарова представляют собой одно из первых описаний повседневной жизни населения Кокандского ханства. Он не был ни ориенталистом, ни географом или этнографом. Его запис-

ки – это наблюдения обычного человека, попавшего в экстремальные условия, за жизнью обычных людей незнакомой им земли. Тем не менее, эти записки являются ценнейшим историческим источником. Частично они были использованы известными востоковедами В.В. Бартольдом, П.П. Ивановым, а также советскими учеными, трудившимися над изданием фундаментального труда «История Узбекской ССР». По описанию об авторе складывается впечатление, как о бесстрашном патриоте – представителе императорской России. Остается поражаться мужеству этого человека, который, рискуя своей жизнью, оставил для потомков богатейший материал о жизни народов, которым предстояло через полвека влиться в состав Российской империи.

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 109. Оп. 109/2. Д. 134.
2. АВПРИ. Ф. 125. Оп.125/3. Д. 36–40.
3. АВПРИ. Ф. 111. Оп. 111/1. Д. 1.
4. АВПРИ. Ф. 111. Оп. 111/1. Д. 3.
5. АВПРИ. Ф. 111. Оп. 111/1. Д. 5.
6. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Сочинения. Т. II. Ч. 1. – М.: Академия наук СССР. 1963. – 643 с.
7. Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии. – М.: Изд-во восточной лит., 1958. – 247 с.
8. История народов Узбекистана. Т. 2. – Ташкент: ФАН, 1993. – 220 с.
9. Назаров Ф. М. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии / предисл. и подготовка текста В.А. Ромодина; прим. В.А. Ромодина и В.А. Урвалова; указатели и карта составлены В.А. Урваловым. Институт народов Азии АН СССР. – М.: Наука, ГРВЛ, 1968. – 80 с.
10. Памятная книжка Западной Сибири. Т. 1. – Омск: Тип. Округ. штаба, 1881. – 391 с.
11. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1578. Азиатский департамент. Д. 28.
12. Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии Филиппа Назарова, Отдельного Сибирского Корпуса переводчика, посланного в Кокант в 1813 и 1814 годах. – СПб.: Печатано при Императорской Академии наук, 1821. – 98 с.
13. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. 2-е изд. – Алматы: Санат, 1996. – 656 с.
14. Как казахи стали киргизами. К истории одной терминологической путаницы. – URL: <http://www.kazakh.ru/news/articles/?a=363> (дата обращения: 21.03.2015).
15. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. 730. Оп. 1. Д. 341.
16. Хорошхин А. П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. – СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1876. – 583 с.

References

1. *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii (AVPRI)* [Archive of foreign policy of the Russian Empire (AVPRI)] F. 109. Op. 109/2. D. 134.
2. *AVPRI*. F. 125. Op.125/3. D. 36–40.
3. *AVPRI*. F. 111. Op. 111/1. D. 1.
4. *AVPRI*. F. 111. Op. 111/1. D. 3.
5. *AVPRI*. F. 111. Op. 111/1. D. 5.
6. *Bartol'd V.V. Istoriya kul'turnoi zhizni Turkestana* [History of cultural life of Turkestan] // *Sochineniya*. T. II. Ch. 1. – M.: Akademiya nauk SSSR. 1963. – 643 s.
7. *Ivanov P.P. Ocherki po istorii Srednei Azii* [Essays on the history of Central Asia] – M.: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1958. – 247 s.
8. *Istoriya narodov Uzbekistana* [History of the peoples of Uzbekistan]. T. 2. – Tashkent: Izd. «FAN» AN Respubliki Uzbekistan. 1993. – 220 s.
9. *Nazarov F.M. Zapiski o nekotorykh narodakh i zemlyakh srednei chasti Azii* [Notes on some peoples and lands of Central Asia] / Predislovie i podgotovka teksta V.A. Romodina; primechaniya V.A. Romodina i V.A. Urvalova; ukazateli i karta sostavleny V.A. Urvalovym. Institut narodov Azii AN SSSR. – M.: Nauka, GRVL, 1968. – 80 s.
10. *Pamyatnaya knizhka Zapadnoi Sibiri* [The memorable book of the Western Siberia]. T. 1. Omsk: Tip. Okruzh. shtaba, 1881. – 391 s.
11. *Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki (OR RNB)* [Department of manuscripts of Russian national library (OR RNB)]. F. 1578. Aziatskii departament. D. 28.
12. *Nazarov F. Zapiski o nekotorykh narodakh i zemlyakh srednei chasti Azii Filippa Nazarova, Otdel'nogo Sibirskogo Korpusa perevodchika, posylannogo v Kokant v 1813 i 1814 godakh* [Notes on some peoples and lands of Central Asia Philip Nazarov, a separate Siberian Corps of translators, sent to Kokant in 1813 and 1814]. – SPb.: Pечатano pri Imperatorskoi Akademii nauk, 1821. – 98 s.
13. *Levshin A.I. Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh ord i stepei* [Description of Kirghiz-Cossack or Kirghiz-kaisak hordes and steppes] Izd. 2-e. – Almaty: Sanat, 1996. – 656 s.
14. *Kak kazakhi stali kirgizami. K istorii odnoi terminologicheskoi putanitsy* [As the Kazakhs Kyrgyz. To the history of one terminological confusion]. URL: <http://www.kazakh.ru/news/articles/?a=363> (data obrashcheniya 21.03.2015).
15. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GA RF)* [State archive of the Russian Federation (GA RF)] F. 730. Op. 1. D. 341. L. 4.
16. *Khoroshkhin A. P. Sbornik statei, kasayushchikhsya do Turkestanskogo kraja* [Collection of articles relating to the Turkestan region] – SPb.: Tip. i khromolit. A. Transhelya, 1876. – 583 s.

Т.Н. Минникова

**Неофициальная повседневность в жизни граждан
Тосненского района по материалам районной газеты
«Ленинское знамя» за 1940 г.**

В данной работе автор стремился показать, что в советской предвоенной прессе наблюдался очевидный разрыв между официальной и неофициальной информацией. Первая была пропущена через идеологический фильтр, вторая была связана с повседневной жизнью рядового человека. Живого, неформального общения со своим читателем газета не вела, и это была её принципиальная позиция, обусловленная политикой советского государства в отношении своих граждан: марксизм-ленинизм в сталинской интерпретации был обращён к массам, но никак не к отдельному человеку с его каждодневными житейскими заботами. При этом обращается внимание на то, что такая ситуация воспринималась большинством населения как норма. Объяснение данного феномена видится в коллективных бессознательных процессах, сопровождавших становление в советском обществе новой национальной идеи.

Ключевые слова: повседневность, идеологический фильтр, официальная информация, неофициальная информация, национальная идея, коллективное бессознательное.

T.N. Minnikova

**Informal everyday life in the lives of Tosnensky district citizens
on the materials of the district newspaper
"Leninskoye Znamya" for 1940**

In this paper the author sought to show that in the Soviet pre-war press there was an obvious gap between official and unofficial information. The first was passed through an ideological filter, the second was connected with the everyday life of an ordinary person. The newspaper did not conduct a lively, informal communication with its readers, and this was its principled position, conditioned by the policy of the Soviet state regarding its citizens: Marxism-Leninism in the Stalinist interpretation was turned to the masses, but not to an individual person with his everyday concerns. At the same time, the author draws attention to the fact that such a situation was perceived by the majority of the population as a norm. The author sees the explanation of this phenomenon in the collective unconscious processes that accompanied the emergence of a new national idea in Soviet society.

Key words: everyday life, ideological filter, official information, informal information, national idea, collective unconscious.

Как и чем жило население Тосненского района в предвоенный 1940-й год? Ответ на этот вопрос могли бы дать самые разные источники – документы, отчёты, справки, воспоминания, письма, но мы обратимся к одному, возможно, из наиболее, неоднозначных – районной газете «Ленинское знамя» (выходила с 1931 г., в 1940 г. ответственный редактор – П. Аристаров). Почему же «неоднозначных»?

Казалось бы, именно газета должна была бы как можно более полно освещать все стороны жизни советских граждан указанного периода, однако при анализе её текстов возникает ряд вопросов. Дело в том, что материалы периодической печати того времени, хотя и содержат довольно богатый и разнообразный контент, являются сильно ангажированными. Главная цель, которую стремилось достичь руководство страны посредством СМИ, – это формирование у советского человека веры в совершенство социалистического строя, в окончательную победу коммунизма во всём мире, в историческую перспективу государства рабочих и крестьян. Соответственно, эту задачу призваны были решать все газеты, в том числе и местного уровня. В результате правдивое освещение темы повседневной жизни рядового советского гражданина фактически оказывалось под негласным запретом.

С другой стороны, пренебрегать подобным источником было бы неверно: несмотря на имеющиеся недостатки, он содержит в себе уникальную информацию, которую при правильном подходе можно вычлениить. Вот почему исследование материалов, помещённых в Тосненской районной газете «Ленинское знамя», может представлять вполне определённый интерес в плане понимания неформальных реалий той далёкой довоенной жизни рядовых граждан района. И здесь важны детали. Для начала обратимся к объявлениям, которые помещались в самом конце последней полосы. Сразу заметим, что они довольно редки и кратки и выглядят чем-то инородным на фоне остальных газетных публикаций:

«Конторе "Союзаготовкож" требуются два бойца и сторож» [1];

«К сведению всех нанимателей пастухов на 1940 год – все договоры необходимо заключать в местном райпо, пос. Тосно» [2];

«К сведению кротоволовов: промысел крота разрешён с 1-го июля с.г.» [3];

«Сроки охоты на лису, хоря, горностая и ласку продлены до 1 марта 1940 года» [4].

Нашему современнику весьма трудно представить себе быт и технологические приёмы ведения довоенного хозяйства:

«Комсомольская организация райпромкомбината (комсорт. Бубнов) собрала в Никольской мастерской и квартирах рабочих для колхоза "Красный пахарь" 10 пудов золы» [5];

«На Добросельском молочном заводе безобразно выполняется заготовка льда. Правда, колхоз "Кородыня" наколот 15 кубометров льда и на этом закончил свою работу. Срыва заготовки льда нельзя допускать» [6];

«Никольская жестяная мастерская в нынешнем году выполнила план выпуска леек. Всего эта мастерская для нашего района изготовила 1203 лейки. И всё же в овощеводческих бригадах некоторых колхозов ощущается большой недостаток леек. Например, в колхозе "Осоавиахим" Рябовского сельсовета всего 1–2 лейки» [7].

Особая речь о транспорте и дорогах:

«Дорога, ведущая из пос. Лисино-Корпус на Лустовский заготовительный пункт, выглядит неприглядно. Сюда ежедневно вереницей тянутся колхозные подводы с овощами из Погинского, Машинского и Андриановского сельсоветов. Десятки колхозов везут сдавать свою продукцию для трудящихся Ленинграда. Ежедневно можно наблюдать, как на этой дороге ломаются телеги, колёса, калечатся лошади» [8];

«Ни для кого не секрет, что в нашем Тосненском районе дороги желают много лучшего. Стоит свернуть в сторону от Московского шоссе и сразу же рискуешь потонуть в грязи и поломать машину. Хороших подъездных дорог к станциям Поповка, Саблино и другим нет. К примеру, возьмём посёлок Красный Бор, он имеет население около 15 тыс. человек. От Московского шоссе к ст. Поповка идут машины с заводов. Но как они идут? Машины калечатся, их часто с "дубинушкой" вытаскивают из грязи. Не лучше положение и самого населения, в особенности осенью. А ведь есть возможность построить хорошую дорогу от шоссе к станции. Около деревни Степеновка по всему полю лежит хороший дорожный булыжник, рядом находится плитняк, балласт, гравий. Требуется только инициатива. Необходимо сейчас же приступить к заготовке материала с тем, чтобы с весны начать строить силами самого населения так нужную всем дорогу» [9];

«В колхозе "Дритовно" на 11 лошадей в 1940 году имеются всего 4 телеги, а в колхозе «Комсомолец» и того меньше, здесь на 18 лошадей имеются только 2 телеги, да и те полуразваленные. Всего в районе надо иметь 1620 телег, а мы имеем только 925, дровней имеем 1120. Отсутствие телег и дровней не даёт

возможности с наибольшей пользой для хозяйства использовать силу лошадей» [10];

«К сведению колхозов: телеги одноконные поступили в продажу в Тосненский раймаг» [11].

Тяжело и медленно уходил патриархальный быт, и всё же положительные тенденции в налаживании качества жизни потихоньку набирали темп. Многое менялось в лучшую сторону, хотя, конечно, по меркам сегодняшнего дня это выглядело более, чем скромно:

«Дорожное строительство в 1940 году: нынче планом районного дорожного отдела намечается построить новых булыжных дорог протяжением 1 км. Гравием усыпается 1 км. Грунтовых дорог намечено улучшить на протяжении 1 км» [12];

«Артель "Труд" купила в Замостьевском сельсовете дом, который перевозится в Тосно и будет установлен рядом с аптекой. В этом доме после соответствующего переоборудования и ремонта будут открыты парикмахерская и фотоателье. В эксплуатацию они должны вступить в текущем году» [13];

«Тосненское сельпо 15 мая пускает в эксплуатацию свою квасоварню. В ней будут оборудованы цеха по производству браги, хлебного и клюквенного квасов. На строительство квасоварни затрачивается 22 тыс. рублей» [14];

«Тосненский лесозавод освоил производство трёх новых видов столов: крестьянского, лакированного квартирному и конторского. Одновременно на заводе идёт подготовка к серийному выпуску рамок для зеркал» [15].

Развивалась система электросвязи:

«За последнее время местными радиоузлами в районе установлено 32 новых радиотрансляционные точки. На 1 мая 1939 года в районе было 1132 радиоточки, а на 1 мая этого года – 1320 точек» [16].

Повышалась и культура обслуживания населения:

«Тосненская контора связи доводит до сведения всех лиц и учреждений, имеющих телефоны, что с 5 мая с.г. вызов абонентов всеми телефонными станциями будет проводиться только с указанием номера требуемого абонента. В связи этим во всех почтовых отделениях района поступили в продажу абонентные списки» [17];

«Значительная часть населения посёлка Тосно работает вне района. Приходится выезжать на работу в 7 часов утра. Радиоузел должен начинать передачу не в 7 часов, а в 6 часов утра» [18];

«На днях закончен ремонт вокзала ст. Тосно. Вокзал принял более культурный вид. Железнодорожники многое сделали для

того, чтобы выполнить задание Л.М. Когановича о культурном обслуживании пассажиров» [19].

Постепенно с ростом общей культуры появлялась потребность и в более «цивилизованных» формах организации своей среды обитания. Возрастали требования к властям:

«В ряде домов пос. Тосно отсутствует электрическое освещение. Жители пользуются керосиновыми лампами, а вот керосин не всегда просто достать» [20];

«Благоустройство основной улицы в посёлке Тосно – Ленинского проспекта – желает много лучшего. Домовладельцы не следят за порядком около своих домов, а поселковый Совет не требует этого порядка. У многих домов нет палисадников, у других они полуразрушены. Необходима посадка деревьев» [21].

Появлялась и потребность в организации культурного досуга более высокого уровня:

«Отдыхать в Тосно негде: сейчас в клубе кроме танцев ничего не бывает. Кружки не организованы, лекции не проводятся. После рабочего дня отдохнуть в Тосно негде. Берега реки загромождены дровами. Летний сад в порядок не приводится. Спортивная площадка превращена в пастбище» [22].

Но подобные высказывания, впрочем, были справедливы лишь отчасти. На это, опять же указывают объявления, печатавшиеся районной газетой:

«В райбиблиотеке: сегодня, 17 апреля, в 7 часов 30 минут состоится вечер, посвящённый творчеству Маяковского. Вход свободный» [23];

«Бал-маскарад: начало в 10 часов и до 5 часов утра. В программе Джаз-оркестр (Ленинград), затейники, световые эффекты, серпантин, конфетти» Билеты строго ограничены. Цена 6 руб. Спешите заготовить маскарадные костюмы» [24];

«В Тосненской районной библиотеке им. М. Горького организована фотовыставка, посвящённая борцам мировой революции. На этой выставке показаны виднейшие революционеры, томящиеся в капиталистических тюрьмах» [25];

«Управление шоссейных дорог по Ленинградской области отпустило 900-му дорожному участку на политико-культурное оформление шоссейной дороги 600 рублей. На эти средства приобретены скульптуры Ленина и Сталина. Скульптура Ленина устанавливается в Тосно у здания конторы 900-го дорожного участка и скульптура Сталина – у здания райсовета. Высота каждой скульптуры 3 ½ метра» [26].

Закончить данный обзор хотелось бы совершенно неполитизированной информацией. Она была представлена в разделе «По району» в рубрике «Происшествия» и в количественном отношении

составляет менее 1% от всех публикаций газеты. Видимо, на фоне тотальной идеологической обработки советских граждан подобная информация на взгляд редакции не представляла интереса и не являлась ценной. Однако, несмотря на малый объём, она как-бы открывала завесу, за которой скрывалась жизнь реальных людей:

«Шофёр грузовой машины В. Суховский вечером 30 июня ехал по левой стороне проспекта Ленина в Тосно. В результате такого грубого нарушения правил движения его машиной был сбит и раздавлен насмерть работник охраны Октябрьского вагонно-ремонтного завода М.С. Закамский. Шофёр Суховский арестован. Ведётся следствие» [27];

«26 июля в селении Шапки дачник Вася Егоров 16 лет пришёл к своему другу Юре Альперину 14 лет, который в это время рассматривал охотничье ружьё. Ружьё оказалось заряженным. В результате неосторожного обращения получился выстрел. Заряд попал в лицо Васе Егорову, который через несколько минут умер» [28];

«В лесу около деревни Сиголово колхозник нашёл белый гриб гигантского размера. Гриб весит 1.4 кг. Окружность шляпки гриба – 81 см, высота его 34 см. Гриб абсолютно не повреждён червем» [29].

Таким образом, знакомство с предвоенной районной прессой ещё раз убеждает в том, что газеты того периода отнюдь не были заинтересованы в освещении частных сторон жизни рядовых граждан страны Советов. (Интересная деталь: в газете от 31 декабря 1940 г. отсутствует поздравление жителей района с Новым годом, хотя праздник уже был официально разрешён). О повседневной жизни «маленького человека» можно судить лишь косвенно – по официальным отчётам о деятельности различных учреждений или предприятий, по решениям судов, по критическим статьям, по письмам-жалобам и т. п. Живого, неформального общения со своим читателем газета не вела, и это была её принципиальная позиция, обусловленная политикой советского государства в отношении своих граждан: марксизм-ленинизм в сталинской интерпретации был обращён к массам, но никак не к отдельному человеку с его каждодневными житейскими заботами.

Анализ текстов показывает, что налицо наблюдался очевидный разрыв между информацией, пропущенной через идеологический фильтр, и информацией, связанной с повседневной, бытовой жизнью обычного человека. По сути, это были два параллельных мира, существовавших независимо друг от друга. При этом «правила игры» были знакомы всем и никогда не нарушались: газете полагалось высказывать официальную точку зрения (и это воспринималось как норма), а рядовым гражданам предписывалось

обсуждение житейские проблем в узком приватном кругу (что также воспринималось большинством естественно). Каким же образом подобный разрыв стал возможен?

Мечта русского человека о справедливости проходит через всю многовековую историю. Воплотилась же она в революцию. Октябрь 1917 г. пробудил в русских людях необыкновенную жажду перемен. Ими овладела мессианская (религиозная, по сути) идея построения первого на Земле государства Справедливости и Благоденствия. Сама мысль – быть первопроходцами в таком важном деле – рождала необыкновенный энтузиазм и вдохновляла на подвиги. И так как коммунистическая идея реально отражала вековые чаяния народа, то за её осуществление он готов был сносить какие угодно трудности, лишения и несправедливости. Мечтой оправдывалось всё.

Но если подойти к проблеме более детально, изнутри, то выяснится, что народная мечта о социальном равенстве и всеобщем достатке – это лишь внешнее проявление иного жизнеполагающего мотива, расположенного не в сфере сознания, а в области общественного бессознательного.

Речь идёт о некоем базовом основании, определяющем коллективное «Я» любого социума. В нём выражается момент его национально-культурной идентичности, понимаемой как восприятие им своей уникальности на фоне других народов. Неслучайно «главный страх человека, а тем более народа – страх ничтожности...» (Д. Гранин) [30, с. 312]. Отсюда так важен поиск им своей национальной идеи. В этом плане в Советской России благодаря Октябрю была сформирована не просто новая (коммунистическая) идеология, но новый принцип существования советского человека в истории. По сути, возникла новая национальная идея, обосновывавшая смысл жизни миллионов.

С другой стороны, хорошо известно, что всё, что относится к системе мироосмысления бытия, находится в наиболее внутренних слоях человеческой психики, т. е., ценностные ориентиры и всё, что с ними связано, носит бессознательный характер. В этой же области располагается и весь специфический комплекс национальной идеи. Соответственно, всё, что так или иначе могло бы его затронуть или поколебать (любая информация, направленная на исследование основ существования нации), будет активно вытесняться из сферы сознания субъекта.

В данном случае повседневность рядового советского человека никоим образом не вязалась с идеей переустройства мира. Она противоречила мечте, «оскорбляла» её своей приземлённостью и прагматичностью. Более того, повседневность вольно-невольно наводила на мысли о цене вопроса, и в этом смысле она покуша-

лась на сам принцип самоопределения нации на просторах истории. Именно по этой причине повседневность вытеснялась из всех средств массовой информации, и именно поэтому у граждан страны Советов данный процесс не вызывал протеста. Жизнь шла сама по себе, а *мечта*, как путеводная звезда, светила всем.

Подшивка газеты «Ленинское знамя» за 1940 предвоенный год позволяет понять и то, почему ветераны Великой Отечественной войны не готовы были впоследствии поведать детям и внукам «всю правду о войне». Царившее в советском обществе с довоенной поры разделение на дозволенную и недозволенную информацию не позволяло им быть до конца откровенными: Победа, Геройство, Подвиг были созвучны *мечте*, а «окопная правда» отражала лишь «низкую» повседневность, которая эту мечту разрушала.

Только сегодня пришло время, когда стало ясно, что повседневность – важнейший пласт истории народа, без которого понять, как и чем он жил, фактически невозможно.

Список литературы

1. Ленинское знамя. 1940. 15 февр. (№ 37).
2. Ленинское знамя. 1940. 5 мая (№ 102).
3. Ленинское знамя. 1940. 30 июня (№ 149).
4. Ленинское знамя. 1940. 14 февр. (№ 36).
5. Ленинское знамя. 1940. 3 апр. (№ 77).
6. Ленинское знамя. 1940. 26 марта (№ 70).
7. Ленинское знамя. 1940. 5 июля (№ 153).
8. Ленинское знамя. 1940. 25 сент. (№ 223).
9. Ленинское знамя. 1940. 3 янв. (№ 2).
10. Ленинское знамя. 1940. 3 июня (№ 126).
11. Ленинское знамя. 1940. 15 окт. (№ 240).
12. Ленинское знамя. 1940. 23 марта (№ 68).
13. Ленинское знамя. 1940. 9 июля (№ 156).
14. Ленинское знамя. 1940. 3 апр. (№ 77).
15. Ленинское знамя. 1940. 11 марта (№ 58).
16. Ленинское знамя. 1940. 2 июня (№ 125).
17. Ленинское знамя. 1940. 24 апр. (№ 95).
18. Ленинское знамя. 1940. 24 нояб. (№ 273).
19. Ленинское знамя. 1940. 20 дек. (№ 294).
20. Ленинское знамя. 1940. 11 янв. (№ 9).
21. Ленинское знамя. 1940. 23 марта (№ 73).
22. Ленинское знамя. 1940. 28 июня (№ 147).
23. Ленинское знамя. 1940. 17 апр. (№ 89).
24. Ленинское знамя. 1940. 5 сент. (№ 206).
25. Ленинское знамя. 1940. 2 нояб. (№ 256).
26. Ленинское знамя. 1940. 18 июня (№ 139).
27. Ленинское знамя. 1940. 2 июля (№ 150).
28. Ленинское знамя. 1940. 31 июля (№ 175).
29. Ленинское знамя. 1940. 6 сент. (№ 207).
30. Гранин Д. Человек не отсюда. – СПб.: Лениздат, «Команда А», 2014. –

References

1. *Leninskoe znamja* [Lenin's banner]. 1940. February 15. no. 37.
2. *Leninskoe znamja* [Lenin's banner]. 1940. May 5. no. 102.
3. *Leninskoe znamja* [Lenin's banner]. 1940. June 30. no. 149.
4. *Leninskoe znamja* [Lenin's banner]. 1940. February 14. no. 36.
5. *Leninskoe znamja* [Lenin's banner]. 1940. April 3. no. 77.
6. *Leninskoe znamja* [Lenin's banner]. 1940. March 26. no. 70.
7. *Leninskoe znamja* [Lenin's banner]. 1940. July 5. no. 153.
8. *Leninskoe znamja* [Lenin's banner]. 1940. September 25. no.223.
9. *Leninskoe znamja* [Lenin's banner]. 1940. January 3. no. 2.
10. *Leninskoe znamja* [Lenin's banner]. 1940. June 3. no. 126.
11. *Leninskoe znamja* [Lenin's banner]. 1940. October 15. no. 240.
12. *Leninskoe znamja* [Lenin's banner]. 1940. March 23. no. 68.
13. *Leninskoe znamja* [Lenin's banner]. 1940. July 9. no. 156.
14. *Leninskoe znamja* [Lenin's banner]. 1940. April 3. no. 77.
15. *Leninskoe znamja* [Lenin's banner]. 1940. March 11. no. 58.
16. *Leninskoe znamja* [Lenin's banner]. 1940. June 2. no. 125.
17. *Leninskoe znamja* [Lenin's banner]. 1940. April 24. no. 95.
18. *Leninskoe znamja* [Lenin's banner]. 1940. November 24. no. 273.
19. *Leninskoe znamja* [Lenin's banner]. 1940. December 20. no. 294.
20. *Leninskoe znamja* [Lenin's banner]. 1940. January 11. no. 294.
21. *Leninskoe znamja* [Lenin's banner]. 1940. March 23. no. 73.
22. *Leninskoe znamja* [Lenin's banner]. 1940. June 28. no. 147.
23. *Leninskoe znamja* [Lenin's banner]. 1940. April 17. no. 89.
24. *Leninskoe znamja* [Lenin's banner]. 1940. September 5. no. 206.
25. *Leninskoe znamja* [Lenin's banner]. 1940. November 2. no. 256.
26. *Leninskoe znamja* [Lenin's banner]. 1940. June 18. no. 139.
27. *Leninskoe znamja* [Lenin's banner]. 1940. July 2. no. 150.
28. *Leninskoe znamja* [Lenin's banner]. 1940. July 31. no. 175.
29. *Leninskoe znamja* [Lenin's banner]. 1940. September 6. no. 207.
30. *Granin D. Chelovek ne otsjuda* [Man is not from here]. Saint-Petersburg: publishing group "Lenizdat", "Team A", 2014. 320 p.

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 94(4)"04/14":39

ГРНТИ 03.61: Этнография и историческая антропология

С.Н. Алнаддаф

Образ Европы в представлении арабов в Средние века: «Факторы формирования образа»

В статье рассматриваются факторы, которые стали ключевыми в формировании образа Европы и европейцев у средневековых арабов, их классификация по степени важности в представлении этого образа: религиозный, цивилизационно-культурный, географический, геоэкологический, исходя из степени осведомленности арабов того периода о мире в целом, где знания были сформированы арабо-мусульманским культурным наследием. Дается разъяснение исторических причин, которые стояли за формированием образа, основываясь на арабские тексты, где наибольшее внимание уделялось взглядам на другую Европу. Изучение этих факторов основано на первоисточниках и древних текстах, принадлежавших таким арабским путешественникам, как Аль-Масуди, Ибн Фадлан и др. В них имеются указания на существующие двусторонние отношения между арабами и европейцами во время войн и сражений, что дает возможность представить место Европы и ее народов в арабо-мусульманской культуре Средневековья.

Ключевые слова: европейское Средневековье, стереотип, другая Европа, арабо-исламская культура, формирование образа Европы, культурные особенности, стандарты управления.

S.N. Alnaddaf

The image of Europe in the representation of the Arabs in the Medieval Ages: «Factors of forming the image»

This article is devoted to the identifying of the factors that have become key in shaping the image of Europe and Europeans among medieval Arabs, their classification by importance in the representation of this image. Includes the following factors: religious, civilizational, cultural, geographic, geo-environmental, based on the level of awareness of the Arabs of that period about the world as a whole, where knowledge was formed by the Arab-Muslim cultural heritage. The article explains the historical reasons behind the formation of the image, based on Arabic texts, where the greatest attention was paid to the views of another Europe. The study of these factors is based on the original sources and ancient texts that belonged to such Arab travelers as Al-Masudi, Ibn Fadlan and others. There are indications of the existing bilateral re-

lations between Arabs and Europeans during wars and battles with the aim of forming general provisions on Europe and its peoples in the Arab-Muslim culture of the Middle Ages.

Key words: European Middle Ages, stereotype, other Europe, Arab-Islamic culture, the formation of the image of Europe, cultural features, management standards.

Средневековое арабо-мусульманское наследие сформулировало образ (представление) о мире, других цивилизациях и нациях. В этом образе представлены качества и особенности, не встречающиеся в арабской культуре, суждения, в которых тесно сочетаются идеи, чувства, отношения, символы и стандарты. На практике они отображены в форме совпадений, переплетений, конкуренции и цитирования. Все это в свою очередь повлияло на формирование образа, ставшего основой в представлении самобытного общества перед другими, где религиозная позиция смешалась с осознанием исторических интересов и принципа открытости культуры для чужеродных новшеств, а в сфере взаимоотношений – в войне и в мире. Арабо-мусульманская культура, представленная в различных записях, будь то в исторических или географических, в искусстве, в литературных произведениях или народном фольклоре, в письмах и дневниках арабских путешественников, отражала образ Европы и европейцев. Стиль жизни народов, климат, флора и фауна, культура и религия – все они представляли целостную картину культурного уровня другой Европы, где максимально точно и подробно были обрисованы мельчайшие моменты, насколько это позволял уровень знаний и осведомленности авторов.

Ислам, как религия, сыграл решающую роль в подпитке арабского исламского представления определенного образа, отличающегося элементами суждения и основанного на концепциях благочестия и добродетели в источниках исламского законодательства, включая Коран и сунну. Однако это представление не ограничивается только одним фактором. Средневековая арабская культура наряду с религиозным критерием основывалась, с другой стороны, на культурном критерии цивилизации, который измерялся степенью вклада этой другой цивилизации в мировую культуру и человеческое развитие. Также арабская исламская культура рассматривала другой геоэкологический критерий – расположение в различных частях земного шара, зависимость от космических и астрономических факторов. На эти суждения прямым образом влияла степень осведомленности арабов о мире в то время и фактические политические отношения, существующие между исламским государством и странами древнего мира.

Ислам привел арабов и другие народы, которые приняли эту религию, на новый этап истории. Идея сплоченности общества и ее

единство во всем многообразии были главным правилом в этом процессе. Ислам стал всеобъемлющей теорией. Существование стало процессом достижения человеком поставленных целей. Земля и небеса, данные Всевышним, были для извлечения им пользы. В аяте говорится: «Среди Его знамений – сотворение небес и земли и различие ваших языков и цветов. Воистину, в этом – знамения для обладающих знанием» [1, с. 406]. Далее религиозные различия: «Он – Тот, Кто сотворил вас. Среди вас есть неверующие, и среди вас есть верующие» [1, с. 556]. Различные народы: «О люди! Воистину, Мы создали вас из мужчины и женщины и сделали вас народами и племенами, чтобы вы узнавали друг друга, и самый почитаемый перед Аллахом среди вас – наиболее богобоязненный» [1, с. 517]. Такое существующее разнообразие представляется в исламе законом божественного творения: «Если бы Аллах пожелал, то Он сделал бы вас единой общиной....» [1, с. 235]. Хотя это разнообразие исходит из того же самого, что позже возникло в народах: «Он – Тот, Кто сотворил вас из одной души. Для вас есть место пребывания (на земле или в утробах матерей) и место хранения (в могилах или поясницах отцов. Мы уже разъяснили знамения для людей понимающих» [1, с. 140].

Параллельно с этим ислам считал, что все небесные религии исходят из одного пророческого откровения, ислам стал последней и завершающей религией. Проявление одной сущности – это ислам. Скажите: «Мы уверовали в Аллаха, а также в то, что было ниспослано нам и что было ниспослано Ибрахиму (Аврааму), Исмаилу (Измаилу), Исхаку (Исааку), Йакубу (Иакову) и коленам (двенадцати сыновьям Йакуба), что было даровано Мусе (Моисею) и Исе (Иисусу) и что было даровано пророкам их Господом. Мы не делаем различий между ними, и Ему одному мы покоряемся» [1, с. 21]. Ислам признал религии посланников священных писаний и организовал с ними взаимоотношения. Так, мусульманское общество стало цивилизованным. В Коране проявляется особое отношение к христианам: «...Ты также непременно найдешь, что ближе всех в любви к верующим, являются те, которые говорят: "Мы – христиане". Это – потому, что среди них есть священники и монахи, и потому, что они не проявляют высокомерия» [1, с. 121]. Иисусу придавалось очень важное значение и преимущество: «...Мы даровали Исе (Иисусу), сыну Марьям (Марии), ясные знамения и поддержали его Святым Духом (Джибрилем)...» [1, с. 13]. А также: «...Мессия Иса (Иисус), сын Марьям (Марии), является посланником Аллаха, Его Словом, которое Он послал Марьям (Марии), и духом от Него...» [1, с. 105]. И кто он мессия: «Мессия, сын Марьям (Марии), был всего лишь посланником» [1, с. 120].

После завоевания и установления исламского государства мусульмане и народы священных писаний, иудеи и христиане, живущие в Дар-аль-Исламе, находятся под защитой мусульман. Согласно контракту о защите, подзащитный становится гражданином Дар-эль-Ислама. По этому поводу есть высказывание Посланника Всевышнего: «У них есть все, что есть у нас, они несут те же обязательства, что и мы» [2]. Житель этих территорий считается одним из коренных жителей, частью нации, потому что он является частью Дар-аль-Ислама. Если он является экспатриантом, контракт о защите считается гражданством, таким образом, он становится членом существующей исламской политической группы [3, с. 13]. Поэтому все обязанности и ответственность он берет на себя так же, как и мусульманин, кроме как в отношении дел халифата, становления имамом и руководства джихадом. В соответствии с договором защиты подзащитный становится налогоплательщиком и отдает налог «джузия», который является суммой, оговоренной в контракте, выплачиваемой физическими лицами, за исключением женщин, детей, рабов, монахов, слепых и неимущих [4, с. 66]. Поэтому средневековые арабские путешественники и знатоки в своих странствиях по Европе, наблюдая присутствие христианства в этом регионе, выделяли какие-либо положительные признаки, которые отличают христианские территории от других европейских регионов, таких как славянские и норманнские, которые все еще находились в язычестве и предпочитали его исламу.

Ярким примером стандартного представления арабских путешественников, посетивших Европу и оцнивающих ее исходя из своего религиозно-культурного представления, является Ибн Фадлан (877–960), посетивший в 921 г. «страну тюрков, русских и славян (Скандинавия)». В тексте, посвященном обычаям повседневной религиозной жизни болгар, автор выделяет моменты, которые переключаются или отличаются от ислама в его представлении. Он заметил, что местные очень радуются, если услышат лай собак, потому что ассоциируют их с признаком добра. Некоторые из них говорят: «Это признак года плодородия, благоденствия и мира» [5, с. 9]. Это противоречило исламской культуре, так как лай собак у мусульман – от шайтана, исходя из высказывания Пророка: «Если вы слышите лай собак или крик осла ночью, просите помощи у Аллаха, воистину, они видят то, чего вы не видите». Он также был удивлен обычаем, что дед первым берет внука на руки, опережая отца, деду предоставляется право быть опекуном внука до его совершеннолетия. Если умирает мужчина, наследником становится его брат, а не сын. Ибн Фадлан, исходя из всего вышеперечисленного, сказал: «Я объяснил их правителю, что это недопустимо, рассказал правила наследования во всех подробностях, чтобы он мог

понять» [5, с. 10]. Несомненно, Ибн Фадлан говорит, что это запрещено в соответствии с исламским законодательством.

Свидетельством влияния религиозно-культурного фактора на формирование образа европейцев в представлении арабов-мусульман являются мемуары халифа Усама Ибн Мункиз (1085–1188), владельца эмирата Шизара. В своей «Книге почета» он рассказал о людях, с которыми встречался, памятных событиях и своих впечатлениях того времени. Он писал о том, как непосредственно сталкивался с европейцами в условиях и войны, и мира: в сражениях, общих трапезах, разговорах и при обмене знаниями. А также он описывал свои действия во время крестовых походов. В книге есть рассказ о халифе Ибн Мункизе, который молился в том месте, которое указали ему друзья европейцы, в мечети Аль-Акса. Он сказал: «Меня схватил один из франков, развернул в сторону востока и сказал "Молись вот так" [6, с. 72]. Затем другие франки, извиняясь, сказали: «Этот новоприбывший франк еще не знает, что молятся не только обращаясь на Восток» [6]. Комментируя этот странный случай, Ибн Мункиз делает общий вывод по франкам/крестоносцам: «Любой, кто близок к европейской стране (или тому, кто покинул ее недавно), недостаточно воспитан по сравнению с теми, кто уже живет на этой земле (принял новую культуру) и общался с мусульманами» [6]. Чем больше взаимодействия между европейцами и мусульманами, тем больше они становятся осведомленнее о новой культуре и правилах поведения, в то время как новички по-прежнему отличаются отсутствием любезности, проницательности. Ибн Мункиз здесь уверен в превосходстве арабо-мусульманской культуры.

Он упомянул еще один пример о франках, которые «акклиматизировались» и приспособились к исламскому культурному поведению. Речь о европейском рыцаре, который приготовил арабскую кухню в своем доме. Когда рыцарь пригласил его к себе и накрыл для него обильный стол, Ибн Мункиз был очень удивлен, он увидел «Качественно приготовленную и чистую еду». В это время хозяин дома ему сказал ободряюще: «Вся еда хорошая, я не ем европейскую еду, у меня есть египетские повара, я ем только то, что они готовят, и не ем свинину» [6].

Ибн Мункиз не мог понять, как мужественные франки могут мириться с ревностью к своей жене. Так, европейка могла спокойно разговаривать и находиться с чужим мужчиной наедине. Возможно, у европейских мужчин «нет грубости и ревности» [6, с. 72]. Он был изумлен, когда европейской жене было позволено сопровождать мужа, или оставаться наедине с другим мужчиной, разговаривая с ним, когда муж мог находиться вдалеке. Если жена долго разговаривала с незнакомцем, он мог их оставить и продолжить свой путь.

Религиозный критерий был не единственным, по которому арабо-мусульманское общество судило о других народах. Возможно, это разнообразие человеческих обществ, основанных на признании другого, открыло путь для принятия других критериев оценки различных немусульманских народов. Они опирались на критерий цивилизации и культуры, понимая и обращая внимание на внутренние различия в исламском обществе и придавая каждой нации, иногда и каждой стране, ее характерные особенности, отличающиеся от наций, исповедующих ислам, схожих в религиозных и культурных аспектах. Напротив, они осознали и дали всем известным народам вне пределов исламского государства особые характеристики в области культуры. Это привело к своего рода культурному релятивизму, который явно проявился в трудах Аль-Джахиза, Ат-Таухиди и Ибн Халдуна, поскольку они выделили каждую нацию и цивилизацию как играющую особую роль в области культуры. Аль-Джахиз ссылается в своих работах на цивилизации, которые процветали с различных сторон в культуре: «Например, Китай в производстве, Греция в области управления и литературы, арабы, как мы помним местоположением, Сасаниды – владениями, турки – в войне» [7, с. 67].

Ат-Таухиди (умер в 932 г.) в своей книге «Интерес и дружелюбие» сделал схожие с Аль-Джахизом логические заключения: «У каждой нации есть достоинства и пороки, и у каждой нации есть плюсы и минусы, для каждой группы людей в любой отрасли свои решения, исполнение, совершенство и недостатки. Это означает, что добрые дела, добродетели, зло и несовершенство встречаются у всех творений без исключения» [8, с. 73]. Он выделил ряд культурных особенностей для каждой нации, в том числе для европейских народов: «У персов – политика, литература, постановления и налоги. У Рима знания и мудрость. У Индии мысль, видение, проворность и магия. У турков мужество, смелость и отвага. У негров терпение, трудолюбие и умение радоваться. У арабов храбрость, поддержка, гостеприимство, верность, благородство, стойкость, щедрость, долг, проповедничество и ораторское мастерство» [8]. Арабы-мусульмане пришли к выводу, что нации равны по своим достоинствам и порокам. Это то, о чем говорил Ат-Таухиди в книге «Интерес и дружелюбие»: «Все народы разделяют добродетели и несовершенства при прохождении определенного периода и следования определенным концепциям. Кроме того, люди враждуют из-за расхождения точек зрения, привычек. Конфликты возникают из-за жадности и сластолюбия» [8]. Они использовали свои поездки по Европе и ее окраинам, чтобы углубить познания и усовершенствовать представление.

Так, Аль-Масуди (896–957) после упоминания франков и галлов (Галиция и Галия), нагбардинцев (ламбардинцев) и других северно-европейских наций, особо выделил франков. По его мнению, они «Самые могущественные и представительные расы, большинство из них многочисленны, их владения распростерты на большой территории, у них огромное количество городов, у их правителей лучшая система власти и управления государством, большинство из них покорны и послушны» [9, с. 27]. Несмотря на то что у них много правителей, они находятся под властью одного общего правителя. Их самый крупный город и столицу он называет Буэйра (Париж), оценивая его как «великолепный город». Заметно, что Аль-Масуди, человек, выросший в Багдаде, центре халифата, в столице огромного исламского государства, был впечатлен централизованной системой правления, которая заставляет представителей всех фракций поддерживать правление одного короля. Как видим, одним из критериев силы, величия и цивилизации у Аль-Масуди является систематизированность (согласно концепции его периода). Она подтверждается Аль-Масуди в другой теме, в его книге «Золотые копи», где упоминаются некоторые положительные качества русских, такие как изысканность, приверженность элегантным манерам, смелость. Однако, когда дело касается управления, и у них не обходится без отрицательных качеств. «Они великая нация, – говорит он, – они великий народ. Потому что они следуют царю и закону, не зная ни царя, ни закона». В то время как знание законов и царя – один из главных признаков цивилизации и культуры. Доверие мудрому правителю, который справедлив и следует законам, создает стабильное цивилизованное общество. Без этого хаос и применение грубой силы неизбежны [10, с. 39].

Суждения арабов влияли на них самих и на других, придавая важную роль экологическому и географическому факторам, роли звезд и астрономии на природу человека в результате полученных знаний о мире в то время. Когда они окончательно пришли к выводу в отношении идеи земного шара, думая что звезды находятся вокруг него во Вселенной, где Земля «как точка в центре круга», но круговое сечение не превышает четверти поверхности земного шара. Эта часть расположена на северной стороне планеты. Каждая нация и цивилизация имеют свое собственное географическое расположение в одном из семи регионов, на которые они разделяли огромную заполненную часть земли: с юга (экватор) на север рядом с полюсом. Здесь ученые сошлись во мнении о том, что жизнь невозможна в самых жарких странах (к югу от экватора), а из-за сильного холода – на дальнем севере. Чем ближе мы подходим к северу, тем холоднее и тем меньше вероятность нахождения цивилизации, чем больше мы шли на юг, тем жарче становилось и меньше шансов челове-

ской цивилизации. Аль-Масуди (896–957) в своей книге «Указания и наблюдения» говорит о северной части участка земли, где живут народы Европы: «Жители северных регионов, и те, кто удалился от солнца и углубился на север, например, норманны, франки и другие соседние нации, там где солнце греет слабо, их одолевают холод и влажность, снег и лед, от этого их темперамент ослаб, их тела стали большими, характер строгим, поведение сложным, понятия притупленными, языки тяжелыми, их цвет кожи стал белым, даже переходящим из белого в синий, кожа плотно прилегала к телу, мышцы стали жесткими. Глаза были такого же синего или голубого цвета и почти у всех одинаковые, волосы гладкие, становились горячими от преобладания влажного пара. Они не всегда следовали религиозным учениям, скорее всего из-за того, что преобладал холод и не было тепла. Чем дальше продвигаться на север, тем больше среди них глупости, сухости и зверства. Что касается жителей южного полушария, негров и других эфиопских народов, которые находились под экватором на самом солнце, то они были другими. Потемневшие от избытка тепла и недостатка влаги, глаза покраснели, сами они одичали. Произошло это из-за горячего воздуха и избытка солнца, до той степени, что цвет кожи сгорел, а их чувства были искажены» [11, с. 22].

Арабо-мусульманская точка зрения на другую Европу основана на религиозных, культурных, географических, экологических и астрономических критериях. Арабы принимали во внимание все эти критерии вместе при рассмотрении характеристик европейцев, их преимуществ, недостатков и достоинств, не скрывая уверенности в себе и своих ценностях. Мы должны четко различать образ Европы в арабских текстах и ее образ в представлении тех наций, которые испытали политическое и экономическое соперничество с арабами-мусульманами и христианской Европой под видом религиозных противоречий. Например, как Европа была представлена в арабо-исламском сознании тех, кому угрожали амбиции мирового ислама, проявившиеся в серии войн и вторжений. В том числе захват арабами-мусульманами Испании (Андалусия) на протяжении примерно восьми веков (711–1492), крестовые походы в XI–XII вв. нашей эры, которые закончились контролем Иерусалима и оккупацией нескольких районов берегов Леванта, многочисленные попытки арабов-мусульман завоевать Константинополь в средние века, начиная с попыток Омеядов и заканчивая Аббасидами. Все это завершилось экспансией Османской империей (1453 г.) захватившей значительную часть Восточной Европы. Многие войны и конфликты, возникшие на фоне политико-религиозных противоречий в средние века, несомненно, сильно повлияли на образ Европы в представлении арабо-мусульман.

Список литературы

1. Коран, копия Хакима Хамида, отпечатано Ахмедом Фаузи Аль-Шаммари, издатель Аль-Шамрали. – Египет, 2012. – 522 с.
2. Сборник хадисов, Ахмад ибн Али ибн Хаджар аль-Аскалани (ум. 1448), Фатх аль-Бари Шарх Сахих аль-Бухари, под руководством Мухиб аль-Дин аль-Хатиб. – Дар-эль-Райян: Наследие, 1986. – 434 с.
3. Ридуан Ас-Саид, Понятие общества в исламе, издания «Письма Джихада». – Триполи, 1985. – 430 с.
4. Аль-Гудат Хусейн. Арабы-христиане. Т. 1. – Дамаск: Аль-Ахали, 1992. 244 с.
5. Ибн Фадлан, Ахмад ибн Фадлан бен Аббас бен Рашид бен Хаммад. Письма Ибн Фадлана. редакция Сами Даххан. 2 т. – Дамаск: Учреждение возрождения арабского наследия в Дамаске, Министерство культуры, 1978. – 222 с.
6. Ибн Мункиз, поддерживающий государство, Абу Мазфар Усама бен Муршид Аш-Шабзари. Книга почета. – Каир: Библиотека религиозной культуры, без даты. – 378 с.
7. Аль-Джахиз, Абу Усман бен Бахр. Письма Аль-Джахиза. 1 ч., редакция и разъяснение Мухаммед Аль-Хаджари. – Бейрут: Ан-Нахда, 1983. – 228 с.
8. Абу Хаян Ат-Таухиди, Али бен Мухаммед бен Аль-Аббас. Интерес и дружелюбие. 1 ч., редакция Хайсам Ат-Таими. – Бейрут, Ливан: Абна Шариф Аль-Ансари, 2011. – 464 с.
9. Аль-Масуди, Абу Хасан Али бен Хусейн (ум. 957). Золотые копи и россыпи самоцветов. 1 ч. издание Камаль Хасан Мурги. – Бейрут: Современная библиотека, 2005. – 296 с.
10. Шамсетдин Аль-Кильяни. Сборник арабских рассказов в Европе. – Дамаск: Министерство культуры, 2009. – 280 с.
11. Аль-Масуди, Абу Хасан Али бен Хусейн (ум. 957). Указания и наблюдения, редакция Абдулла Исмагил Ас-Сауи. – Каир: Ас-Сауи, 1938. – 424 с.

References

1. The Quran, copy of Hakim Hamid, printed by Ahmed Fawzi Al Shammari, publisher of Al Shammari, Egypt, 2012, 522 p.
2. The collection of Hadiths, Ahmad ibn Ali ibn Hajar al-Askalani (D.1448), Fath al-Bari Sharh Sahih al-Bukhari, under the supervision of Muhib al-Din al-Khatib, Dar el-Rayyan of Heritage, 1986, 434 p.
3. Riduan As-Said, The Concept of Society in Islam, the edition of the "Letters of Jihad", Tripoli, 1985, 430 P.
4. Hussein Al Oudat "Arab Christians", publishing house "Al-Akhali", Damascus, vol.1, 1992, 244 P.
5. Ibn Fadlan, Ahmad ibn Fadlan ben Abbas ben Rashid ben Hammad, "Letters from Ibn Fadlan", edition of Sami Dakhan, vol. 2, Establishment of the revival of the Arab heritage in Damascus, Ministry of Culture, Damascus, 1978, 222 P.
6. Ibn Munkiz, Supporting State, Abu Mazfar Usama Bin Murshid Al-Shabzari, The Book of Honor, Library of Religious Culture, Cairo, no date, 378 P.
7. Al-Jahiz, Abu Usman bin Bahr, Al-Jahiz's Letters, Part 1, editorial and explanation by Mohammed Al-Hajari, Arabic edition of An-Nahda, Beirut, 1983, 228 P.

8. Abu Hayyan Al-Tawhidi, Ali bin Mohammed bin Al-Abbas, the book "Interest and friendliness", part 1, the editorial board of Haysam Al-Tahmi, the edition of Abna Sharif Al-Ansari, Beirut, Lebanon, 2011, 464 P.

9. Al-Masoudi, Abu Hasan Ali bin Hussein (D. 957), "Golden Copes and Graylifts of Gems", Part 1, edition Kamal Hasan Murgi, Modern Library, Beirut, first edition, 2005, 296 P.

10. Shams al-Din al-Kilani, Collection of Arab Stories in Europe, Ministry of Culture, Damascus, 2009, 280 P.

11. Al-Masoudi, Abu Hasan Ali bin Hussein (D. 957), "Instructions and Observations", the editorship of Abdullah Ismagil As-Sau, As-Sau Publishing House, Cairo, 1938, 424 P.

УДК 930(470)"18":82-94

ГРНТИ 03.01.09 История исторической науки. Персоналия

А.Е. Жукова

С.С. Татищев и его биография императора Александра II

В статье рассматривается жизненный путь Сергея Спиридоновича Татищева, дипломата, историка и публициста, который был одним из первых исследователей, предпринявших попытку описания и осмысления личности и деятельности императора Александра II. Татищев состоял на службе в Министерстве внутренних дел и Министерстве финансов, однако начал свою карьеру он в Министерстве иностранных дел, что отразилось на специфике его исторических исследований, достаточно большое число которых было посвящено изучению истории российской внешней политики. Одним из наиболее важных трудов С.С. Татищева была его монография «Император Александр II. Его жизнь и царствование», в которой историк осветил вопросы детства и воспитания Александра, его внутреннюю и внешнюю политику. Исследование Татищева объединило в себе множество важнейших исторических источников и заложило основу для дальнейших изысканий.

Ключевые слова: Российская империя, Александр II, С.С. Татищев, Министерство иностранных дел, история, историография.

A.E. Zhukova

S.S. Tatishhev and his biography of Emperor Alexander II

The article examines the life path of Sergej Spiridonovich Tatishhev, diplomat, historian and publicist, who was one of the first researchers who tried to describe and understand the personality and activities of Emperor Alexander II. S.S. Tatishhev served in the Ministry of Internal Affairs and the Ministry of Finance, but his career started in the Ministry of Foreign Affairs, which affected the specificity of his historical researches, a large number of which was devoted to the history of Russian foreign policy. One of the most important works of S.S. Tatishhev was his monograph "Emperor Alexander II. His life and reign", in which the historian elucidated issues of childhood and upbringing of Alexander, his domestic and foreign policy. Tatishhev's study combined many important historical sources and laid the foundation for further research.

Key words: Russian Empire, Alexander II, S.S. Tatishhev, Ministry of Foreign Affairs, history, historiography.

© Жукова А.Е., 2018

© Zhukova A.E., 2018

Период царствования Александра II, ознаменовавшийся Великими реформами, которые коснулись практически всех сфер жизни Российской империи, был одним из наиболее важных в истории нашего государства. Вполне закономерно, что современные Александру II историки и общественные деятели предпринимали попытки описания и осмысления его личности, деятельности и исторической эпохи в целом.

Одним из таких деятелей был Сергей Спиридонович Татищев (1846–1906), дипломат, историк и публицист, состоявший на службе в Министерстве иностранных дел, Министерстве внутренних дел и Министерстве финансов при трех императорах – Александре II, Александре III и Николае II.

В отечественной историографии имя С.С. Татищева связано с официально-монархическим направлением, к которому его относят, в частности, А.Н. Цамутали, отмечающий «откровенно апологетический» характер его трудов [1, с. 44–45]. В то же время некоторые ученые в своих работах не называют его имя среди историков второй половины XIX в., как например Л.В. Черепнин [2], либо, как А.Л. Шапиро, лишь упоминают С.С. Татищева как одного из «верноподданных историков» наряду с Д.И. Иловайским и Н.К. Шильдером [3]. Тем не менее, современные исследователи, например М.Ю. Лачаева, обращаются к различным аспектам его научной и профессиональной деятельности [4]. А.Э. Котов уделяет особое внимание С.С. Татищеву как представителю «катковского направления», рассматривает особенности исторического и публицистического наследия историка [5–7]. В данной статье основное внимание направлено на изучение одной из наиболее важных работ С.С. Татищева – его монографии «Император Александр II. Его жизнь и царствование».

Сергей Спиридонович родился 28 февраля 1846 г. в Петербурге [8. Л. 177]. Учился в Александровском лицее, однако курс не окончил и, имея лишь домашнее образование, успешно сдал дипломатический экзамен 5 декабря 1864 г. и был принят на службу в Министерство иностранных дел 15 декабря без всякого аттестата [8. Л. 177; 9, с. 3]. В 1865 г. С.С. Татищев был произведен в чин коллежского регистратора. Достаточно быстро для рядового канцелярского чиновника он получил назначение за границу и с 1866 по 1877 гг. занимал должности секретаря консульства в Рагузе, миссии в Афинах и посольства в Вене. В 1877 г. дипломатическая карьера Сергея Спиридоновича завершилась. Ю.С. Карцов отметил, что дипломатическую службу Татищев «бросил» и начал заниматься историческими исследованиями, а в «Родословной поколенной росписи рода Татищевых» сам Сергей Спиридонович указал, что был уволен от службы «по болезни» [9, с. 3; 8. Л. 177]. Впоследствии он участ-

вовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., а затем продолжил службу в Министерстве внутренних дел и Министерстве финансов [8. Л. 177; 10].

Параллельно С.С. Татищев сотрудничал с журналами «Русский вестник», «Новое время» и другими русскими и иностранными изданиями, занимался историческими изысканиями, посвященными различным аспектам русской истории, в том числе вопросами социально-революционного движения [11], историей царствования императоров Николая I [12; 13], Александра II [14; 15] и Александра III [16], а также генеалогией и историей своего рода [17].

Кроме того, одним из направлений его исследований была история российской внешней политики [18, 19]. Он подчеркивал важность изучения истории России и других государств для выстраивания внешнеполитического курса руководством МИД и отечественными дипломатами. В то же время Сергей Спиридонович писал о «мертвой и позорной лени и невежественности подавляющего большинства наших дипломатов», а также о том, что «тайнства дипломатии на практике сводятся <...> к приятному времяпровождению в иностранных столицах за казенный счет» [9, с. 7].

Одним из наиболее значительных исследований С.С. Татищева была его монография «Император Александр II. Его жизнь и царствование». Как отмечено в предисловии к книге самим автором, он ставил перед собой цель «собрать воедино многочисленные свидетельства об отдельных моментах и эпизодах жизни и деятельности государя Александра Николаевича и, дополнив их собственными изысканиями, составить точный и по возможности полный прагматический свод событий его царствования и личного в них участия или воздействия на них императора в области политики как внутренней, так и внешней» [14]. С.С. Татищев отмечал, что его работа есть лишь «первая просека в дремучем лесу прискорбной неосведомленности русского общества относительно фактического содержания царствования, преобразовательное, просветительное, объединительное и освободительное значение которого затрагивает все стороны нашей государственной и общественной жизни и так глубоко отразилось на исторических судьбах России» [14]. В основу работы С.С. Татищева легли материалы архивов Министерства иностранных дел, Государственного совета, бывшего III Отделения Собственной Его Величества канцелярии и других высших государственных учреждений.

Во вступительной статье Н.А. Малеванова к другой книге С.С. Татищева «Детство и юность Великого Князя Александра Александровича» приводятся интересные подробности публикации монографии об Александре II. Автор пишет, что после выхода в свет

данного исследования второй том его был задержан Петербургским цензурным комитетом в марте 1903 г. впредь до особых распоряжений. «Цензор А.М. Андрияшев обратил внимание коллег на главы, посвященные описанию истории революционного движения в России и деятельности графа М.Т. Лорис-Меликова. "Развитие революционного движения, – отметил он в своем докладе, – изложено автором подробно, хотя и сжато. Избегая в большинстве случаев указаний имен деятелей крамолы и излишних подробностей их преступных замыслов, он, тем не менее, представил яркую и цельную картину противоправительственного движения в царствование Александра II"» [16, с. 13]. Комитет согласился с заключением цензора и отметил, что произведение Татищева ввиду важности включенных в него документов, особенно доклада Лорис-Меликова с приложением его политической программы, которая в значительной части составляла государственную тайну, разрешить в свет не может, поскольку обнародование таких актов – вне компетенции комитета. Тем не менее, «в Главном управлении по делам печати, где состоял в штате после переезда из Лондона в Петербург Сергей Спиридонович, дискуссий на этот счет не возникло, и оба тома были разрешены к продаже» [16, с. 13].

В первом томе монографии С.С. Татищева рассмотрены вопросы детства и юности Александра II, особенности его воспитания и обучения, деятельности цесаревича и его женитьбы. Отдельные главы касаются первых лет царствования, событий внешней политики и польского вопроса. Наиболее пристальное внимание историк уделил отмене крепостного права и последующим событиям. Второй том открывают главы, посвященные «годам мирного развития» – 1866–1876 гг., осветившие не только внутренние реформы императора, но и события, происходившие на международной арене. Также Татищев отдельно изложил преобразования в различных отраслях государственного управления: военной, финансовой, образовательной. Кроме того, особое внимание исследователя обращено на «освобождение балканских христиан» и сложившуюся вследствие Берлинского конгресса внешнеполитическую обстановку. Последние главы работы касаются революционного движения, программы Лорис-Меликова и окончания царствования Александра. Кроме того, в приложениях к труду С.С. Татищева имеются «Оправдательные документы» к главе, где речь идет о союзе Германии и Австро-Венгрии против России, среди которых присутствуют письма, телеграммы и другие документы Александра II, Вильгельма I, князя Бисмарка и др.

Подводя итоги царствования императора Александра II, С.С. Татищев отмечал, что в «длинном ряду русских самодержцев из дома Романовых, создателей единства, могущества и величия России, император Александр II занимает почетное место, как пре-

образователь, просветитель, объединитель и освободитель своего государства и народа» [15, с. 661]. При этом историк признавал, что не все начинания императора увенчались успехом и воплотились в жизнь, однако причиной этого он назвал «промахи, ошибки, заблуждения, увлечения, страсти советников и сотрудников императора, не всегда точных исполнителей его державной воли, а также неподготовленность русского общества к восприятию дарованных ему щедрой царской рукой гражданских прав» [15, с. 662].

Относительно реакции общества на историческое исследование С.С. Татищева российский ученый историк-архивист Н.А. Малеванов отмечает, что «историю императора Александра II Татищева его современники расценивали как «классическое сочинение, ознакомиться с которым каждый интересующийся историей России безусловно обязан и без которого не в состоянии обойтись ни один исследователь эпохи» [16, с. 13–14].

Таким образом, Сергей Спиридонович Татищев, представитель древнего дворянского рода, чиновник, много лет состоявший на государственной службе в различных учреждениях, не имевший специального исторического образования, внес значительный вклад в изучение жизни и деятельности императора Александра II, объединив в своем исследовании множество важнейших исторических источников и заложив основу для дальнейших исследований. Более того, он изучал не только судьбы и реформы монархов, но и вопросы внешнеполитической истории, близкие ему по роду службы, а также занимался генеалогией своего рода.

Список литературы

1. Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. – Л., 1986.
2. Черепнин Л.В. Отечественные историки XVIII–XX вв. – М., 1984.
3. Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. – М., 1993.
4. Историография истории России до 1917 г.: учеб. для студ. высш. учеб. заведений / под ред. М.Ю. Лачаевой: в 2 т. – М., 2004. – Т. 2.
5. Котов А.Э. Консервативная печать в общественно-политической жизни России 1860-х – 1890-х годов: М.Н. Катков и его окружение: дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 2016.
6. Котов А.Э. Два русских «Алкивиада»: К.Н. Леонтьев и С.С. Татищев // Клио. – 2013. – № 7 (79).
7. Котов А.Э. Катковское направление // Родина. – 2015. – № 2.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 878. Оп. 2. Д. 6.
9. Карцов Ю.С. Сергей Спиридонович Татищев. Страница воспоминаний. – Петроград, 1916.
10. Ежегодник Министерства иностранных дел. 1902. – СПб., 1902.
11. Татищев С.С. Обзор социально-революционного движения в России. – СПб., 1880.

12. Татищев С.С. Император Николай I и иностранные дворы. Исторические очерки. – СПб., 1889.
13. Татищев С.С. Внешняя политика императора Николая I. – СПб., 1887.
14. Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование: в 2 т. – СПб., 1903. – Т. 1.
15. Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование: в 2 т. – СПб., 1903. – Т. 2.
16. Татищев С.С. Детство и юность Великого Князя Александра Александровича. – URL: <http://feb-web.ru/feb/rosarc/vka/vka-0052.htm> (дата обращения: 06.04.2018).
17. Татищев С.С. Род Татищевых. 1400–1900. – СПб., 1900.
18. Татищев С.С. История российской дипломатии. – СПб., 2010.
19. Татищев С.С. Дипломатические беседы о внешней политике России. – СПб., 1890.

References

1. *Camutali A.N. Bor'ba napravlenij v russoj istoriografii v period imperializma* [Struggle of directions in Russian historiography in the period of imperialism]. – Л., 1986.
2. *Cherepnin L.V. Otechestvennyye istoriki XVIII – XX vv.* [Domestic historians of the XVIII – XX centuries] – М., 1984.
3. *Shapiro A.L. Russkaya istoriografiya s drevneyshikh vremen do 1917 g.* [Russian historiography from ancient times to 1917] – М., 1993.
4. *Istoriografiya istorii Rossii do 1917 g.* [Historiography of the history of Russia until 1917]: *ucheb. dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy / pod red. M.YU. Lachayeyov:* в 2 т. Т. 2. – М., 2004.
5. *Kotov A.E. Konservativnaya pechat' v obshchestvenno-politicheskoj zhizni Rossii 1860-kh – 1890-kh godov: M.N. Katkov i yego okruzeniye* [Conservative press in the social and political life of Russia in the 1860s-1890s: M.N. Katkov and his entourage]: *dis. ... d-ra ist. nauk.* – СПб., 2016.
6. *Kotov A.E. Dva russkikh «Alkiviada»: K.N. Leont'yev i S.S. Tatishhev* [Two Russian "Alcibiades": K.N. Leontiev and S.S. Tatishhev] // *Клио.* – 2013. № 7 (79).
7. *Kotov A.E. Katkovskoye napravleniye* [Katkov's school] // *Rodina.* – 2015. № 2.
8. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA)* [The Russian state historical archive] F. 878. Op. 2. D. 6.
9. *Karcov Ju.S. Sergej Spiridonovich Tatishhev. Stranica vospominanij* [Sergej Spiridonovich Tatishhev. The page of memories]. – Петроград, 1916.
10. *Ezhegodnik Ministerstva inostrannyh del. 1902* [Annuary of the Ministry of Foreign Affairs]. – СПб., 1902.
11. *Tatishhev S.S. Obzor social'no-revoljucionnogo dvizhenija v Rossii* [Review of the socio-revolutionary movement in Russia]. – СПб., 1880.
12. *Tatishhev S.S. Imperator Nikolay I i inostrannyye dvory. Istoricheskiye ocherki* [Emperor Nicholas I and foreign courts. Historical essays]. – СПб., 1889.
13. *Tatishhev S.S. Vneshnjaja politika imperatora Nikolaja I* [Foreign policy of the Emperor Nicolas I]. – СПб., 1887.
14. *Tatishhev S.S. Imperator Aleksandr II. Ego zhizn' i carstvovanie* [The Emperor Alexander II. His life and reign.]. – В 2х тт. Т. 1.– СПб., 1903.
15. *Tatishhev S.S. Imperator Aleksandr II. Ego zhizn' i carstvovanie* [The Emperor Alexander II. His life and reign.]. – В 2х тт. Т. 2. – СПб., 1903.

16. *Tatishhev S.S. Detstvo i junost' Velikogo Knjazja Aleksandra Aleksandrovicha* [Childhood and youth of Grand Duke Alexander Alexandrovich]. – URL: <http://feb-web.ru/feb/rosarc/vka/vka-0052.htm> (дата обращения: 06.04.2018).
17. *Tatishhev S.S. Rod Tatishchevykh. 1400–1900* [The Tatishhev family. 1400–1900]. – СПб., 1900.
18. *Tatishhev S.S. Istorija rossijskoj diplomatii* [History of Russian diplomacy]. – СПб., 2010.
19. *Tatishhev S.S. Diplomaticheskie besedy o vneshnej politike Rossii* [Diplomatic talks on Russia's foreign policy]. – СПб., 1890.

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 94(470):001

ГРНТИ 03.01.09 История исторической науки. Персоналия

В.Г. Иофе

Крупный ученый, талантливый организатор науки и образования

Статья посвящена жизни и деятельности А.Э. Шмидта – крупного востоковеда-арабиста исламоведа, профессора Петербургского (Петроградского) Университета, члена-корреспондента Российской академии наук. А.Э. Шмидт был одним из основателей Туркестанского государственного университета (ныне Национальный Университет Узбекистана) и Восточного института, председателем Туркестанского общества историко-филологических и социально-экономических наук, одним из создателей каталога восточных рукописей. Исследованы основные этапы деятельности А.Э. Шмидта как ученого и педагога, организатора высшего образования в Средней Азии, показаны основные направления его научных исследований. Характеризуется роль А.Э. Шмидта в привозке в Ташкент из Усяфы Корана Османа, в изучении, научном анализе и публикации восточных рукописей, а также в формировании первых исторических архивов в Средней Азии.

Ключевые слова: востоковедение, ислам, Коран Османа, Туркестанский университет, Абу Юсуф (Йусуф), Восточный институт, исторические архивы, рукописехранилище.

V.G. Iofe

A great scientist, talented organizer of science and education

The article is devoted to the life and activities of a major orientalist-Arabist islamologist, St. Petersburg (Petrograd) University Professor, corresponding member of The Russian Academy of Sciences A.E. Schmidt. A.E. Schmidt was one of the founders of the Turkestan State University (now the National University of Uzbekistan) and the Eastern Institute, Chairman of the Turkestan society of historical, philological and socio-economic sciences, one of the creators of the catalog of Oriental manuscripts. The article highlights the main stages of A.E. Schmidt activities as a scientist and teacher, organizer of higher education in Central Asia, shows the main directions of his research. A. E. Schmidt's role in bringing of the Osman Koran to Tashkent from Ufa, in studying, scientific analysis and publication of Eastern manuscripts, and also in formation of the first historical archives in Central Asia is shown.

Key words: Oriental studies, Islam, Osman Koran, Turkestan University, Abu Yusuf, Eastern Institute, historical archives, manuscript storage.

Среди ярких страниц истории контактов Запада и Востока – жизнь и деятельность на земле Узбекистана выдающегося ученого – Александра Шмидта. Александр Эдуардович Шмидт родился 12 (24) марта 1871 г. в Астрахани в семье военного врача. Отец его был родом из обрусевших немцев. В 1889 г. А.Э. Шмидт закончил с золотой медалью 1-ю Тифлисскую классическую гимназию (ныне г. Тбилиси, Грузия), а затем продолжил учёбу на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета (арабско-персидско-турецкое отделение), который и окончил в 1894 г. с дипломом первой степени. Уже в те годы были заметны его блестящие способности к изучению языков. А с течением времени он не просто овладел, а практически в совершенстве знал многие древние и новые европейские и восточные языки; в их числе – латинский, греческий, древнееврейский и новоеврейский, французский, английский, немецкий, испанский, итальянский, голландский, арабский, персидский, турецкий и узбекский языки.

Еще со студенческой скамьи он проявлял способности и склонности к научно-исследовательской работе. Как ученый Шмидт сформировался под влиянием и руководством известного востоковеда Виктора Романовича Розена. Уже в 1897 г. вышла первая статья А.Э. Шмидта по арабистике, а с 1898 г. Александр Эдуардович Шмидт начал преподавать в качестве приват-доцента на восточном факультете Санкт-Петербургского университета, где читал лекции по исламоведению и вел занятия по арабскому языку. В течение длительной научной командировки за рубеж он тесно сотрудничал с известным голландским ученым-востоковедом Яном Михелем де Гуэ (нидерландским арабистом, который был с 1886 г. иностранным членом-корреспондентом Петербургской академии наук; занимался изданием сочинений средневековых арабоязычных историков и географов). Одновременно А.Э. Шмидт работал в Александровском лицее, а позднее был секретарём редакции газеты «Санкт-Петербургские ведомости». В 1907–1920 гг. он был в Российской Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге старшим помощником библиотекаря, библиотекарем, помощником директора. В 1912–1913 гг. Шмидт тесно сотрудничал с журналом «Мир Ислама». В нескольких номерах журнала А.Э. Шмидт опубликовал очерки по истории ислама, а также написал и опубликовал рецензию на материалы о Средней Азии, вышедшие во французском журнале «Обозрение мусульманского мира». В 1914 г. Шмидт успешно защитил магистерскую диссертацию («Абдал-Ваххаб-аш-Шараний и его "Книга рассыпанных

жемчужин"»). В это же время Шмидт также часто выступал с научными докладами и сообщениями в Восточном отделении Русского археологического общества (Санкт-Петербург) и Лазаревском институте (Москва). С 1 сентября 1917 г. Шмидт становится профессором Петроградского университета. В июле 1918 г. на съезде преподавателей высшей школы в Москве А.Э. Шмидт был избран профессором и деканом историко-филологического факультета и одновременно преподавателем восточного факультета Петроградского университета. С 1 октября 1918 г. он стал работать и на этнолого-лингвистическом факультете Лазаревского института восточных языков (позднее, с 1921 г. – Московский Институт востоковедения) в Москве, где читал курс мусульманского права и исламоведения, а с 1920 г. был членом Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук.

Когда в Ташкенте произошло важное событие – создание первого университета в Средней Азии, А.Э. Шмидт, всегда интересовавшийся проблемами изучения истории Средней Азии, развитием образования в Туркестане, принял активное участие в подготовительной работе по формированию и открытию Государственного университета (ныне Национальный Университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека). 29 июня – 1 июля 1918 г. он участвовал в совещании по вопросам организации работы университета в Ташкенте, на котором присутствовали представители ведущих вузов. Петроградские востоковеды на нем были представлены В.В. Бартольдом и А.Э. Шмидтом, который был избран членом оргкомитета по созданию государственного университета в Ташкенте. В августе 1919 г. вместо оргкомитета было организовано правление создаваемого ташкентского вуза, председателем правления стал известный ученый-почвовед Н.А. Димо, а его заместителем А.Э. Шмидт. 31 августа 1919 г. А.Э. Шмидт стал заместителем ректора этого университета, и в этом качестве он был 17 января 1920 г. был командирован в Ташкент, куда и выехал в феврале 1920 г., возглавляя первую группу профессоров, направленную в Ташкент. Кроме подбора преподавателей для университета, он также занимался комплектованием его библиотеки [1, с. 115–137].

10 апреля 1920 г. А.Э. Шмидт во главе группы преподавателей университета прибыл на санитарном поезде № 159 в Ташкент. Во время поездки он обращался за содействием к командующему Туркестанским фронтом, послав ему телеграмму: «Делегация ТГУ прибыла в Актюбинск. Дальнейшее продвижение крайне затруднительно. Просим приказа внеочередной отправки» [2. Л. 98, 102].

С конца 1920 г. и до середины 1921 г. А.Э. Шмидт являлся деканом и профессором историко-филологического факультета

ТуркГУ. В апреле 1920 г. он был избран профессором Восточного института, который создавался в Ташкенте одновременно с университетом, а в декабре 1920 г. стал его ректором. На этих должностях А.Э. Шмидт находился до середины 1921 г. В Восточном институте он читал лекции по исламоведению, мусульманскому праву, мусульманской догматике, истории, арабской литературе и арабскому языку. Его студентами в этом институте были, ставшие позднее известными учеными или писателями, М.О. Ауэзов, Е.К. Бетгер, А.К. Боровков, М.И. Шевердин. Под его председательством в 1920–1922 гг. при Туркестанском университете функционировало Общество историко-филологических и социально-экономических наук. Он также состоял членом Совета Туркестанского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис). В сентябре 1920 г. в составе группы востоковедов он совершил поездку в Бухару для осмотра памятников старины и принятия мер для их охраны; а в 1922 г. участвовал в экспедиции в город Туркестан для исследования мавзоля Ахмада Яссави. С 1922 г. А.Э. Шмидт одновременно работал помощником редактора ташкентского журнала «Наука и просвещение», с августа 1922 года по февраль 1923 г. являлся заместителем председателя Государственного ученого совета при Наркомпросе Туркестанской АССР. В 1920–1921 гг. А.Э. Шмидт являлся членом Научной комиссии по изучению быта коренного населения Туркестана [3. Л. 2]. В середине 20-х гг. XX в. он также принимал активное участие в исследовательских экспедициях в Киргизию и Туркмению, а в июле 1923 г. А.Э. Шмидт участвовал в доставке КОРАНА ОСМАНА из Уфы в Ташкент [4].

В этот период Шмидт имел уже очень широкую известность и как крупный ученый-востоковед, и как талантливый организатор науки и образования. Как справедливо указывал Ю.С. Флыгин, «глубокие и основательные научные познания, исключительная преданность работе, достойнейшие человеческие качества А.Э. Шмидта снискали ему любовь и уважение друзей, коллег и учеников» [5]. В 1923 г. к 25-летию первой его лекции в качестве преподавателя Петербургского университета (15 января 1898 г.) был издан «Сборник Туркестанского Восточного Института в честь профессора А.Э. Шмидта» [6]. Сборник включал разнообразные востоковедческие статьи. Среди его авторов были В.Л. Вяткин, Е.К. Бетгер, М.С. Андреев, А.А. Семенов, Н.Г. Маллицкий, Е.Д. Поливанов и др. Авторы сборника писали, обращаясь к Шмидту: «Преподаватели и студенты Туркестанского Восточного Института горячо приветствуют Вас, – своего старшего сочлена и высокоавторитетного учителя... и просят благосклонно принять их совместный труд, как посильную дань глубокого к Вам почтения и признательности за

всегдашнее теплое и отзывчивое к ним отношение» [7]. В сентябре 1924 г. Восточный институт был преобразован в Восточный факультет Среднеазиатского государственного университета и А.Э. Шмидт стал деканом Восточного факультета САГУ и был им до 1926 г., когда он был назначен проректором САГУ по учебной работе. В сентябре 1928 г. Шмидт ушел с должности проректора САГУ. По ходатайству руководства университета в августе 1929 г. ему назначили в связи плохим состоянием здоровья персональную пенсию «в знак признательности за большой вклад в дело становления вуза», при этом А.Э. Шмидт продолжал преподавать в университете. Но в 1930 г. восточный факультет САГУ был закрыт, а в марте 1931 г. было прекращено изучение арабского языка в университете.

В апреле 1933 г. постановлением правительства Узбекистана «Об объединении республиканских рукописных фондов» Государственная публичная библиотека в Ташкенте была определена как Центральное рукописохранилище Узбекистана. В библиотеку стали поступать в значительном количестве рукописи из библиотек и учреждений других городов Узбекистана. Для организации хранения и изучения рукописей в библиотеку были приняты на работу в качестве сотрудников крупные востоковеды – проф. А.А. Молчанов (с мая 1933 г.), проф. А.Э. Шмидт (с июня 1934 г.) и проф. А.А. Семенов (с мая 1936 г.). Большую роль в работе над рукописями сыграл замечательный знаток старинных рукописей И. Адылов, который вместе со Шмидтом, Семеновым и Молчановым подготовил к изданию первый том Каталога восточных рукописей. Шмидт работал в Восточном отделе Государственной публичной библиотеки Узбекистана и в других учреждениях Ташкента, посещал с научными целями Ленинград и Москву. Он занимался описанием восточных рукописей. Позднее рукописи были изданы в виде восьми томов Собрания восточных рукописей Академии наук. В последние годы жизни А.Э. Шмидт по поручению Института востоковедения АН работал над трудами великого Абу Али Ибн Сино (Авиценны); над комментированным текстом «Книги о налоге» судьи эпохи Харун ар-Рашида – Абу Йусуфа (Юсуфа) – важного источника к характеристике социально-экономической истории халифата VIII–IX вв. Как и многие другие, А.Э. Шмидт оказался в числе жертв политических репрессий 1930-х гг. Правда, был освобожден, но «окончательно» только незадолго до смерти [7]. Скончался Александр Эдуардович Шмидт в Ташкенте 9 августа 1939 г. и был похоронен в Ташкенте, на т.н. Боткинском кладбище. Отражением признания заслуг в научно-педагогической деятельности А.Э. Шмидта явилось его избрание в 1926 г. членом-корреспондентом тогдашней союзной Академии наук (в те годы единственным из Узбекистана) [8]. Вся жизнь и деятель-

ность А.Э. Шмидта – яркое свидетельство тесных связей культуры Востока и Запада.

В заключение хочется особо выделить то, в чем он был самым первым или одним из первых на благородном пути развития науки, образования, прогресса, глубокого и объективного изучения истории нашей страны. Да, А.Э. Шмидт был крупным ученым востоковедом, исламоведом, одним из создателей университета в Ташкенте, первым деканом историко-филологического факультета [9. Л. 31–38; 10. Л. 41–42; 11. Л. 51]. Но в чем же он был в полном смысле – ПЕРВЫЙ!!! Или одним из самых первых:

- первый ученый Средней Азии, чьи работы по востоковедению появились (были опубликованы) и стали известны за рубежом во Франции, Голландии и т. д.;

- руководитель первой группы ученых, прибывших в Ташкент из Москвы и Петрограда для помощи в организации университета в Ташкенте;

- первый председатель Туркестанского общества историко-филологических и социально-экономических наук;

- в XX в. – один из первых исследовал исторический памятник – мавзолей Ахмада Яссави в Туркестане;

- он – тот, кто привез из Уфы в Ташкент выдающийся памятник духовности Востока, священный для мусульман КОРАН ОСМАНА и был среди первых, кто создал и издал т. 1 Каталога восточных рукописей (а затем Собрания восточных рукописей);

- первый комментатор «КНИГИ О НАЛОГЕ» Абу Йусуфа (судьи Гаруна аль-Рашида – знаменитого арабского халифа) – важнейшего источника по характеристике социально-экономической истории VIII–IX веков;

- по поручению первых управляющих Центрального управления архивным делом В.Н. Кучербаева и Д.И. Нечкина, был среди тех, кто собирал документы, комплектовал и создавал систему исторических архивов в Туркестане и Узбекистане;

- первый и долгое время единственный на всю Среднюю Азию человек, избранный членом-корреспондентом Российской (тогда союзной) Академии наук;

- один из создателей ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА в Средней Азии (потом Восточного факультета), первый ректор Восточного института, потом декан восточного факультета университета.

Список литературы

1. Германов В. Восточный фронт // Восток – Oriens. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 1996. – № 3. – С. 115–137.

2. Центральный Государственный Архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Ф. р- 368. Оп. 4. Д. 5.

3. ЦГА РУз. Ф. р-368. Оп. 13. Д. 5.

4. Флыгин Ю. Памяти востоковеда А. Шмидта, вернувшего в Ташкент священный Коран Османа // Письма о Ташкенте. Историко-художественный интернет-альманах. 18 апреля 2015. – URL: <http://mytashkent.uz> (дата обращения: 12.05.2017).

5. Флыгин Ю. Тот, кто возвращал в Ташкент Коран Османа // Звезда Востока. – 2007. – 26 февр. – № 1.

6. Лунин Б.В. Историография общественных наук в Узбекистане. Библиографические очерки. – Кн. 1. Ташкент: Фан, 1974. – 384 с.

7. Лунин Б.В. Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). Изд. подготовили Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. – СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 2003. – 496 с.

8. Лунин Б.В. Библиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана. Т. 1. Сост. Б. В. Лунин. Ташкент, АН УзССР. Ин-т истории. – Ташкент: Фан, 1974. – [Кн. 2]. 1. – 1976. – 438 с.

9. Государственный Архив (ГА) г. Ташкента. Ф. ТГУ-САГУ-ТашГУ-НУУз. Ф. 38. Оп. 3. Д. 985.

10. ГА г. Ташкента. Ф. 38 – ф.ТГУ-САГУ-ТашГУ-НУУз. Оп. 1. Д. 582.

11. ГА г. Ташкента. Ф. 38 – ф.ТГУ-САГУ-ТашГУ-НУУз. Оп. 3. Д. 441.

References

1. *Germanov V. Vostochnyj front [Eastern front] // Vostok – Oriens. Afroaziatskie obshhestva: istorija i sovremennost'*. Moskva: Nauka, 1996. № 3. S. 115–137.

2. *Central'nyj Gos. Arhiv Respubliki Uzbekistan (CGA RUz) [The Central State. Archive of the Republic of Uzbekistan (TSGA RUz)]. F. R-368. Op. 4. D. 5.*

3. *CGA RUz. F. r-368. Op. 13. D. 5.*

4. *Flygin Ju. Pamjati vostokoveda A. Shmidta, vernuvshego v Tashkent svjashennyj Koran Osmana [Memory orientalist A. Schmidt, who returned to Tashkent the Holy Koran] // Pis'ma o Tashkente. Istoriko-hudozhestvennyj internet-al'manah. 18 aprelja 2015. – URL: <http://mytashkent.uz> (data obrashhenija 12.05.2017).*

5. *Flygin Ju. Tot, kto vozvrashhal v Tashkent Koran Osmana [The one who returned to Tashkent the Koran] // Zvezda Vostoka. T., 2007. 26 fevralja. №1.*

6. *Lunin B.V. Istorigrafija obshhestvennyh nauk v Uzbekistane. Biobibliograficheskie ocherki [Historiography of the social Sciences in Uzbekistan. The bibliographic]. Tashkent: Fan, 1974. – 384 p.*

7. *Lunin B.V. Ljudi i sud'by Bibliograficheskij slovar' vostokovedov-zhertv politicheskogo terrora v sovetskij period. (1917–1991) [People and destiny Bibliographical dictionary of Orientalists-victims of political terror during the Soviet period. (1917–1991)] Izd. podgotovili Ja. V.Vasil'kov, M.Ju. Sorokina. – SPb.: Centr «Peterburgskoe vostokovedenie», 2003. – 496 s.p*

8. *Lunin B.V. (sostavitel') Biobibliograficheskie ocherki o dejateljah obshhestvennyh nauk Uzbekistana [Biobibliographic essays on the social Sciences of Uzbekistan] T. 1. Sost. B.V. Lunin. Tashkent, AN UzSSR. In-t istorii. – Tashkent: Fan, 1974. [Kn. 2]. 1. – 1976. – 438 s.*

9. *Gos. Arhiv (GA) g.Tashkenta [State. Archive (HA) of Tashkent city]. F. TGU-SAGU-TashGU-NUUz. F. 38, On. 3. D. 985.*

10. *GA g. Tashkenta. F. 38. TGU-SAGU-TashGU-NUUz. Op. 1. D. 582.*

11. *GA g. Tashkenta. F. 38. TGU-SAGU-TashGU-NUUz. Op. 3. D. 441.*

В.Н. Куприянов, А.В. Лосик

Перелет Юрия Гагарина из Куйбышева в Москву и его триумфальная встреча в столице. В 2-х частях

Часть первая. Перелет Юрия Гагарина из Куйбышева в Москву

В статье дается критический анализ публикаций о перелете Ю.А. Гагарина из Куйбышева в Москву. Предпринята попытка дать достоверную реконструкцию исторического перелета с учетом возможно полного описания сопутствующих событий. С учетом свидетельств очевидцев и участников событий прослежен весь ход этой операции с различных точек зрения для исключения ошибок памяти, неизбежных при рассказах. Предпринята попытка выявить наиболее полный состав участников этого перелета и лиц, принимавших участие в его обеспечении и осуществлении.

Описано как был согласован синхронный пролет самолетов эскорта над Внуковским аэродромом во время движения Юрия Гагарина от самолета, в котором он был доставлен в Москву, к правительственной трибуне, где находились руководители государства и его родственники.

Ключевые слова: Юрий Гагарин, первый космонавт, перелет из Москвы в Куйбышев, участники перелета, летчики эскорта.

V.N. Kupriyanov, A.V. Losik

Flight of Yuri Gagarin from Kuibyshev to Moscow and his triumphal meeting in the capital. In 2 parts. Part one. Flight of Yuri Gagarin from Kuibyshev to Moscow.

The article gives a critical analysis of publications on Yu.A. Gagarin flight from Kuibyshev to Moscow. An attempt to give a reliable reconstruction of the historical flight, taking into account the possibly full description of the accompanying events was made. Taking into account witnesses and participants' testimonies of the events, the entire course of this operation is traced from different points of view in order to exclude memory errors inevitable in the stories. An attempt to identify the most complete lineup of the participants of this flight and those who took part in its provision and implementation was made.

It was described how the simultaneous flight of the escort aircraft over the Vnukovo airdrome was coordinated during the movement of Yuri Gagarin from the plane in which he was delivered to Moscow to the government rostrum where the state leaders and his relatives were located.

Key words: Yuri Gagarin, the first cosmonaut, flight from Moscow to Kuibyshev, participants in the flight, escort pilots.

13 апреля, после заслушивания отчета Ю.А. Гагарина о полете на заседании Государственной комиссии, все руководство улетело в Москву. Наступило время подготовки триумфального возвращения первого космонавта в столицу нашей Родины, которое планировалось на 14 апреля 1961 г.

Как считает сын Хрущева Сергей, Н.С. Хрущев придумал устроить Гагарину небывалую встречу: «самолет с эскортом истребителей, заполненные люди улицы Москвы во время встречи, митинг на Красной площади» [1]. Если бы все это было так, то в первом сообщении ТАСС о запуске Юрия Гагарина в космос не было бы указано его воинское звание – майор. Но оно было указано. С.Н. Хрущев, видимо, положился на свою память, но документы, распечатанные миллионными тиражами, опровергают его утверждение.

Вот звание «Летчик-космонавт СССР» действительно появилось 14 апреля в соответствующем указе. Точно так же, полагаем, и улицы Москвы, запруженные народом, вряд ли придумал только Н.С. Хрущев. А кто устраивал толпы народа в Куйбышеве и других городах страны? С.Н. Хрущев, кажется, немного недооценил самостоятельность народа.

13 апреля, как вспоминал Н.П. Каманин, «нас замучили телефоны, корреспонденты, далекие и близкие знакомые Гагарина. Человек шесть кинооператоров готовы без перерывов производить киносъёмки, фотографировать, задавать бесконечные вопросы... Вечером два раза звонил товарищ Л.И. Брежнев и несколько раз – Главный маршал авиации Константин Андреевич Вершинин. Обоих беспокоила завтрашняя погода. Прогноз погоды по району Москвы на 14 апреля был плохим: 100–200 м высота облаков, мокрый снег и плохая видимость» [2].

Еще 12 апреля, в день запуска Ю. Гагарина, Н.С. Хрущев находился на отдыхе в Абхазии, в Пицунде. В тот день обычные его занятия отошли на второй план. Он ждал новостей от С.П. Королева.

«Никто заранее не планировал ритуала встречи первого космонавта, не намечал особых торжеств, с одной стороны, суеверно не хотел искушать судьбу, с другой стороны – привычка к бюрократической рутине: выполнил задание Родины – получи награду и вперед, к новым свершениям...», – так вспоминал об этом много лет спустя Сергей Никитович Хрущев. Полагаем, что здесь он все-таки находится в положении «предполагающего» о возможном течении событий. Об этом говорит хотя бы такой штрих его воспоминаний: «После звонка Королева отец, соединившись с министром обороны

Малиновским, спросил: "Как маршал думает отметить полет Гагарина?" – Надо наградить, Никита Сергеевич, и присвоить очередное звание капитана, – отрапортовал министр.

- Жадничаєте, Родион Яковлевич, за такое – и всего очередную звездочку на погоны?

- Дадим майора! - с готовностью отозвался Малиновский.

- Надо не только присвоить звание Героя Советского Союза, но придумать какое-то особенное звание, – фантазировал отец. Так родилось звание "Летчик-космонавт"» [1].

Относительно возможного варианта встречи очень любопытными представляются воспоминания Ю. Волынкина, как он пишет о себе, бывшем в то время «руководителем одного из подразделений медицинской службы ВВС». Известно, что в то время он возглавлял ЦНИИ Военно-авиационной медицины. «Однажды я был вызван к Главкому ВВС К.А. Вершинину, чтобы получить инструкции по встрече Ю.А. Гагарина в столице после его прилета. Предлагался такой порядок: небольшой группой сотрудников нужно будет выехать на один из подмосковных аэродромов, где организовать встречу и первичное обследование космонавта. Мне подумалось, что такая встреча человека, который впервые облетит земной шар на космическом корабле, будет слишком скромной. Своими сомнениями я поделился с Главкомом. Вспомнил о торжественной встрече челюскинцев, папанинцев, чкаловского экипажа. Главком задумался: "Действительно, так не годится. Этот вопрос будет решаться в других организациях". И взялся за трубку правительственного телефона» [3].

Завершая свои воспоминания, связанные с эпизодом встречи, С.Н. Хрущев написал: «Когда во "Внуково" Юра с женой, ошарашенные всем происходящим, садились в открытый парадный "ЗИЛ", отец никак не мог решиться, как ему поступить: ему очень хотелось сесть вместе с ними, разделить их радость, ведь и он к ней причастен, с другой стороны – это их праздник, и нужен ли здесь третий лишний? Все решил Гагарин. Он уже был в машине и стоял в позе маршала, готовящегося принять парад своих полков. Юра улыбнулся отцу и, как бы помогая ему подняться в машину, протянул руку: "Что, мол, Вы медлите?" Отец устроился на заднем сиденье. Так они вместе проехали весь путь: Ленинский проспект, ликующую будущую площадь Гагарина и дальше – в Кремль. Юра с Валей – стоя, отец сзади – сидя» [1].

Если обратиться к просмотру хроники того времени, то видно, что Н.С. Хрущев, Ю.А. Гагарин и его супруга находились на одном сидении сзади, а место рядом с водителем пустовало.

Правда, в Плане организации встречи космонавта в городе Москве, который являлся Приложением № 4 к Постановлению

ЦК КПСС и СМ СССР № 320-138 от 12.04.1961, на тот момент имевшему гриф «Сов. секретно», проект которого Д. Устинов, А. Шелепин, К. Вершинин, П. Демичев, И. Сербин представили в ЦК КПСС 11 апреля 1961 г., было прямо записано: «Дети преподносят космонавту и членам Президиума ЦК КПСС цветы. После этого товарищ Н.С. Хрущев, товарищ Ю.А. Гагарин обходят ряды трудящихся, прибывших для встречи. Затем товарищ Н.С. Хрущев, товарищ Ю.А. Гагарин и его жена направляются в открытой машине ЗИЛ-111, эскортируемой мотоциклистами на Красную площадь» [4, с. 148–149].

Вернемся к последовательному изложению событий. Решения принимались на самом высоком уровне в Москве. Все было продумано до мелочей. Собрали в Москву родственников Ю.А. Гагарина. По особому распоряжению они были одеты соответственно случаю. Мама Ю.А. Гагарина вспоминала, что все это было непривычно для них, привыкших все зарабатывать собственным трудом. Но, понимая ответственность момента, они согласились на это [5, с. 162]. Особенно она волновалась за отца Ю.А. Гагарина – Алексея Ивановича, который отличался независимым нравом, с подчеркнутым чувством собственного достоинства. Он даже известие о запуске в космос Юрия Гагарина не отнес к себе никак. В тот день он спозаранку отправлялся на работу. Когда ему сказали, что в космосе находится наш летчик майор Юрий Гагарин и спросили, не твой ли это сын, отец ответил: «Мой еще старший лейтенант, наверное, это кто-то другой». И продолжил свой путь на работу...

Надо сказать, это очень напомнило историю, случившуюся много позже и не у нас. Когда семью известных английских братьев-футболистов пригласили на прием к королеве, то, поскольку время приема совпало с рабочей сменой их отца, а он был шахтером, он не пошел на этот прием, а спустился в шахту. И нам это понятно, и вызывает чувство уважения за то, что эти «простые» люди имеют собственную гордость, которую власть предержащим приходится учитывать, сталкиваясь с ними.

Накануне перед отлетом из Куйбышева (ныне Самара) был составлен текст рапорта Ю.А. Гагарина, с которым он должен был обратиться к руководству страны в момент встречи. Несколько раз наставник наших космонавтов Н.П. Каманин, занимавший в то время должность заместителя начальника боевой подготовки ВВС, и Ю.А. Гагарин репетировали отдачу рапорта. Каманин изображал Н.С. Хрущева, а Гагарин подходил и рапортовал. Поначалу он немного спешил, потом отработал правильный ритм речи. Приготовили и текст выступления Ю.А. Гагарина на митинге на Красной площади [6, с. 54].

Для доставки космонавта в Москву выделили специальный Ил-18. На самом деле было подготовлено два самолета Ил-18. За сутки до вылета в Куйбышев экипаж основного самолета в районе Москвы провел репетицию почетного торжественного полета над городом в сопровождении эскорта истребителей. Тренировка прошла успешно, и самолет вылетел в Куйбышев [7, с. 59].

Это было сделано для того, чтобы обеспечить своевременный и безопасный отлет Юрия Гагарина из Куйбышева в Москву. Основной самолет был поставлен на рабочую стоянку. К нему не был подан пассажирский трап. С командиром экипажа Константин Терентьевич Цедрик, командующий ВВС Приволжского военного округа, договорился, что Гагарин и сопровождающие его лица будут приняты на борт по самолетной стремянке. Второй самолет был поставлен на пассажирскую стоянку, к нему был подан пассажирский трап, выставлены охрана и заграждения. Это было сделано с целью отвлечения огромной массы любопытных от основного самолета. Подобная хитрость дала возможность свободно произвести посадку Юрия в самолет, который в точно назначенное время смог вылететь в Москву. Опасность заключалась в том, что неуправляемая толпа людей могла не допустить подхода машин к самолету и задержать вылет. Показывать же космонавта широкой публике или организовывать его встречу с кем-либо не входило в круг поставленных задач, поэтому такой маневр с самолетами вполне себя оправдал [8, с. 56].

Дополнительные подробности о пребывании Гагарина в месте отдыха перед отлетом в Москву сообщает журналист Георгий Остроумов, работавший в газете «Известия»: «Утро 14 апреля... Мы встречаемся с Юрием Гагариным сразу после завтрака.

Попрощаться с героем пришла группа здешних трудящихся. Люди, не отрываясь, как зачарованные, смотрят на него. Они словно хотят разглядеть еще неведомые им черты, присущие человеку, побывавшему в звездной стихии. Но видят его смущение, его обаятельную улыбку, слышат простую русскую речь, чувствуют крепость его руки...

Гагарину передаются подарки – модель планеты, над которой несется спутник, модель ракеты и золотые часы. Юрий Алексеевич душевно благодарит. Остается до отъезда на аэродром совсем немного. Эти минуты отданы фотографам. Счастливые гости усаживаются с Гагариным перед объективами.

На последнем кадре – Юрий Гагарин с девушкой-официанткой, которая накормила его завтраком после чудесного финиша» [9, с. 17].

Об этом же – впечатлении о последних минутах перед вылетом – и воспоминания Василия Пескова: «До мельчайших подробностей

помню утро на берегу Волги. Мягкий снежок, выпавший ночью, лед на реке, плотные влажные облака. В доме на берегу – "увидеть Гагарина" – перебивало уже не менее сотни людей. Мы, репортеры, сделали много снимков, но мне хотелось иметь фотографию космонавта не в гуще любопытных и взволнованных горожан, а стоящего на берегу Волги. Улучив момент, я попросил об этом. И Гагарин сразу же понял законность желания. Улыбнулся, подмигнул – "пойдемте..."

Минут пять мы снимали его стоящим над Волгой. И эти снимки хорошо известны...

И в этот раз мы снимали, снимали...

Тут же – первый час его славы. Мои друзья-журналисты, попали в кадр, какая-то женщина в легковатой для апреля обувке. Помню, нас торопили скорее, скорее. Но мы-то хорошо понимали, как важно было снимать, как важно будет все это видеть по мере того, как будут идти года...» [10].

Командир отряда ГВФ В.П. Бугаев, до взлета самолета вручил Ю.А. Гагарину модель «Ил-18». На подарке надпись: «Первому космонавту, гражданину Советского Союза Гагарину Юрию Алексеевичу в день Вашего беспримерного подвига – полета в космос. От работников Гражданского Воздушного Флота».

Б.П. Бугаев, вручивший модель самолета, налетал на своем веку 3,3 млн километров. Бывал в Африке, Америке, облетал весь Союз. Многое знал о летном ремесле, но и он с нескрываемым восхищением смотрел на юного пилота, который открыл первую надземную трассу.

Экипаж самолета «Ил-18» с бортовым номером 75717 доставил Ю.А. Гагарина в Москву. Состав экипажа в этом перелете: командир корабля – П.М. Воробьев, летчик А.И. Фалеев, штурман А. Дубовицкий, члены экипажа Е.Ф. Анциферов, И.В. Поляков, Н.Г. Суканов, бортпроводницы Инна Давыдова и Шура Мельникова. Перед вылетом все они выстроились в салоне машины, чтобы приветствовать Ю.А. Гагарина [9, с. 17].

Прежде чем самолет смог взлететь, Юрий Гагарин трижды выходил на трап самолета для прощания. Сотни людей скандировали: «Га-га-рин! Га-га-рин! Ура!» [11, с. 16–17].

В салоне с Гагариным находились Ф.А. Агальцов, начальник боевой подготовки ВВС, Н.П. Каманин, А.Г. Рытов, начальник политического управления ВВС, Владимир Иванович Яздовский, под чьим руководством осуществлялась медицинская подготовка первых космонавтов, командир отряда ГВФ, пилот 1-ого класса Б.П. Бугаев, будущий министр гражданской авиации СССР, журналисты Н.Н. Денисов («Правда»), Г.Н. Остроумов («Известия»), В.М. Песков, П.Р. Барашев (оба «Комсомольская правда»), фотокорреспондент

журнала «Огонек» В. Тарасевич. Корреспонденты кинохроники М. Ошурков и В. Афанасьев, накануне прилетели на этом самолете в Куйбышев из Москвы и запечатлели волнующий момент встречи Юрия Гагарина на аэродроме [12].

Всеволод Сергеевич Тарасевич, фотокорреспондент журнала «Огонек» рассказал о своей встрече и съемке космонавта на страницах журнала «Советское фото», вышедшем в июле 1961 г. [13, с. 8–11]. На задание редакции фотокорреспондент выехал с фотоаппаратами «Старт» и Киев» с набором объективов.

Один из опубликованных снимков он выполнил на берегу Волги. Другой – в полете. Через иллюминатор самолета «Ил-18» им сфотографирован МиГ эскорта с бортовым номером «24». На другом снимке – Юрий Гагарин в кабине «Ил-18», который его доставлял в Москву. Как пишет корреспондент: «Удивительно было видеть, с каким трогательным старанием солидные, опытные пилоты и штурманы, заполучив Юрия Гагарина, показывали ему свою кабину...» [13, с. 8–11].

Состав журналистской бригады, как оказалось, нами установлен точно. Об этом свидетельствует телеграмма, отправленная с борта самолета: «Москва. Радио. Корреспондентам, ведущим репортажи. Хочется поделиться огромной радостью. Летим на борту Ил-18 75717. В эту минуту мы самые счастливые люди. Мы сидим рядом с первым космонавтом Юрием Алексеевичем Гагариным. Мы слышим его речь. Видим его улыбку, видим, как он волнуется перед встречей с Москвой. Мы самые счастливые люди в эту минуту. Корреспондент "Правды" Н. Денисов, корреспондент "Известий" Г. Остроумов, корреспонденты "Комсомольской правды" В. Песков и П. Барышев. Корреспондент кинохроники М. Ошурков, корреспондент «Огонька» В. Тарасевич, экипаж самолета Ил-18 75717» [14, с. 672].

Детали полета отыскиваются в воспоминаниях членов экипажа – командира П.М. Воробьева и штурмана А.Г. Дубовицкого. «12 апреля собрали экипаж, дали команду готовиться, облетать самолет и готовить его к выполнению важного задания. Во время проверки радиостанции мы услышали сообщение ТАСС о полете Юрия Гагарина. После этого стало ясно, для какой цели мы облетаем самолет...» [14, с. 671–674].

«13 апреля... мы сделали небольшую репетицию. Прилетел эскорт истребителей, мы потренировались и полетели в Курумоч. Прилетели, находились в прилетном ожидании, хотя немного волновались. Я все время смотрел на расчеты. Борис Павлович (Бугаев) говорит: "Все расчеты у нас сделаны правильно, только поспите, утром мы выполним полет"» [14, с. 674].

В ходе полета в блокноте борт-радиста появился автограф Юрия Гагарина: «Товарищи радиослушате-ли и телезрители! Го-

рячо приветствую/ вас с борта самолета./ С нетерпением ожидаю/ встречи с вами в/ родной Москве./ м-р Юрий Гагарин./ 14.04.61/ 11 ч. 13 мин./ борт самолета Ил-18/ Передал/ 11.04.61. 11 ч. 15 м./ б/р Сукнев». Знаком/ - помечены разрывы строк [11, с. 16–17].

В ходе перелета на борт самолета поступила радиogramма, текст которой торжественно передали Юрию Гагарину. Это было поздравление работников Гражданского воздушного флота. Юрий Гагарин был тронут вниманием авиаторов и тут же попросил отправить им ответную радиogramму, в которой передал сердечный привет работникам воздушных дорог и поблагодарил за подарок – модель пассажирского самолета Ил-18 [11, с. 16–17].

Московский аэропорт Внуково последние приготовления к приему самолета с космонавтом начал с утра 14 апреля. Ранним утром поднялся в воздух специальный самолет. На борту его находились командир Н. Левин, старший штурман аэропорта «Внуково» Е. Сухов и старший инженер радиомаячной службы Н. Хаймович. Эта группа еще раз проверила работу всех наземных служб аэропорта.

Был составлен рассчитанный буквально по минутам график полета «Ил-18». Как только было получено разрешение на вылет, и серебристый лайнер «Ил-18» № 75717, на котором следовал Юрий Гагарин, поднялся в воздух, главная диспетчерская аэропорта «Внуково» установила с самолетом двухстороннюю радиосвязь.

Радиооператор аэропорта Внуково Н. Белякова вызывал на связь самолет с Юрием Гагариным. У аппарата был командир корабля П. Воробьев, через него журналисты «Московской правды» передали на борт корабля такой текст: «Редакция газеты "Московская правда" от имени своих читателей сердечно поздравляет Юрия Алексеевича с замечательной победой и просит передать ему пожелания доброго здоровья».

Через несколько минут на имя редакции пришла ответная радиogramма: «Юрий Алексеевич передает большую благодарность и сердечный привет москвичам». В двенадцать часов пять минут журналистам «Московской правды» была предоставлена возможность переговорить по радио с космонавтом [15].

Журналисты привели этот разговор в дословном изложении. Мы воспроизведем его полностью, как он опубликован в газете: «Здравствуйте! Как вы себя чувствуете, Юрий Алексеевич!

- Здравствуйте. Чувствую себя превосходно. Полет продолжается. Скоро будем подходить к Москве.

- Ощущаете ли вы разницу в высоте и в скорости?

- Конечно, разница чувствуется, – шутливо отвечает Юрий Алексеевич. – Есть разница между космической скоростью и скоростью самолета. Но вообще-то, как там, так и здесь, скорость есть скорость. Только вот высота разная и вид земной поверхности раз-

ный. Я думаю, 300 (цифрами – так в источнике – авт.) километров не десять километров.

- Чтобы вы хотели передать москвичам, которые с огромным нетерпением ждут вас?

- Москвичам я хотел бы передать большое спасибо за теплые слова, высказанные по отношению ко мне в печати, в письмах, телеграммах, которые приходят в мой адрес, и большой сердечный привет. Я очень жду встречи с москвичами».

... Через полчаса после посадки самолета журналисты смогли переговорить с членами экипажа самолета.

- Полет проходил отлично. Некоторое время Юрий Гагарин находился с нами в кабине. Шутил, смеялся... На память об этом рейсе Юрий Алексеевич оставил в наших полетных книжках свои автографы» [15].

А вот эти слова были написаны В. Песковым спустя 34 года после полета в космос Юрия Гагарина: «О многом бы хотелось его [Гагарина] расспросить. Но для серьезного разговора времени не было. В самолете Ю. Гагарин был нарасхват. Все хотели с ним сфотографироваться – командир корабля, стюардессы, сопровождающие лица» [16].

«Конечно, молча не сидели. Правда, разговором о полете Гагарина не стали беспокоить, боялись – "не расплескать" бы свежие впечатления... По очереди фотографировались. Потом принесли что бог послал к обеду. Вспомнили старые и свежие анекдоты. Один рассказал Гагарин: "Мастерская художника. Обнаженная модель продрогла. "Оденься, – сказал художник, и присядь выпить чаю". Сидят, пьют. Вдруг художник вскакивает: "Скорей раздевайся, жена идет..."» [17].

Вместе с тем Георгий Остроумов, как правило, точный в деталях, вспоминает, что все-таки кое-что Юрий Гагарин попробовал объяснить попутчикам о том, как выглядит Земля из космоса.

«Он показывает на линию горизонта в иллюминаторе.

– Да, говорит он, – там вот так же, как сейчас на горизонте бледно-голубая полоска, так же переходит она в синий, затем в густо-синий цвет. Но там все это ярче, контрастнее и заканчивается эта гамма густо-черным цветом.

Снова заходит разговор о звездах.

– Как летчик, я хорошо знаю небо, его созвездия. Но мне не удалось их разглядеть. Слишком быстро убежал назад небосвод. Скорость-то моя – 28 тысяч километров в час. Да и ночь у меня была короткая – минут сорок летел я над теневой стороной Земли» [9, с. 17].

Одному из авторов довелось задать вопрос о возможности наблюдать созвездия при полете космонавта по орбите нашему

космонавту-100 – Олегу Валерьевичу Котову после его третьего полета в космос, когда он уже успел совершить восемь выходов в открытый космос. В своем последнем полете он совершил совместно с космонавтом С.Н. Рязанским самый продолжительный на то время выход в открытое космическое пространство – более восьми часов. Во время пролета теневой части орбиты он иногда «отдыхал», закрепившись двумя фаллами, отвернувшись от станции, и рассматривал звездное небо. У него были более благоприятные условия для этих наблюдений, чем у Юрия Гагарина. Но и в этой ситуации, как сказал Котов, понять, какие созвездия попадают в поле зрения, практически не получается. Слишком «много» звезд удастся увидеть, и выделить среди них «опорные», дающие рисунок созвездия, как правило, не получается [18].

А в случае наблюдений, которые довелось сделать Юрию Гагарину, ситуация осложнялась еще и малым полем зрения, поскольку космонавт был притянут ремнями к креслу, и не мог расположиться рядом с иллюминатором.

Возвращаясь к рассказу Г. Остроумова, приведу ответ еще на один вопрос, заданный космонавту.

– «Есть ли у вас с собой что-либо из вещей, побывавших с вами в космосе?»

– Вот часы, – поднимает Гагарин руку.

Все, кто находится в салоне, тянутся посмотреть на них. Вроде бы и обычные, а на самом деле – нет: в космосе побывали! Разглядывают марку: "1-ый часовой завод". Каждый, наверное, позавидовал девушкам, которые собирали этот механизм, что отсчитывали время небывалого полета!» [9, с. 19].

Следует заметить, что в тот же день с юга в Москву для встречи Ю.А. Гагарина самолетом «Ил-18» с бортовым номером 75716 прилетели Н.С. Хрущев, член Политбюро ЦК КПСС А. И. Микоян и первый секретарь ЦК компартии Грузии В. П. Мжаванадзе [19].

На борту самолета Н.С. Хрущева находился помощник начальника Аэрофлота Цыбин, командиром корабля был Груба. С борта самолета, на котором находился Юрий Гагарин, была отправлена телеграмма с сообщением для Н.С. Хрущева о ходе перелета самолета с первым космонавтом [11, с. 16–17].

При подлете к Москве к самолету с Юрием Гагариным пристроилась семерка истребителей – почетный эскорт в воздухе. Эту эскадрилью «МиГов» вел подполковник А. Ардатов. Причем летчики так близко летели с большой машиной, что различались их лица через остекления кабин.

О ведущем этой группы «МиГов» специальный корреспондент газеты «Правда» Н. Н. Денисов узнал, позвонив дежурному по Главному штабу Военно-воздушных сил [20, с. 132].

Дополняя рассказ о почетном эскорте истребителей, Г. Остроумов писал: «Совсем рядом плывут сверкающие на солнце машины: можно разглядеть не только лица летчиков, но и зубы, открытые улыбкой.

С борта "Ил-18" идет радиограмма: "Друзьям летчикам-истребителям горячий привет. Юрий Гагарин" Летчики шлют ответный привет»... [9, с. 19].

В журнале «Вестник воздушного флота» удалось отыскать две заметки, написанные участниками этой операции. Одну подготовил подполковник А.И. Ардатов, военный летчик первого класса, возглавлявший группу эскорта [21], другую – инженер-полковник В.А. Стегний [22], по-видимому, руководитель технической службы части, самолеты которой выполняли этот полет.

Чтобы почувствовать, как это задание воспринималось участниками, приведем некоторые фрагменты этих заметок.

Сначала слово А.И. Ардатову: «Меня вызвал командир и сказал:

– Будете возглавлять группу эскорта самолета, на котором полетит в Москву Юрий Алексеевич Гагарин.

Много мне приходилось выполнять разных заданий, но это было совсем особым. Дух захватило при мысли, что мне и моим боевым товарищам доверено такое почетное дело: первым из москвичей встретить первого космонавта, да не где-нибудь, а в воздухе над родным Подмосковьем. Хотелось горячо поблагодарить командование за доверие. Но эти чувства, охватившие меня, я смог выразить лишь в коротком уставном:

– Есть.

И сразу пошел к летчикам, которые входили в группу эскорта. Вместе со мной должны были лететь коммунисты Михаил Уницкий, Олег Тархов, Николай Кисаев, Павел Николаев, Михаил Герасимов и Евгений Басистов.

Я им сообщил решение командира, и мы тут же начали готовиться к полету.

На подготовку времени было очень мало, и каждую минуту хотелось использовать особенно рационально. Ведь задание-то очень ответственное. Эскортировать самолет с Юрием Гагариным на борту. Самолет человека, совершившего великий подвиг, нашего боевого товарища, который отлично выполнил задание Коммунистической партии, Советского правительства, всего советского народа. Как же мы были должны выполнить свое задание? Разумеется, только отлично.

Ожидание волнующей встречи мобилизовало наши силы...» [21].

Как оказалось, эта же группа эскортировала и самолет Г.С. Титова [23]. Состав группы эскорта упоминается и в репортаже с авиационного командного пункта... [24] Отслеживание движения группы эскорта и самолета с Юрием Гагариным вели у маршрутной карты – офицеры Н. Василенко, С. Лагуткин, В. Соколов и А. Кулаев, капитан А. Плешаков. [24]

В день прилета Юрия Гагарина – а это было 14 апреля, летчики позвонили на метеостанцию. Метеорологи успокоили – все нормально. Так уж повелось, что мы всегда отыскиваем знаменательные совпадения. Вот и А.И. Ардатов писал: «... Словно и природа была за то, чтобы наша встреча с Юрием Гагариным в воздухе состоялась, и все прошло по намеченному плану...»

Первым взлетел сам Ардатов, за ним его товарищи. Собравшись вместе, летчики отправляются в точку встречи. Сквозь редкие облака проглядывало солнце. Полет в районе точки встречи проходил на высоте 500 метров. Последние секунды, как заметил Ардатов: «... на этот раз они тянутся особенно долго... Но вот вдали немного выше нас появляется точка. Она быстро растет. Это долгожданный Ил-18. Другого быть не могло. И по расчету времени, и по тому, что в воздухе не было других машин, мы все узнали самолет с Юрием Гагариным.

Я еще раз проверил время: встреча состоялась секунда в секунду, как и было намечено...»

Группа сделала разворот, и самолеты заняли свои места вокруг Ил-18 – пара слева, пара справа, и три самолета сзади, немного выше эскортируемого самолета.

«В момент перестроения в наушниках шлемофонов... мы слышали историческую телеграмму с борта Ил-18.

– Братьям-истребителям передаю горячий привет. Ю. Гагарин».

– Большое спасибо за подвиг! – ответил Ардатов.

Уже потом на земле Уницкий рассказывал Ардатову, что, услышав ответ, Юрий Гагарин посмотрел в окно и приветливо помахал рукой летчикам эскорта.

Под крылом улицы Москвы, заполненные народом, но летчики держат строй.

Описывая свое состояние, Ардатов не может удержаться от поэтического сравнения: «В эти волнующие минуты вся Москва смотрела на нас. И мне казалось, что не воздух, не могучие двигатели, а одни эти восхищенные взгляды могли удержать наши машины...»

Самолет с Юрием Гагариным совершил круг почета над Москвой, его сопровождали самолеты эскорта. Затем самолет Юрия Гагарина зашел на посадку. А самолеты эскорта должны были совершить еще один элемент этого задания.

Как только Юрий Гагарин вышел из самолета на дорожку и направился для отдачи рапорта Никите Сергеевичу Хрущеву, самолеты эскорта на бреющем полете пролетели над местом торжественной встречи.

К этой части задания летчики готовились особенно тщательно. Прежде всего был сделан точнейший расчет времени.

По команде с земли летчики взяли требуемый курс. Все ниже и ниже высота полета.

«Всего две секунды мы находись над Внуковским аэропортом, – писал Ардачев, – но они сохранятся в памяти на всю жизнь» [21].

С Внуковского самолеты эскорта взяли курс на свой аэродром.

Много лет спустя одного из участников этого эскорта М.Н. Уницкого попросил поделиться своими воспоминаниями журналист Н.А. Варваров [14, с. 676–677]:

«Самолет Ил-18 с Гагариным на борту мы перехватили в р-не г. Илин (К.В., Л.А. – полагаем, что это ошибка расшифровки рукописного текста – скорее всего надо читать Клин), и он взял курс на ул. Горького и Красную площадь. Заняли свои места в строю, и только после пролета Москвы в иллюминаторе я заметил знакомое по газетам лицо. Это был Гагарин. Связался по радио с командиром Ил-18 и поздравил Гагарина с благополучным возвращением на родную землю. Он поблагодарил эскорт за четкий строй и поздравления. После пролета Москвы Ил-18 взял курс на Внуково для посадки, а после его пролета Ил-18 прошел над ВВП, мы отвалили и ушли в зону. Причем Гагарин в течение полета неоднократно появлялся в иллюминаторе и жестами показывал (как все летчики) свое удовольствие нашим строем, улыбался своей замечательной улыбкой и показывал на землю – приглашал на встречу.

В момент выхода Гагарина из самолета для доклада правительству, наша семерка эскорта, в плотном строю "клин" должна была на бреющем полете пройти над ним, но так, чтобы не заглушить звуком двигателей его доклад. В этом помог командир экипажа Ил-18, с которым я имел связь по радио. За 10 секунд до выхода Гагарина на трап он передал, что космонавт готов к выходу, и нам можно выходить на прямую. Проход получился удачным и в момент, когда Гагарин вступил с трапа на ковер – эскорт на скорости около 900 км в час прошел над ним. Причем командир экипажа Ил-18 придерживал Гагарина, чтобы он не вскочил раньше времени.

Фамилии участников эскорта на фотографии: майор Николаев, майор Кисаев, капитан Картавых, капитан Куулин (К.В., Л.А. – так в источнике, но в журнале "Крылья Родины", 1962, №11, эта фамилия написана А. Куклин), капитан Галкин, майор Ткаченко, подполковник Уницкий М.Н.» [14, с. 676–677].

Правда, сам Уницкий в письме писал: «... Память в нашем деле плохая помощница. Дело в том, что летчики нашего полка постоянно участвовали в воздушных парадах над Москвой и аэродромом Тушино, демонстрировали групповой и одиночный пилотаж для иностранных делегаций и эскортировали глав государств при посещении ими Советского Союза. Мне довелось участвовать во многих эскортах, в том числе восьми космонавтов. В их числе был и летчик нашей части П.Р. Попович... Я Вам посылаю фотографию эскорта того времени. Если в ней и неточность – то буквально в 1–2 летчиках...» [14, с. 676–677]

«В определенной точке расчета нас встретил эскорт и сопровождал до посадки... Все заняли свои места, и в районе Москвы в расчетное время к нам пристроились истребители и сопровождали нас по маршруту. Мы вышли в район 4 разворота курсом 60 градусов, для более точной ориентировки были на земле разложены дымовые шашки. Прошли курсом 62 градуса над нашим аэродромом и последовали в сторону Москвы. В районе Южного порта, там была дымовая шашка, на которую мы вышли точно, полет проходил на высоте 300 метров, после этого разворот в сторону столицы. И мы прошли через Красную площадь.

От Красной площади по улице Горького. Потом Ленинградский проспект, потом в районе Министерства гражданской авиации развернулись в сторону Кубинки. Вписались в коробочку, истребители отошли, и мы выполнили посадку точно в расчетное время. Я находился после остановки двигателей на связи с руководителем группы сопровождения эскорта.

Я получил команду по радию открыть дверь, Гагарин вышел, и, пока он шел, истребители сопровождения прошли на высоте 250 метров над аэродромом и ушли на посадку, Юрия Алексеевича Гагарина встретили со всеми почестями» [14, с. 671–674].

Незадолго до посадки самолета в кабину к пилотам зашел Юрий Гагарин и сделал надписи в пилотских удостоверениях. Б. Бугаеву он написал: «Командиру корабля в память о полете. Гагарин. 14.04.61 г.». В свидетельстве Алексея Гавриловича Дубовицкого – штурмана экипажа: «Штурману – за хороший маршрут». Бортпроводницам Инессе Александровне Давыдовой и Александре Григорьевне Мельниковой Юрий Алексеевич подарил свои портреты с дарственными надписями [11, с. 16–17].

О том, кто и как готовил самолеты к этой операции, особый рассказ. Реактивные истребители к этому полету готовили техники Н.А. Бережнюк, Н.И. Сторожков, М.М. Беляев, А.М. Яковлев, А.Ф. Ильин.

Накануне была проведена тщательная подготовка летной техники, поэтому инженер-майор С.С. Муха сумел быстро организовать

работу подчиненных в день вылета. На основе указаний командира он составил плановую таблицу подготовки самолетов, проинструктировал инженерно-технический состав.

14 апреля рабочий день инженера начался очень рано – едва рассеялась утренняя дымка. Специалисты приступили к своим обязанностям.

Инженер С.С. Муха хорошо знал индивидуальные особенности каждого специалиста, которые готовили самолеты к этому вылету. Предстояло лететь на небольшой высоте над многолюдной Москвой в тесном строю, сопровождая самолет с космонавтом.

«Здесь требовалось все: и безукоризненная работа техники в воздухе, и кондиционность топлива, и умение четко, мастерски пилотировать истребители в строю. Ведь на почетный эскорт наших "мигов" смотрели руководители партии и правительства, москвичи, гости из-за рубежа и наш замечательный собрат по оружию Ю.А. Гагарин», – так писал в своей заметке В.А. Стегний.

«Следуя по маршруту, установленному единым регламентом, инженер С.С. Муха осматривает всасывающие каналы, носовую часть фюзеляжа, верхний носовой отсек, стойки шасси и т.д.» Все это проделывается с каждой машиной, все замечания летчиков, выявленные после облета, устранены.

Техники, готовившие самолеты к вылету, просили летчиков передать Ю.А. Гагарину, что «они гордятся им и желают ему новых успехов в освоении космоса!» [22]

Список литературы

1. Хрущев С.Н. Площадь Гагарина // Московские новости. – 2001. – 10–16 апр. – № 15.
2. Каманин Н.П. В том памятном апреле // Московский комсомолец. – 1971. 04 апр. – № 79 (9912).
3. Волынкин Ю. Подготовка к встрече // Труд. – 1986. – 11 апр. – № 87 (19834).
4. Советская космическая инициатива в государственных документах 1946–1964 гг. / под ред. Ю.М. Батурина. – М.: РТСофт, 2008. 416 с.: ил.
5. Гагарина А.Т. Память сердца. Издание второе. – М.: АПН, 1986. – 224 с., ил.
6. Каманин Н.П. Скрытый космос. Т. 1. – М.: РТСофт, 2013, – 760 с., ил.
7. Дубовицкий А.Г. (штурман воздушного корабля Ил-18) (его слова приводятся по записи Н.А. Варварова) // Наука и жизнь. – 1986. – № 4.
8. Цедрик К.Ф., (командующий ВВС Приволжского Военного округа) (его слова приводятся по записи Варварова Н.А.) // Наука и жизнь. – 1986. – № 4.
9. Остроумов Георгий Николаевич, Первый космонавт // Радиус видения: сб. – М.: Известия, 1981. – 224 с., ил.
10. Песков В. Первый час славы // Комсомольская правда. – 1977. – 12 апр. – № 85 (15892).
11. Бугаев Б. На борту Ил-18 Юрий Гагарин // Гражданская авиация. – 1961. – № 4. – С. 16–17.

12. Людям о Юрии Гагарине // Советская культура. – 1961. – 15 апр. – № 45 (1225).
13. Тарасевич Вс. Первые часы с космонавтом // Советское фото. – 1961. – № 7. – С. 8–11.
14. Человек. Корабль. Космос. Сборник документов к 50-летию полета в космос Ю.А. Гагарина. – М.: Новый хронограф, 2011. – 888 с., ил.
15. Иткин Л., Фурманов Д., Самолет идет в столицу // Московская правда. – 1961. – 15 апр. – № 90 (12530).
16. Песков В., Апрель за апрелем... // Комсомольская правда. – 1995. – 12 апр. – № 65 (21075).
17. Песков В. День и час, когда летал Гагарин, никогда не забудутся! // Комсомольская правда в Санкт-Петербурге. – 2011. – 11–17 апр. – №14-т/14 (25665-т).
18. Слова Котова О.В. приводятся по записи Куприянова В.Н. во время встречи 18.12.2014 в Инженерном доме Петропавловской крепости.
19. Барашев П., Песков В., Пять часов с Юрием Гагариным // Комсомольская правда». – 1961. – 15 апр.
20. Денисов Н.Н. Срочно в номер. – М.: Воениздат, 1978. – 270 с.
21. Ардатов А.И. Встреча над Москвой // Вестник воздушного флота. – 1961. – № 4. – С. 77–79.
22. Стегний В.А. Самолеты готовы // Вестн. воздушного флота. – 1961. – № 4. – С. 79–80.
23. Волков И. В эскадрилье, где служил П.Р. Попович // Советский патриот. – 1962. – 22 авг. – № 68 (2603).
24. Конюшкова Г., Чкалов И. В московском небе // Красная звезда. – 1961. – 15 апр. – № 90 (11390).

References

1. *Khrushchev S.N. Ploshchad' Gagarina* [Gagarin Square] // *Moskovskie novosti* [«Moscow News»]. 2001. 10–16 aprelya. №15.
2. *Kamanin N.P. V tom pamyatnom aprele* [In that memorable April] // *Moskovskiy komsomolets* [Moscow's comsomolets]. 1971. 04 aprelya. №79 (9912)
3. *Volyntin Yu. Podgotovka k vstreche* [Preparation for the meeting] // *Trud* [Work]. 1986. 11 aprelya. № 87 (19834)
4. *Sovetskaya kosmicheskaya initsiativa v gosudarstvennykh dokumentakh 1946–1964 gg. / pod redaktsiey Yu.M. Baturina* [The Soviet space initiative in the state documents of 1946–1964, edited by Yu.M. Baturin]. – M., RTSoft, 2008, 416 s.: il.
5. *Gagarina A.T. Pamyat' serdtsa. Izdanie vtoroe* [Memory of the Heart, Second Edition]. M.: APN, 1986. 224 s., il.
6. *Kamanin N.P. Skrytyy kosmos* [The Hidden Cosmos] T. 1. – M.: Izdatel'stvo «RTSoft», 2013. 760 s., il.
7. *Dubovitskiy A.G. (shturman vozdušnogo korablya Il-18) (ego slova privodyatsya po zapisi N.A. Varvarova)* [(navigator aircraft IL-18) (his words are based on the recording of NA Varvarov)] // *Nauka i zhizn'* [Science and life]. 1986. №4.
8. *Tsedrik K.F. ego slova privodyatsya po zapisi Varvarova N.A.* [(Commander of the Air Force of the Volga Military District) (his words are based on the recording of Varvarov N.A.)] // *Nauka i zhizn'* [Science and life]. 1986. №4.
9. *Ostroumov Georgiy Nikolaevich. Pervyy kosmonavt* // *Radius videniya. Sbornik* [The first cosmonaut] // [The Radius of Vision]. M.: Izvestiya, 1981. 224 s., il.
10. *Peskov V. Pervyy chas slavy* [The first hour of glory] // *Komsomol'skaya Pravda* [Komsomol'skaya's truth]. 1977. 12 aprelya. №85 (15892).

11. *Bugaev B. Na bortu Il-18 Yuriy Gagarin* [On board the IL-18 Yuri Gagarin] // *Grazhdanskaya aviatsiya* [Civil Aviation]. 1961. №4. S. 16–17
12. *Lyudyam o Yurii Gagarine* [To people about Yuri Gagarin] // *Sovetskaya kul'tura* [Soviet culture]. 1961. 15 aprelya. № 45 (1225).
13. *Tarasevich Vs. Pervye chasy s kosmonavtom* [The first clock with an astronaut] // *Sovetskoe foto* [Soviet photo]. 1961. №7. S. 8–11.
14. *Chelovek. Korabl'. Kosmos. Sbornik dokumentov k 50-letiyu poleta v kosmos Yu.A. Gagarina* [Human. Ship. Space. Collection of documents for the 50th anniversary of the space flight Yu.A. Gagarin]. – M.: Novyy khronograf, 2011, 888 s., il.
15. *Itkin L., Furmanov D. Samolet idet v stolitsu* [The plane goes to the capital] // *Moskovskaya pravda* [Moscow truth]. 1961. 15 aprelya. № 90 (12530).
16. *Peskov V. Aprel' za aprelem...* [April for April ...] // *Komsomol'skaya pravda* [Komsomol'skaya's truth]. 1995. 12 aprelya. №65 (21075).
17. *Peskov V. Den' i chas, kogda letal Gagarin, nikogda ne zabudutsya!* [The day and the hour, when Gagarin flew, will never be forgotten!] // *Komsomol'skaya's pravda v Sankt-Peterburge* [«Komsomol'skaya's truth in St. Petersburg»]. 2011. 11–17 aprelya.
18. *Slova Kotova O.V. privodyatsya po zapisi Kupriyanova V.N. vo vremya vstrechi 18.12.2014 v Inzhenernom dome Petropavlovskoy kreposti* [Words by Kotova O.V. are given by record. Kupriyanov V.N. during a meeting on December 18, 2014 in the Engineering House of the Peter and Paul Fortress.]
19. *Barashev P., Peskov V. Pyat' chasov s Yuriem Gagarinym* [Five hours with Yuri Gagarin] // *Komsomol'skaya pravda* [Komsomol'skaya's truth]. 1961. 15 aprelya.
20. *Denisov N.N. Srochno v nomer* [Urgently in number (of the newspaper)]. – M.: Voenizdat, 1978, 270 s.
21. *Ardat'ev A.I. Vstrecha nad Moskvoy* [Meeting over Moscow] // *Vestnik vozdushnogo flota*. [Bulletin of the Air Fleet]. 1961. № 4. S. 77–79.
22. *Stegniy V.A. Samolety gotovy* [Planes are ready] // *Vestnik vozdushnogo flota* [Bulletin of the Air Fleet]. 1961. №4. S. 79–80.
23. *Volkov I. V eskadril'e, gde sluzhil P.R. Popovich* [In the squadron where P.R. Popovich served] // *Sovetskiy patriot* [Soviet patriot]. 1962. 22 avgusta. № 68 (2603).
24. *Konyushkova G., Chkalov I. V moskovskom nebe* [In the Moscow sky]. M., «Krasnaya zvezda», 1961. 15 aprelya, № 90 (11390).

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(470):356.255(035)

ГРНТИ 03.23.55 История России Новейшего времени

С.С. Войтиков

Справочник о российских генштабистах на службе в Красной армии

Рецензируемое издание – справочник доктора истории В.В. Каминского о российских генштабистах в 1918–1945 гг. [1] – выполнен на актуальную в свете юбилея Октябрьской революции 1917 г. тему. Источниковая база справочника обширна и разнообразна: исследователем привлечены неопубликованные и опубликованные документы, а также монографии, в которых содержится необходимая автору фактура, справочники и электронные ресурсы, в составлении которых участвуют ведущие специалисты РФ в области генеалогии. Особая ценность справочника заключается в том, что в него включены сведения из неопубликованных документов Российского государственного военного архива по личному составу РККА, крайне редко используемые при составлении именных комментариев и биографических справок. Издание посвящено «Всеим россиянам, носившим и носящим ныне на плечах офицерские погоны...», что особенно отрадно. Автор – авторитетный специалист в своей области, достойный продолжатель дела А.Г. Кавтарадзе, к которому В.В. Каминский относится с особым пиететом.

Ключевые слова: генштабисты, справочник, Гражданская война, В.В. Каминский, В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, И.И. Вацетис.

S.S. Voytikov

Reference book of Russian General Staffs in the Red Army

The reviewed edition is the reference book of PhD V.V. Kaminsky on the Russian General Staff in 1918–1945, which is executed on the actual theme in the light of the anniversary of the Russian revolution of 1917. The source database of the directory is extensive and diverse: the researcher involved in unpublished and published documents, as well as monographs that contain the author's invoice, directories and electronic resources, which are compiled by the leading genealogy specialists of the Russian Federation. The special value of the reference book lies in the fact that it includes information from unpublished documents of the Russian State Military Archive on the personnel of the Red Army, extremely rarely used in the compilation of personal comments and biographical references. The publication is dedicated to «All Russians, who wore and now wear on their shoulders officer's shoulder straps ...», that is especially gratifying. The author is an authoritative expert in his

---

© Войтиков С.С., 2018

© Voytikov S.S., 2018

problem, a worthy continuer of A.G. Kavtaradze's concern, who is especially honoured by V.V. Kaminsky.

Key words: General Staff, reference book, Civil War, V.V. Kaminsky, V.I. Lenin, L.D. Trotsky, I.I. Vatsetis.

Справочник доктора истории В.В. Каминского [1] выполнен на актуальную в свете грядущего юбилея русской революции 1917 года тему. Издание посвящено «Всем россиянам, носившим и носящим ныне на плечах офицерские погоны...», что особенно отрадно. Автор – авторитетный специалист в своей области, достойный продолжатель дела А.Г. Кавтарадзе, к которому В.В. Каминский относится с особым пиететом. Весьма отрадно, что издание начинается с цитаты из книги великого Натана Эйдельмана (с. 19): в конце концов все мы изначально увлекались историей декабристов, которые, по признанию В.И. Ленина, начали цепную реакцию пробуждения России. Рецензируемое издание представляет собой итог многолетнего исследовательского труда, прошедшего апробацию на страницах серьезных научных журналов [см., напр.: 2; 3; 4].

Исследователь справедливо заметил во вводной статье «Офицеры Русской императорской армии в Корпусе Генерального штаба Красной армии: историографический и источниковедческий аспекты проблемы» (далее – предисловие): «современное состояние научно-биографических исследований вообще и работ, прямо или косвенно посвященных выпускникам Николаевской академии Генерального штаба, оставляет желать много лучшего...» [1, с. 20], хотя следует подчеркнуть, что возвращение истории имен русских генштабистов началось с энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР», вышедшей в 1987 г. Анализ историографии В.В. Каминского в предисловии к справочнику, как и в его основной научной монографии 2011 г. [3, с. 16–32], широко выходит за рамки поставленной проблемы: как видно, из эмигрантского «далека» многие вещи с ленинских времен видны лучше, чем из коридора отечественной историографической коммуналки. В частности, В.В. Каминский образно заметил: «"Русский маятник" "кидает" из одной крайности в другую вот уже полвека. Еще 40 лет назад в Советской России под запретом находились имена не только деятелей Белого движения – таких, как П.Н. Врангель, А.И. Деникин, А.В. Колчак и др., но даже и вождей народно-повстанческого движения: например, Н.И. Махно. Между тем, сегодня ситуация стала прямо противоположной и вскоре, если историки не примут "экстренных" мер, под "запретом" окажутся основатели и первые лидеры Коммунистической партии: В.И. Ленин, Я.М. Свердлов, Л.Д. Троцкий и др. (иными словами, все, кроме И.В. Сталина). Естественно, что как первый, так и второй подходы так же далеки от

настоящего научного исследования, как небо от земли» (с. 26). В числе прочих предшественников В.В. Каминского следует выделить помимо А.Г. Кавтарадзе выдающегося исследователя С.В. Волкова [5; 6], от которого В.В. Каминского отличает значительно большее внимание к оформлению научно-справочного аппарата. Исследователь с заслуженной гордостью констатировал: «Все статьи настоящего справочника построены по типу академических. Иными словами, на всякий факт или группу фактов (фактографические фрагменты), приводимые в статьях, автор дает точные ссылки на источники с указанием их выходных данных при первом случае цитирования или использования. Этим настоящий справочник категорически отличается от многих современных "справочно-биографических изданий", где элементы НСА напрочь отсутствуют» [1, с. 130]. Научно-справочный аппарат исследований и рецензируемого справочника В.В. Каминского можно признать почти безупречным (почти потому, что отдельные неточности все же имеют место [1, с. 50, сноска 9]). Несмотря на весьма характерные для С.В. Волкова пропуски в сносках, вряд ли можно согласиться с утверждением В.В. Каминского о какой-либо «тенденциозности» [1, с. 29] автора книг и нескольких биографических справочников, которые еще долгие годы сохранят свое научное значение [5; 6].

Источниковая база рецензируемого справочника обширна и разнообразна, исследователь использует как неопубликованные документы нескольких российских архивов, так и опубликованные материалы, литературу и профильные интернет-издания. Особая ценность справочника заключается в том, что в него включены сведения из неопубликованных документов Российского государственного военного архива по личному составу РККА, крайне редко используемые при составлении именных комментариев и биографических справок. Исследователь дает внушительный по объему и глубокий по содержанию обзор источников по теме [1, с. 35–46].

Во вводной статье «Четыре поколения российских генштабистов на службе в Красной армии (1918–1945 гг.)» (далее – введение) В.В. Каминский выделяет «...некоторые существенные факторы формирования, становления и изменения служебного статуса более полутора тысяч представителей четырех поколений Корпуса Генерального штаба РККА (точнее – 1569 чел.), служивших в этой армии (или – [большевистскому] режиму в целом) на разных этапах периода 1918–1945 гг.» [1, с. 47]. Во введении, как и в солидной монографии В.В. Каминского 2011 г. [3, с. 433–703], содержится ряд ценных таблиц, представляющих собой в большинстве своем итог контент-анализа многочисленных источников, зрелый научный плод длительной, скрупулезной работы [1, с. 55, 65–67, 82, 84, 89, 93–94, 102, 108–110].

Западный исследователь давно доказывает и на этот раз не преминул подчеркнуть в предисловии, что «РККА с первых дней своего существования являлась прямой наследницей РИА» [1, с. 27].

Публикация справочника является событием, весьма важным для научного сообщества. Помимо очевидных достоинств, издание содержит и отдельные недостатки. Во-первых, отметим атавизм «теории социально-бытовой мотивации» военных специалистов [1, с. 61], которая, на наш взгляд, представляет собой абсолютизацию «статусно-пайкового фактора» в привлечении большевиками бывших офицеров на военную службу. Во-вторых, выскажем отдельные замечания относительно способа подачи материала в биографических статьях. Как нам кажется, биосправки могли бы быть менее пространными за счет удаления лишних вводных конструкций. Также, как представляется, следовало бы компактнее сформулировать заголовок книги: «Генштабисты русской армии в РККА. 1918–1945 гг. Справочное издание». С другой стороны, представляется не вполне обоснованным использование авторских аббревиатур, не применявшихся в годы Гражданской войны. В списке сокращения ЦУПВОСО (Центральное управление военных сообщений) следовало бы дать не в составе ВОСО (с. 8), а отдельно, поскольку данная аббревиатура мало что говорит неспециалисту. Аббревиатуры «Кав.» (кавказский) и «Каз.» (казачий) следовало бы дать в списке [1, с. 12] со строчных букв.

Автор завершил введение пожеланием, чтобы «составленный им справочник» вызвал интерес «не только профессиональных историков, но и всех любителей российской военной истории первой половины прошлого века» [1, с. 132]. Присоединимся к данному пожеланию В.В. Каминского и констатируем, что отмеченные нами недостатки и неточности не снижают научной ценности рецензируемого издания, вносящего достойный вклад в изучение истории русского офицерства в годы Гражданской войны и более поздний исторический период. Пожелаем книге скорейшей встречи со своим читателем, а ее автору – скорейшего издания последующих томов.

Список литературы

1. Каминский В.В. Офицеры Русской Императорской Армии в Корпусе «красного» Генерального Штаба: персональный состав, служебная занятость, специфика личных судеб (1918–1945 гг.). Т. 1. М.: Гуманитарная академия, 2018. – 800 с.
2. Каминский В.В. А.И. Андогский в дни «русской смуты» в 1917–1919 гг. // Вопросы истории. – 2008. – № 11. – С. 91–100.
3. Каминский В.В. Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. – СПб.: Алетейя, 2011. – 734 с.

4. Каминский В.В. Продолжая труды А.Г. Кавтарадзе: курсанты 3-й очереди ускоренных курсов Николаевской академии Генерального штаба на службе в Красной армии (1918–1930-е гг.) // Новейшая история России. – 2016. – № 2. – С. 138–188.

5. Волков С.В. Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. – М.: Русский путь, 2002. – 562 с.

6. Офицеры российской гвардии в Белой борьбе / сост., науч. ред., предисл. и коммент. С.В. Волкова. – М.: Центрполиграф, 2002. – 814 с.

References

1. *Kaminskij V.V. Oficery Russkoj Imperatorskoj Armii v Korpuse «krasnogo» General'nogo Shtaba: personal'nyj sostav, sluzhebnyj zanyatost', specifika lichnyh sudeb (1918–1945 gg.)*. [Officers Of the Russian Imperial Army in the red General Staff Corps: personnel, official employment, specifics of personal destinies (1918-1945)]. Т. 1. М.: Izdatel'skij Centr «Gumanitarnaya Akademiya», 2018. – 800 s.

2. *Kaminskij V.V. A.I. Andogskij v dni «russkoj smuty» v 1917–1919 gg.* [A.I. Andovski in the days of the "Russian troubles" in 1917–1919] // *Voprosy istorii* [Questions of history]. 2008. № 11. S. 91–100.

3. *Kaminskij V.V. Vypuskniki Nikolaevskoj Akademii General'nogo Shtaba na sluzhbe v Krasnoj Armii* [Graduates of the Nikolaev Academy of the General Staff on service in red Army]. SPb.: Aletejja, 2011. – 734 s.

4. *Kaminskij V.V. Prodolzhaia trudy A.G. Kavtaradze: kursanty 3-j ocheredi uskorennykh kursov Nikolaevskoj akademii General'nogo shtaba na sluzhbe v Krasnoj armii (1918–1930-e gg.)* [Continuing works of A. G. Kavtaradze: cadets of the 3rd stage of accelerated courses of the Nikolaev Academy of the General staff on service in red army (1918-1930th)] // *Novejshaja istorija Rossii* [The Modern history of Russia]. 2016. № 2. S. 138–188.

5. *Volkov S.V. Oficery rossijskoj gvardii. Opyt martirologa* [Officers of the Russian guard. Experience martyrology]. М.: Russkij put', 2002. – 562 s.

6. *Oficery rossijskoj gvardii v Beloj bor'be / sost., nauch. red., predisl. i komment. S.V. Volkova* [Officers of the Russian guard in The white fight / comp., nauch. ed., Preface. and comments. S. V. Volkov]. – М.: Centrpoligraf, 2002. – 814 s.

В.А. Веретенко

Каминский В.В. Офицеры Русской Императорской Армии в Корпусе «красного» Генерального Штаба (персональный состав, служебная занятость, специфика личных судеб (1918–1945 гг.)). Биографический справочник. Т. 1. А-Ж. С.-Петербург, Издательский Центр «Гуманитарная Академия», 2018.

Новый труд известного военного историка В.В. Каминского «Офицеры Русской Императорской Армии в Корпусе «красного» Генерального Штаба (персональный состав, служебная занятость, специфика личных судеб (1918–1945 гг.)). Биографический справочник. Том 1. А-Ж» [1], выпущенный издательством «Гуманитарная Академия» (С.-Петербург) представляет собой справочник, содержащий биографии более 1500 человек (в 1-й том вошло около 500). Впервые в историографии предпринята попытка представить подробные биографии четырех поколений специалистов российского Генерального штаба, получивших высшее военное образование в его alma mater – Академии Генерального штаба. При всем различии судеб персонажей книги роднят по крайней мере три обстоятельства: все они на исходе 1917 г. находились в офицерских чинах (выше прапорщика), все обучались в Академии Генерального штаба, и, наконец, все они в 1918–1945 гг. служили в Красной армии.

Автор рецензируемого труда показал высокий профессионализм как в компоновке биографического материала (им рассмотрены практически все важнейшие вехи жизнедеятельности героев), так и в отображении источников: каждый факт или группа фактов в справочнике В. В. Каминского сопровождаются точными ссылками на источники.

Ключевые слова: АГШ, «генштабисты», РККА, справочник.

V.A. Veremenko

Kaminskiy V.V. Oficery Russkoj Imperatorskoj Armii v Korpuse «krasnogo» General'nogo Shtaba: personal'nyj sostav, sluzhebna-ya zanyatost', specifika lichnyh sudeb (1918–1945 gg.). [Officers Of the Russian Imperial Army in the red General Staff Corps: personnel, official employment, specifics of personal destinies (1918–1945)]. Т. 1. М.: Izdatel'skij Centr «Gumanitarnaya Akademiya», 2018.

The new work of the well-known military historian V. V. Kaminsky «Officers of the Russian Imperial Army in the Corps of the "Red" General Staff (personal composition, official employment, specific personal destinies (1918–1945)). Biographical

reference. Volume 1. А-Ж», published by the publishing house «Humanitarian Academy» (St.-Petersburg) is a directory containing biographies of more than 1500 people (in the first volume it was about 500). For the first time in historiography an attempt was made to present detailed biographies of four generations of specialists of the Russian General Staff who received higher military education in his alma mater, the Academy of the General Staff. Despite all the differences in the fate of the characters of the book, at least three circumstances are related: at the end of 1917 they were all in officer ranks (above the ensign), all were trained in the Academy of the General Staff, and finally all of them in 1918-1945. served in the Red Army. The author of the reviewed work showed high professionalism both in the layout of the biographical material (he considered practically all the most important milestones of the hero's life) and in the mapping of sources: every fact or group of facts in V.V. Kaminsky's handbook is accompanied by precise references to sources.

Key words: AGSH, "General Staff", Red Army, reference book.

В начале 2018 г. издательством «Гуманитарная Академия» был вышел в свет новый труд известного военного историка В.В. Каминского, посвященный биографиям офицеров Русской Императорской армии (далее – РИА), служивших позднее в корпусе «красного» Генерального штаба [1].

Хотя был издан пока только 1-й том (и мы с нетерпением ждем следующие), рецензируемый труд, бесспорно, следует считать рубежной чертой, как во всей современной отечественной и зарубежной историографии, посвященной российской военной истории первой трети XX века, так и в научном творчестве самого доктора истории В.В. Каминского. Остановимся на двух этих моментах подробнее.

Биографический справочник и жанр научной биографии

К своему справочнику В. В. Каминский шел долгие 12 лет, начиная со срока сдачи им в печать монографии (начало 2005 г.), увидевшей свет лишь спустя шесть лет после этого события [2]. Причем уже в этой монографии автором были заложены первые основы будущего справочника, поскольку на ее страницах (особенно во 2-м приложении) В. В. Каминским были представлены некоторые аспекты служебной занятости 703 выпускников самого престижного военно-учебного заведения РИА – Николаевской Академии Генерального штаба (далее – АГШ), служивших на исходе 1917 г. – осенью 1919 г. большевикам. Были отражены следующие аспекты биографии персонажей: фамилия, имя и отчество. того или иного «генштабиста», срок окончания им АГШ, последняя должность и чин в «добольшевицкой» армии, наконец – сведения о замещении им в тех или иных должностях на военной службе советской власти [2, с. 469–661].

После выхода в свет указанной монографии (начало 2011 г.) и до издания рецензируемого справочника (начало 2018 г.) отдельные

биографические статьи В.В. Каминского, в т. ч. и фундаментальные, касающиеся «групповой» служебной занятости, прошли апробацию в ведущих академических периодических изданиях РФ [3–9]. Тот же биографический аспект в рамках истории повседневности нашел свое отражение и в ряде материалов, написанных нами совместно с автором рецензируемого труда [10–12].

В основу биографических материалов, собранных в статьях справочника В.В. Каминского (1-й том) были положены, прежде всего, материалы из фондов Российского государственного военного архива (далее – РГВА, Москва). Всего за время подготовки справочника автором рецензируемого издания были проработаны материалы 27 фондов РГВА, четырех фондов Российского Государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ, Москва), в т. ч. – фондов видных большевистских лидеров Ф.Э. Дзержинского (Ф. 76), И.В. Сталина (Ф. 558) и Л.Д. Троцкого (Ф. 325) и трех фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ, Москва). Кроме того, за годы подготовки справочника автором были получены от целого ряда добровольных помощников материалы, по крайней мере из 10 региональных архивов РФ. Им всем автор выразил на страницах своего справочника благодарность [1, с. 131–132].

В актив автора следует записать его стремление остаться сторонним наблюдателем (идеал для всякого историка!) при изложении служебных биографий, особенно тех персон, кто за годы Гражданской войны начала прошлого века переходили из лагеря в лагерь. Автор не скрывает и не замалчивает (как это делает большинство «белых апологетов» от исторической науки) «красное» прошлое тех или иных «героев «белого дела»».

Отмечая многочисленные положительные стороны рецензируемого издания, следует отметить все же некоторую ограниченность источниковой базы преимущественно *именными списками*, которые были автором выявлены в значительном количестве как опубликованных, так и неопубликованных источниках. Данные именные списки подробно рассмотрены автором в первой вводной статье к справочнику, посвященной источниковедческому аспекту проблемы [1, с. 35–46]. В то же время указанная ограниченность источниковой базы может быть объяснена в значительной мере спецификой выбранной автором темы.

Справочник В. В. Каминского должен быть признан определенным знаковым событием в той области исторической науки, которая изучает проблематику социальной истории российской военно-интеллектуальной элиты первой половины прошлого века. Во-первых, потому что, как указано в аннотации к справочнику, В.В. Каминским была «впервые в историографии предпринята попытка (и от себя скажем, что она вполне удалась. –

В.В.) представить подробные биографии четырех поколений специалистов российского Генерального штаба, получивших высшее военное образование в его *alma mater* – Академии Генерального штаба». Причем, в данном случае *особо следует отметить четкое определение предмета исследования*. Для этой цели автором были определены три важных критерия помещения того или иного персонажа на страницы справочника: «При всем различии судеб персонажей книги роднят, по крайней мере, три обстоятельства: все они на исходе 1917 г. находились в офицерских чинах (выше прапорщика), все обучались в АГШ, и, наконец, все они в 1918–1945 гг. служили в Красной Армии» (сокращения наши. – *В.В.*) [1, с. 4].

Иными словами, перед нами своеобразная «эстафета 4-х поколений», когда выпускники АГШ довоенных времен (1-е и 2-е поколения российских «генштабистов»), например в 1920-е гг., передавали навыки и опыт строительства российской армии и руководства ею «военно-революционному» и чисто советскому поколениям «генштабистов» (3-е и 4-е поколения). Эта мысль является важнейшей и проходит лейтмотивом как через всю вторую вводную авторскую статью к рецензируемому изданию, так и через сами биографические статьи справочника [1, с. 47–130; 135–578]. Таким образом, перед нами вполне удавшаяся попытка применить в научном исследовании *методы индуктивного исследования и комплексного подхода* к изучаемой проблеме.

Во-вторых, по сути, нет такой сферы в служебных биографиях выпускников АГШ, которая бы не была рассмотрена в персональных статьях рецензируемого издания более-менее подробно. Это: дата и место рождения; социальное происхождение (положение); подробности службы как в рядах Российской Императорской армии, так и Рабоче-крестьянской Красной армии; сроки обучения, как в досоветской, так и в советской АГШ (в соответствии с персональными особенностями); этапы чинопроизводства в обеих армиях (если имели место), последние чин и должность в «старой» армии (*В.В. Каминский* в данном случае использует термин «добольшеvistская»). И наконец, самое главное, на что автор рецензируемого труда и обращает наибольшее внимание – в статьях подробно представлена персональная *служебная занятость в РККА всех офицеров РИА (выше прапорщика), обучавшихся в АГШ в течение того или иного срока периода с последней трети XIX в. – на начала 1925 г.*

В то же время автору настоящей рецензии, занимающейся проблематикой дворянско-офицерского «семейного быта» России периода последней трети XIX – начала XX в. более четверти века [см. напр.: 13–16], особенно близким представляется тот раздел в биографических статьях справочника *В.В. Каминского*, который имену-

ется «семейное положение», где «...при наличии соответствующего материала, указываются хотя бы примерные сроки пребывания "генштабистов" в браке и количество детей (если имело место)» [1, с. 130]. В свете сказанного, для нас представляет немалый интерес, прежде всего табл. № 13, помещенная во вторую вводную статью к рецензируемому изданию. Данная таблица отражает «семейную статистику "старо-офицерской части" Корпуса Генштаба РККА 1918–1945 гг.» и одновременно служит наглядным примером вполне удачного применения *сравнительно-исторического и статистического методов научного анализа*.

Всего же, в 472-х биографических статьях, вошедших в первый том справочника В.В. Каминского, данные о семейном положении представлены для 201 персоны (или – 43 %, почти половина). Довольно внушительное количество, хотя нам хотелось бы, чтобы именно этот раздел в биографических статьях рецензируемого издания был более насыщен подробностями.

Наконец, *в-третьих*, справочник В.В. Каминского самым положительным образом отличается практически от всех подобных предыдущих изданий тем, что, как пишет сам автор, «все статьи настоящего справочника построены по типу академических. Иными словами на всякий факт или группу фактов (фактографические фрагменты), приводимые в биографических статьях, автор дает точные ссылки на источники с указанием их выходных данных при первом случае цитирования или использования» [1, с. 130]. В правоте вышеприведенных слов В. В. Каминского может убедиться всякий желающий ознакомиться с рецензируемым изданием.

Следует признать, что справочник В. В. Каминского может быть и будет востребован не только профессиональными историками, но и всеми, кто ищет своих родственников и близких в пучине ушедших времен. В заключение нашего краткого обзора нового труда В.В. Каминского пожелаем автору дальнейших творческих успехов и скорейшего выхода в свет второго и следующих томов его справочника.

Список литературы

1. Каминский В.В. Офицеры Русской Императорской Армии в Корпусе «красного» Генерального Штаба (персональный состав, служебная занятость, специфика личных судеб (1918–1945 гг.)). Биографический справочник. Том 1. А-Ж. – СПб.: Гуманитарная Академия, 2018.

2. Каминский В.В. Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. – СПб.: Алетейя, 2011.

3. Каминский В.В. А.И. Андогский в дни «русской смуты» в 1917–1919 гг. // Вопр. истории. – 2008. – № 11. – С. 91–100.

4. Каминский В.В. Социально-бытовая мотивация в конкретных судьбах: Генерального штаба подполковник Виктор Иванович Оберюхтин – «слуга двух

господ» поочередно (1918–1938 гг.) // Новейшая история России (далее – НИР). – 2013. – № 1. – С. 66–80.

5. Каминский В.В. От А.В. Колчака – в Красную армию: служебная занятость и дальнейшие судьбы выпускников младшего класса 4-й очереди ускоренных курсов «белой» Академии Генерального штаба (Томск, апрель 1919 г.) // НИР. – 2014. – № 1. – С. 40–67.

6. Каминский В.В. Генерального штаба генерал-майор М. Е. Солнышкин: от храброго терского казака и «мятежника-корниловца» к добросовестному служаке в провинциальных штабах Красной армии. 1914–1924 гг. // НИР. – 2014. – № 3. – С. 132–144.

7. Каминский В.В. Генерального штаба генерал-лейтенант Н. Н. Стогов – добросовестный военный специалист Красной армии или заведомый «вредитель» в ее рядах? // НИР. – 2015. – № 1. – С. 59–70.

8. Каминский В.В., Петин Д.И. Русский артиллерист А. В. Беклемишев на службе в четырех армиях: опыт историко-биографического исследования // Вестн. архивиста. – 2016. – № 3. – С. 266–299.

9. Петин Д.И., Каминский В.В. Генерал-майор Генштаба Н.Н. Артамонов (1872–1937): Биография сквозь призму новых источников // Вестн. архивиста. – 2017. – № 3. – С. 275–300.

10. Каминский В.В., Вереме́нко В.А. Дворянская семья Барановских на сломе эпох // НИР. – 2016. – № 3. – С. 64–83.

11. Каминский В.В., Вереме́нко В.А. М.Д. Бонч-Бруевич – один из основателей Красной армии: страницы биографии // НИР. – 2018. – Т. 8. – № 1. – С. 57–69.

12. Мемуары О. М. Меницкой-Зоммар (01.03.1874–31.01.1967) / Публикация, комментарии и вступительная статья – Каминский В.В., Вереме́нко В.А. // История Повседневности. – 2017. – № 1. – С. 109–150.

13. Вереме́нко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX в.). – 2-е изд., доп. и испр. – СПб., 2009.

14. Вереме́нко В.А. Семья в обход закона: брачная практика российских офицеров во второй половине XIX – начале XX века // Воен.-ист. журн. – 2006. – № 3. – С. 55–59.

15. Вереме́нко В.А. Хозяйка на кухне: адаптационные практики в жизни российской дворянской семьи во второй половине XIX – начале XX в. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.): материалы междунар. науч. конф., 16–18 марта 2017 г. / отв. ред. В.А. Вереме́нко. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2017. – С. 315–323.

16. Вереме́нко В.А. Проблемы внебрачных семей офицеров и запасных в России начала XX века // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны): материалы междунар. науч. конф., 14–16 марта 2014 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Вереме́нко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. – С. 157–164.

References

1. *Kaminskij V.V. Oficery Russkoj Imperatorskoj Armii v Korpuse «krasnogo» General'nogo SHtaba: personal'nyj sostav, sluzhebnyaya zanyatost', specifika lichnyh sudeb (1918–1945 gg.)*. [Officers of the Russian Imperial Army in the red General Staff Corps: personnel, official employment, specifics of personal destinies (1918–1945)]. Т. 1. М.: Izdatel'skij Centr «Gumanitarnaya Akademiya», 2018. – 800 s.

2. Kaminskij V.V. *Vypuskniki Nikolaevskoj Akademii General'nogo Shtaba na sluzhbe v Krasnoj Armii* [Graduates of the Nikolaev Academy of the General Staff on service in red Army]. SPb.: Aletejja, 2011. – 734 s.

3. Kaminskij V.V. A.I. *Andogskij v dni «russkoj smuty» v 1917–1919 gg.* [A.I. Andovski in the days of the "Russian troubles" in 1917-1919] // *Voprosy istorii* [Questions of history]. 2008. № 11. S. 91–100.

4. Kaminskij V.V. *Sotsial'no-bytovaya motivatsiya v konkretnykh sud'bakh: General'nogo shtaba podpolkovnik Viktor Ivanovich Oberyukhtin – «sluga dvukh gospod» poocheredno (1918–1938 gg.)* [Social motivation in a particular destinies: the General staff Lieutenant Colonel Viktor Ivanovich Everyhtin – "the servant of two masters" interchangeably (1918–1938 gg.)] // *Novejshaya istoriya Rossii (dalee – NIR)* [Modern history of Russia (hereinafter – NIR)]. 2013. № 1. S. 66–80.

5. Kaminskij V.V. *Ot A.V. Kolchaka – v Krasnuyu armiyu: sluzhebnyaya zanyatost' i dal'nejshie sud'by vypusknikov mladshego klassa 4-j ocheredi uskorennykh kursov «beloj» Akademii General'nogo shtaba (Tomsk, april' 1919 g.)* [From A.V. Kolchak – to the Red army: official employment and further destinies of graduates of the Junior class of the 4th turn of the accelerated courses of "white" Academy of the General staff (Tomsk, April, 1919.)] // *NIR*. 2014. № 1. S. 40–67.

6. Kaminskij V.V. *General'nogo shtaba general-major M. E. Solnyshkin: ot khrabrogo terskogo kazaka i «myatezhnika-kornilovtza» k dobrosovestnomu sluzhake v provintsial'nykh shtabakh Krasnoj armii. 1914–1924 gg.* [General staff major General M. E. Solnyshkin: from the brave Terek Cossack and "rebel-kornilovtza" to a conscientious servant in the provincial headquarters of the red army. 1914–1924] // *NIR*. 2014. № 3. S. 132–144.

7. Kaminskij V.V. *General'nogo shtaba general-lejtenant N. N. Stogov – dobrosovestnyj voennyj spetsialist Krasnoj armii ili zavedomyj «vreditel'» v ee ryadakh?* [The General staff, Lieutenant-General N. N. Stacks – a bona fide military expert of the red army or the notorious "pest" in its ranks?] // *NIR*. 2015. № 1. S. 59–70.

8. Kaminskij V.V., Petin D.I. *Russkij artillerist A. V. Beklemishev na sluzhbe v chetyrekh armiyakh: opyt istoriko-biograficheskogo issledovaniya* [Russian gunner AV Beklemishev in the service of four armies: the experience of historical and biographical research] // *Vestnik arkhivista* [Bulletin of the archivist]. 2016. № 3. S. 266–299.

9. Petin D.I., Kaminskij V.V. *General-major Genshtaba N.N. Artamonov (1872–1937): Biografiya skvoz' prizmu novykh istochnikov* [Major General of the General staff N. H. Artamonov (1872-1937): Biography through the prism of new sources] // *Vestnik arkhivista* [Bulletin of the archivist]. 2017. № 3. S. 275–300.

10. Kaminskij V.V., Veremenko V.A. *Dvoryanskaya sem'ya Baranovskikh na slome ehpokh* [Noble family Baranovsky at the turn of epochs] // *NIR*. 2016. № 3. S. 64–83.

11. Kaminskij V.V., Veremenko V.A. *M.D. Bonch-Bruevich – odin iz osnovatelej Krasnoj armii: stranitsy biografii* [M. D. Bonch-Bruevich – one of the founders of the red army: biography pages] // *NIR*. 2018. T. 8. № 1. S. 57–69.

12. *Memuary O.M. Menitskoj-Zommar (01.03.1874–31.01.1967) / Publikatsiya, kommentarii i vstupitel'naya stat'ya – Kaminskij V.V., Veremenko V.A.* [Memoirs of O. M. Minicoy-Sommar (01.03.1874–31.01.1967) / Publication, comments and introduction – Kaminsky V.V., Veremenko V.A.] // *Istoriya Povsednevnosti* [The History of Everyday life]. 2017. № 1. S. 109–150.

13. Veremenko V.A. *Dvoryanskaya sem'ya i gosudarstvennaya politika Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Noble family and state policy of Russia (the second half of XIX – beginning of XX century)]. SPb., 2009.

14. Veremenko V.A. *Sem'ya v obkhod zakona: brachnaya praktika rossijskikh ofitserov vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka* [Family bypassing the law: marriage practice of Russian officers in the second half of the XIX – early XX century] // *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military historical magazine]. 2006. № 3. S. 55–59/

15. Veremenko V.A. *KHozyajka na kukhne: adaptatsionnye praktiki v zhizni rossijskoj dvoryanskoj sem'i vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* [Hostess in the kitchen: adaptation practices in the life of the Russian noble family in the second half of XIX – early XX century. / /] // *EHkstremal'noe v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (k 100-letiyu russskoj revolyutsii 1917 g.): materialy mezhdunar. nauch. konf., 16–18 marta 2017 g. / otv. red. V.A. Veremenko* [Extreme in everyday life of the Russian population: history and modernity (to the 100th anniversary of the Russian revolution of 1917): materials international. science. Conf., 16-18 March 2017 / resp. edited by V. A. Veremenko]. SPb.: LGU im. A. S. Pushkina, 2017. S. 315–323.

16. Veremenko V.A. *Problemy vnebrachnykh semej ofitserov i zapasnykh v Rossii nachala XX veka* [Problems in non-marital families of officers and replacement in Russia of the early twentieth century] // *Vojna i povsednevnyaya zhizn' naseleniya Rossii XVII – XX vv. (k stoletiyu nachala Pervoj mirovoj vojny): materialy mezhdunar. nauch. konf., 14–16 marta 2014 g. / pod obshh. red. prof. V.N. Skvortsova; otv. red. V.A. Veremenko* [War and everyday life of the population of Russia XVII – XX centuries (to the centenary of the First world war): proceedings of the international. science. Conf. From 14 to 16 March, 2014 / under the General editorship of Professor V. N. Skvortsova; resp. edited by V.A. Veremenko]. SPb: LGU im. A.S. Pushkina, 2014. S. 157–164.

Сведения об авторах

Алнаддаф Сафуан Нассиф, демонстрант кафедры истории (в Дамаске), аспирант ИМОИВ, Казанский федеральный университет; e-mail: Safwan1982.24@gmail.com

Брежнева Светлана Николаевна, доктор исторических наук, профессор, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: brezhneva_s_n_@mail.ru

Веремenco Валентина Александровна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: v.a.veremenko@ya.ru

Войтиков Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, главный специалист Центральный государственный архив города Москвы; e-mail: svoyt@mail.ru

Жукова Анастасия Евгеньевна, аспирант кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: sstasja@yandex.ru

Зуев Алексей Николаевич, преподаватель специального факультета, Военная академия радиационной, химической и биологической защиты им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко; e-mail: zuewa1987@mail.ru

Иофе Валерий Григорьевич, магистр международной ассоциации «Искусство народов мира», Национальный Университет Узбекистана имени М. Улугбека, кафедра источниковедения и архивоведения, доцент в.б., Республика Узбекистан г. Ташкент; e-mail: valeriy-iofe@yandex.com

Исповедников Дмитрий Юрьевич, кандидат исторических наук, главный специалист, Российский государственный военный архив (Москва, РФ); e-mail: mitispo@gmail.com

Кабакова Наталья Васильевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Философия», Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет; e-mail: natalya-kabakova@rambler.ru

Каминский Валерий Владимирович, PhD истории, независимый исследователь (г. Ашдод, Израиль); e-mail: kaminskij.valera@yandex.com

Куприянов Валерий Николаевич, член-корреспондент, Российская академия космонавтики им. К.Э. Циолковского; председатель секции истории космонавтики и ракетной техники, Северо-Западная межрегиональная общественная организация Федерации Космонавтики России; e-mail: kuvnik@yandex.ru

Лосик Александр Витальевич, доктор исторических наук, профессор, Балтийский технический университет (Военмех) им. Д.Ф. Устинова, заместитель редактора журнала «КЛИО»

Минникова Татьяна Николаевна, историк, штатный сотрудник, Тосненский историко-краеведческий музей; e-mail: minnikovatn@mail.ru

About authors

Alnaddaf Safwan Nassif, Teacher Assistant, Department of History (in Damascus), Postgraduate in the Federal University of Kazan; e-mail: Safwan1982.24@gmail.com

Brezhneva Svetlana Nikolaevna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Pushkin Leningrad State University; e-mail: brezhneva_s_n_@mail.ru

Iofe Valery Grigor'evich, Magister of international association "Art of the peoples of the world", M. Ulugbek National University of Uzbekistan, Department of Source and Archival Science, Associate Professor, Republic of Uzbekistan, Tashkent; e-mail: valeriy-iofe@yandex.com

Ispovednikov Dmitrij Yur'evich, Candidate of Historical Sciences, Chief Specialist of the Russian State Military Archive (Moscow, Russia); e-mail: mitispo@gmail.com

Kabakova Natal'ya Vasil'evna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Philosophy Department, Siberian State Automobile and Highway University; e-mail: natalya-kabakova@rambler.ru

Kaminsky Valeriy Vladimirovich, PhD in History, independent researcher (Ashdod, Israel); e-mail: kaminsckij.valera@yandex.com

Kupriyanov Valerij Nikolaevich, Corresponding member of the K.E. Tsiolkovsky Russian Academy of cosmonautics, Chairman of the section of the history of cosmonautics and rocket technology of the North-West interregional public organization, Federation of Cosmonautics of Russia; e-mail: kuvnik@yandex.ru

Losik Aleksandr Vital'evich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Baltic technical University (Voenmekh) D. F. Ustinov, Deputy editor of the magazine "CLIO"

Minnikova Tatiana Nikolaevna, Historian, Museum of local history, e-mail: minnikovatn@mail.ru

Zhukova Anastasiya Evgen'evna, Postgraduate of the History of Russia Department, Pushkin Leningrad State University; e-mail: sstasja@yandex.ru

Zuev Aleksey Nikolaevich, Course Commander – teacher of the special department of the Military Academy of Nuclear, Chemical and Biological Defense by the Marshal of the Soviet Union S.K. Timoshenko; e-mail: zuewa1987@mail.ru

Veremenko Valentina Aleksandrovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of History of Russia Department, Pushkin Leningrad State University; e-mail: v.a.veremenko@ya.ru

Voytikov Sergej Sergeevich, Candidate of Historical Sciences, Senior Specialist, Moscow Central State Archive (Moscow, Russia); e-mail: svoyt@mail.ru

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования Ленинградской области
«ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А.С. ПУШКИНА»

приглашает Вас к сотрудничеству в **новом научном журнале**

«ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ»

История повседневности стала в последние годы одним из ведущих направлений изучения отечественного и зарубежного прошлого. Актуальность данного направления определяется, во-первых, междисциплинарным подходом к анализу исторических проблем, что находит свое проявление в широком использовании методов этнологии и антропологии, демографии и политологии, экономики, психологии и филологии. Во-вторых, актуальность истории повседневности обусловлена особым вниманием к человеку, его обыденным проявлениям во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах, что способствует преодолению схематизма и упрощения в процессе познания истории.

К публикации в научном журнале «История повседневности» принимаются оригинальные (ранее не публиковавшиеся) научные статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов данного направления исторической науки:

- теория и методология истории повседневности;
- историография и источники по истории повседневности;
- событийная область публичной повседневной жизни отдельных людей и социальных групп;
- производственный быт и повседневность труда;
- экономическая повседневность в условиях мирного и военного времени;
- экстремальная, военная, революционная повседневность;
- аномальная повседневность;
- праздничная повседневность;
- влияние государственной политики на повседневную жизнь людей;
- международные отношения и их влияние на повседневную жизнь населения той или иной страны;
- общественное сознание и повседневная жизнь;
- эмоциональная сторона событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей;
- обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле;
- гендерная история, история семьи и детства;
- этно-конфессиональный аспект истории повседневности;
- проблемы макро- и микро- истории.

На страницах научного издания (журнала) найдут свое место также информация о конференциях и других научных мероприятиях, затрагивающих проблемы повседневности и проходящих в разных регионах нашей страны и мира, комментированные публикации источников, рецензии и отзывы. Мы рассчитываем, что данный журнал станет посредником и организатором многочисленных научных дискуссий, объединив тех, кто активно занимается или только приступает к освоению проблем истории повседневности.

Редакция журнала принимает к рассмотрению рукописи на русском или английском языках **объемом от 0,5 до 1,0** печатного листа (электронная версия обязательна). С текстом статьи необходимо предоставлять один экземпляр внешнего отзыва, заверенного печатью организации, дающей отзыв.

Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

Правила оформления материалов:

НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ в статье должны быть указаны **УДК**, название статьи, аннотация (800–1000 знаков), ключевые слова (10–12 слов), ФИО авторов (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы или учебы, должность или курс (кафедра, институт, университет), страна, город, адрес служебный/домашний, телефон служебный/домашний, адрес электронной почты.

Компьютерный текст должен быть набран 14 кеглем в редакторе WORD; параметры страницы (поля) 2,0 см; абзац – 1,25; интервал – полуторный; шрифт – Times New Roman; сноски оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страниц [1, с. 21], архивных документов – с указанием листов [2. Л. 3].

Список литературы приводится 14 кеглем в конце статьи **по порядку упоминания в тексте**.

В списке источников и литературы должно быть указано не менее 10 наименований.

В ссылках на книги обязательно указываются издательство и количество страниц, в ссылках на журналы – страницы на которых расположена статья, в ссылках на Интернет ресурсы – дата обращения.

См. образцы:

1. Драке Л.Л. Кадетский быт 50-х годов (отрывочные воспоминания). – СПб.: В. Березовский, 1911. – 32 с.

2. Мельцин М.О. От дворянского происхождения к судьбе советского интеллигента: жизнь и творчество В.Н. Долгорукова (Владими́рова) // Новейшая история России. – 2013. – № 3(08). – С. 174–186.

3. Лобанов В. В. Роль труда в опытах физического воспитания В.С. Пирусского // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. – 2013. – № 9(137). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-truda-v-opytah-fizicheskogo-vospitaniya-v-s-pirusского> (дата обращения: 01.12.2015).

4. Институт русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ РАН). (Пушкинский дом). Ф. 15 – Ольги Георгиевны Базанкур. Д. 1.

В конце текста должен быть представлен транслитерированный (в латинице) и переведенный на английский язык библиографический список. Транслитерация должна осуществляться автоматически (можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.net/?account=bsi>).

Порядок написания: **Авторы** (транслитерация); **название статьи** (транслитерация); [**перевод названия статьи на английский язык** в квадратных скобках]; **название русскоязычного источника** (транслитерация); [**перевод названия источника на английский язык**]; **выходные данные** с обозначениями на английском языке (город, издательство); **цифровые данные** (год, страницы).

Пример:

References

1. Drake L.L. *Kadetskii byt 50-kh godov (otryvochnye vospominaniya)* [Cadet Life 50s (fragmentary memories)]. St. Petersburg: V. Berезovskii, 1911. – 32 p.

2. Mel'tsin M.O. *Ot dvoryanskogo proiskhozhdeniya k sud'be sovetskogo intelligenta: zhizn' i tvorchestvo V.N. Dolgorukova (Vladimirova)* [Of noble origin to the fate of the Soviet intelligentsia: the life and work of VN Dolgorukov (Vladimirov)] // *Noveishaya istoriya Rossii* [The modern history of Russia]. – 2013. – № 3(08). – P. 174–186.

Полнотекстовые версии журнала размещаются на сайтах Научной электронной библиотеки и Киберленинки, включены в национальную информационно-аналитическую систему **РИНЦ** (Российский индекс научного цитирования).

Статьи, оформленные в соответствии с указанными требованиями, можно отправить по электронной почте – **E-mail: v.a.veremenko@ya.ru**

Для заметок

Научный журнал

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

№ 2 (7)

На обложке размещена репродукция картины
К.С. Петрова-Водкина «Девочка за партой», 1934 г.,
Астраханская государственная картинная галерея им. П.М. Догадина

Редактор *Т. Г. Захарова*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 20.06.2018. Формат 60x84 1/16.

Гарнитура Agial. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 10. Тираж 500 экз. Заказ № 1458

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10